О. М. ЛЕРНЕРЪ.

ЕВРЕИ въ НОВОРОССІЙСКОМЪ КРАѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

По даннымъ изъ архива бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора.

ОДЕССА.
Типографія Г. М. Левинсона, Ришельевская 19.
1901.

Дозволено цензурою. Одесса, 6 Іюля 1901 года.

Къ читателю.

Предлагая настоящіе очерки вниманію читающей публики, мы полагаемъ, что трудъ нашъ долженъ въ одинаковой степени заинтересовать какъ евреевъ, которымъ, конечно, ближе всего все, что такъ или иначе относится къ ихъ прошлому, такъ и истинно русскихъ людей, сознающихъ всю важность правильнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса для нашей государственной жизни и относящихся безъ предубѣжденія ко всѣмъ своимъ согражданамъ, считающимъ необъятную Русь своимъ отечествомъ.

Въ очеркахъ нашихъ, основанныхъ на оффиціальныхъ данныхъ, добытыхъ изъ архива бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора, вѣрно отражается бытъ еврейскаго населенія въ Россіи и, главное, рельефно выступаютъ заботы правительства о поднятіи его умственно-духовнаго уровня. Особый интересъ представляютъ страницы, посвященныя незабвенной „уваровской эпохѣ“, когда не только министерство народнаго просвѣщенія, но и всѣ высшія государственныя учрежденія направляли свои усилія къ тому, чтобы сдѣлать евреевъ, ни въ малѣйшемъ не посягая на ихъ самобытность и національную физіономію, культурными людьми и полезными русскими граж-

данами. Много утѣшительнаго найдетъ въ этихъ страницахъ не только еврей, которому въ послѣдніе годы все труднѣе становится оріентироваться среди массы разнообразныхъ теченій, вносящихъ смуту въ его взгляды на настоящее и будущее своего народа, но и каждый беспристрастный читатель, ставящій благо родины—въ самомъ широкомъ значеніи этого понятія—выше всякихъ узкихъ партійныхъ интересовъ. И дѣйствительно, подробное ознакомленіе съ задачами правительства и его мѣропріятіями, имѣвшими цѣлью своей разрушеніе еврейской замкнутости и обособленности, заставляетъ вѣрить, что рано или поздно будетъ признано необходимымъ продолжать начатую борьбу при помощи единственно вѣрнаго и испытаннаго средства—усиленія просвѣтительныхъ элементовъ среди евреевъ. Правда, много грустнаго и безотраднаго встрѣчается среди собранныхъ нами данныхъ, но сопоставленіе печальныхъ и неудачныхъ опытовъ, давно отошедшихъ въ область забвенія, съ благопріятными результатами, достигнутыми въ послѣднее время, не оставляетъ сомнѣнія на счетъ успѣшнаго исхода борьбы свѣта съ тьмою, — борьбы, для которой само еврейство выдвигаетъ теперь не мало энергичныхъ и достойныхъ борцовъ. Съ этой точки зрѣнія сами „картины прошлаго“ въ точномъ и объективномъ историческомъ воспроизведеніи теряютъ отчасти свой неприглядный характеръ, напоминая только читателю, что весь смысль исторіи заключается именно въ томъ, чтобы „все понять и все простить“.

Одесса.

О. М. ЛЕРНЕРЪ.

Одесское еврейское училище.

Открывая настоящими строками рядъ очерковъ, заключающихъ въ себѣ довольно цѣнные матеріалы для исторіи евреевъ, поселившихся въ Новороссійскомъ краѣ, и составленныхъ нами на основаніи документальныхъ данныхъ, хранящихся въ архивѣ канцеляріи упраздненнаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернаторства, мы рѣшились держаться хронологической послѣдовательности и, поэтому, отводимъ первое мѣсто относящемуся къ 1826 году дѣлу объ учрежденіи въ Одессѣ еврейскаго училища,—учебнаго заведенія особаго типа, вызваннаго въ жизни маленькой горстью выдававшихся среди первыхъ одесскихъ евреевъ піонеровъ европейскаго образованія и сыгравшаго весьма видную роль въ просвѣтительной дѣятельности этого города.

Едва прошло четверть вѣка съ того времени, когда Одесса изъ пустынной турецкой деревушки успѣла превратиться въ кипучій и многообѣщающій торговый центръ, какъ среди ея малочисленнаго еврейскаго населенія, большинство котораго составляли тогда австрійскіе выходцы, появилось сознаніе о необходимости учрежденія специальной школы для воспитанія еврейскаго юношества. И вотъ 13 октября 1826 года на имя исправлявшаго должность Новороссійскаго генералъ-губернатора и полномочнаго намѣстника Бессарабской области графа Ѳедора Петровича Палена поступило витіевато написанное прошеніе четырехъ евреевъ, Якова Натанзона, Леона Ландау, Г. Герценштейна и Іос. Швефельберга, которые, указывая на то, что они являются исполнителями желанія членовъ „общества", и упоминая объ утвержден-

номъ 6 декабря 1804 года Положенiи о евреяхъ, какъ о „человѣколюбивомъ“ законодательномъ актѣ, въ которомъ Императоръ Александръ I, „стараясь о благѣ всѣхъ народовъ, распространилъ попеченія свои и на евреевъ, и мудрость его познала вскорѣ, что первое вѣрнѣйшее средство улучшить нравы народа есть посвятить старанiе новому поколѣнію, котораго мягкія сердца отворены ко всякимъ впечатлѣніямъ“, просятъ открыть въ Одессѣ училище „на иждивеніи кагальномъ“. При этомъ прошеніи были также приложены: составленный на древне-еврейскомъ языкѣ приговоръ 66 евреевъ изъ жителей Одессы и планъ предполагаемой школы. „На сей конецъ—говорится въ упомянутомъ приговорѣ—признаемъ мы за благо издержки, нужныя на учрежденіе и содержаніе сказаннаго училища, употребить изъ кассы нашего общества, какъ на дѣло великой и всеобщей пользы, еслиже бы она была недостаточна на таковые чрезвычайные расходы, то мы охотно соглашаемся, чтобы цѣна на говядину нашу была возвышена двумя копейками съ ока, лишь бы только съ помощью Всемогущаго сподобились мы узрѣть событія сего предмета усерднѣйшихъ нашихъ пожеланій къ пользѣ своей и дѣтей нашихъ изъ рода въ родъ“. Въ программу училища, въ которомъ на первыхъ порахъ должны были существовать только четыре класса, были включены, какъ обязательные предметы, сверхъ священнаго писанія, еврейскаго языка и грамматики его, талмуда, ариѳметики и чистописанія, языки русскій и нѣмецкій, изъ коихъ, по характерному выраженію составителей плана, первый „достоинъ особаго вниманія, какъ языкъ отечественный“, а второй „важенъ потому, что жидовскій діалектъ есть не иное что, какъ испорченный нѣмецкій“. Во главѣ училища долженъ былъ находиться особый директоръ, который вмѣстѣ съ избранными обществомъ попечителями составляли школьную коммиссію, вѣдавшую не только всю хозяйственную часть, но составлявшую нѣчто въ родѣ экзаменаціоннаго ареопага для испытанія принимаемыхъ на службу учителей. Кромѣ того, для фактическаго надзора за „порядкомъ

школы, преподаванiемъ уроковъ и поведенiемъ воспитанниковъ" долженъ былъ функцiонировать особый штатъ инспекторовъ съ обязанностью чередоваться между собою каждый мѣсяцъ и представлять школьной коммиссiи подробные отчеты о своей дѣятельности.

Графъ Паленъ отнесся съ полнымъ сочувствiемъ къ ходатайству евреевъ и уже на третiй день, 15 октября, отправилъ письмо тогдашнему министру народнаго просвѣщенiя А. С. Шишкову, доводя до свѣдѣнiя послѣдняго о данномъ имъ разрѣшенiи на открытiе еврейскаго училища и выражая свое особое удовольствiе по поводу такого отраднаго движенiя среди евреевъ въ пользу образованiя и правильнаго воспитанiя дѣтей. Въ то же время графъ увѣдомилъ исправлявшаго должность одесскаго градоначальника д. с. с. Могилевскаго о томъ, что, разсмотрѣвъ общественный приговоръ и планъ предполагаемаго училища, „нашелъ, что таковое совершенно согласно съ видами правительства" и предложилъ ему: „1) предписать здѣшнему кагалу, чтобы онъ объявилъ всѣмъ пребывающимъ здѣсь евреямъ, что начальство не только соглашается на учрежденiе здѣсь училища для ихъ дѣтей, но всѣми законными мѣрами будетъ покровительствовать оное; 2) объявить тому же кагалу, чтобы онъ допустилъ евреевъ, подписавшихъ помянутый приговоръ, къ выбору изъ среды себя директоровъ и инспекторовъ училища и представилъ объ оныхъ на мое утвержденiе; 3) когда директоръ и кассиръ будутъ избраны и мною утверждены, тогда разрѣшить кагалу отпустить имъ 5000 рублей, просимые ими на ежегодное содержанiе того училища".

Съ какой энергiей и быстротой дѣйствовали инициаторы училища, пользовавшiеся сочувствiемъ и поддержкой со стороны высшей администрацiи края,—объ этомъ легко судить по тому, что 15 октября послѣдовало только распоряженiе графа Палена о производствѣ выборовъ должностныхъ лицъ для завѣдыванiя школьнымъ дѣломъ, а черезъ шесть дней выборы эти уже состоялись.

Избранными оказались, кромѣ лицъ, подписавшихъ первоначальное прошеніе на имя графа Палена, д-ръ Розенблюмъ, Давидъ Фридманъ, Беръ Берштейнъ и Соломонъ Гуровичъ.

Въ какой день собственно послѣдовало открытіе училища— изъ дѣла не видно, но надо полагать, что очень скоро. Это подтверждается тѣмъ, что когда министерство народнаго просвѣщенія изъявило съ своей стороны согласіе на существованіе училища, но вмѣстѣ съ тѣмъ обратилось къ графу Палену съ запросомъ относительно программы заведенія, названія учебниковъ, а также указанія ценза и званія допущенныхъ къ занятіямъ учителей, то въ отвѣтѣ своемъ, составленномъ 31 декабря 1826 г., генералъ-губернаторъ даетъ обстоятельное описаніе училища, очевидно, функціонировавшаго уже нѣкоторое время и давшаго своимъ руководителямъ возможность представить начальству опредѣленныя свѣдѣнія. Изъ этого пространнаго отвѣта видно, что учителей на первый разъ положено шесть и сверхъ того одинъ помощникъ для приготовительнаго класса. Директоромъ заведенія состоялъ еврей—иностранецъ Зиттенфельдъ, выдержавшій надлежащій экзаменъ въ лицеѣ. Среди учителей былъ только одинъ христіанинъ— русско-подданный Шостакъ, преподававшій русскій языкъ; всѣ же остальные учителя были австрійскіе евреи, изъ которыхъ лишь нѣкоторые имѣли аттестаты реальнаго училища. Всѣ учебники были на нѣмецкомъ языкѣ, не исключая даже и русской исторіи, которая преподавалась по Карамзину въ сокращенномъ переводѣ Г. Таппе. „Въ заключеніе сихъ свѣдѣній,—заканчиваетъ графъ Паленъ свое посланіе,—я долгомъ поставленъ покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство о снисхожденіи къ тѣмъ статьямъ, кои въ одесскомъ еврейскомъ училищѣ не сходны съ общепринятыми въ Россіи правилами. Училище сіе есть заведеніе совершенно новое въ своемъ родѣ и открытіе онаго сопряжено было съ большими затрудненіями. Если оно будетъ продолжаться, то нѣтъ сомнѣнія, что принесетъ большую пользу. Если же подвергнуть оное всѣмъ безъ исключенія правиламъ и формамъ, при-

нятымъ для русскихъ училищъ, и особенно въ отношеніи къ экзаменамъ учителей, то оно разрушится. Суевѣрные евреи и теперь стараются объ уничтоженіи онаго, боясь всякаго просвѣщенія".

Указанія графа Палена на „старанія суевѣрныхъ евреевъ" и на „большія затрудненія", съ которыми сопряжено было открытіе училища, находятъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ довольно любопытномъ фактѣ. Дѣло въ томъ, что въ средѣ самой еврейской общины на первыхъ же порахъ возникъ расколъ, и подавляющее большинство враговъ свѣта и прогресса старалось всячески противодѣйствовать новаторской затѣѣ сторонниковъ образованія. Характерно то, что даже среди 66 лицъ, подписавшихъ первоначальный приговоръ объ учрежденіи училища, нашелся одинъ (Шлема Розенталь), добавившій къ своей еврейской подписи лаконическое требованіе, чтобы проектируемое заведеніе находилось исключительно подъ наблюденіемъ духовнаго раввина. Требованіе это, идущее въ разрѣзъ со всѣми детальными предначертаніями инициаторовъ дѣла, было изложено на древне-еврейскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего столь рѣзкій диссонансъ, съ которымъ скоро пришлось считаться, остался незамѣченнымъ высшей администраціей. Вотъ почему графъ Паленъ былъ чрезвычайно пораженъ, когда, 26 октября 1826 года, въ самый разгаръ подготовительныхъ дѣйствій по открытію училища и обезпеченію его существованія, на его имя поступило прошеніе отъ „одесскаго еврейскаго общества", въ которомъ говорится слѣдующее: „отъ еврейскаго кагала объявлено обществу нашему повелѣніе о предполагаемомъ учрежденіи въ Одессѣ на счетъ общественной кассы училища для изученія еврейскаго языка, правилъ нашей религіи и преподаванія языковъ русскаго и нѣмецкаго. Узнавъ изъ сего предписанія, что поводомъ сему былъ приговоръ и прошеніе, поданное вашему сіятельству отъ 66 человѣкъ извѣстнѣйшихъ здѣшнихъ евреевъ, и будучи извѣстны, что изъ числа подписанныхъ на томъ приговорѣ нѣкоторые евреи явно нарушаютъ правила

религіи, черезъ что, опасаясь ввѣрить руководству ихъ юношество, принимаемъ смѣлость изложить на благоуваженіе вашего сіятельства слѣдующее: 1) для изученія еврейскаго языка и правилъ религіи общество наше имѣетъ здѣсь достаточно училищъ, сверхъ коихъ учрежденіе новаго для сего самаго предмета послужитъ однимъ напраснымъ умноженіемъ расходовъ. 2) Въ существующихъ теперь еврейскихъ училищахъ недостаетъ одного преподаванія русскаго и нѣмецкаго языковъ, но для сего имѣютъ многіе изъ гражданъ на свой счетъ домашнихъ учителей и есть въ Одессѣ внѣшній лицей, открытый для всѣхъ, гдѣ безъ особенныхъ издержекъ, всегда служащихъ обремененіемъ для народа, представлено обучаться и еврейскимъ дѣтямъ; слѣдовательно въ учрежденіи нарочно для сего другого училища не предстоитъ никакой надобности". Указывая затѣмъ на скудныя средства общественной кассы и, главное, на то, „что земскій савраньскій и одесскій раввины, предварительно разсматривавшіе правила предположеннаго училища, признали оныя несогласными правиламъ нашей религіи", петиціонеры просили о пріостановленіи учрежденія училища въ интересахъ предохраненія юношества „отъ иноземнаго воспитанія и измѣненія обрядовъ религіи". Петиція эта, покрытая сотнями подписей, вызвала справедливое негодованіе гр. Палена, черезъ два уже дня обратившагося къ „обществу живущихъ въ Одессѣ евреевъ" съ энергическимъ извѣщеніемъ слѣдующаго содержанія: „13 числа текущаго мѣсяца извѣстнѣйшіе изъ среды вашего общества 66 человѣкъ подали мнѣ при прошеніи своемъ приговоръ объ учрежденіи здѣсь на общественный вашъ счетъ училища, въ которомъ дѣти ваши обучались бы, сверхъ еврейскаго языка и правилъ вашей религіи, языкамъ русскому и нѣмецкому. Намѣреніе сіе не только похвально и согласно съ видами правительства, но составляетъ исполненіе Высочайшей воли, ясно изложенной 9 декабря 1804 года въ Положеніи о евреяхъ и въ другихъ узаконеніяхъ. По силѣ сихъ узаконеній начальство могло бы понудить васъ къ учрежденію школъ

и даже налагать на васъ для сего предмета новыя подати. Здѣсь васъ къ тому не принуждали и никакимъ новымъ налогомъ не отягощаютъ. Вамъ дано позволенiе исполнить то, о чемъ извѣстнѣйшiе изъ васъ просили. Послѣ сего я, къ удивленiю моему, получилъ новое отъ имени вашего же общества прошенiе, подписанное многими неизвѣстными мнѣ людьми такимъ образомъ, что иные писали не только свое имя, но и нѣсколько другихъ именъ одной рукою. Въ прошенiи семъ помѣщены разныя оскорбительныя выраженiя на счетъ евреевъ, подписавшихъ приговоръ объ учрежденiи училища, и даже сказано будто-бы таковое учрежденiе найдено раввинами вреднымъ. Все сiе показываетъ, что среди васъ есть нѣсколько неблагонамѣренныхъ людей, кои не только отвращаютъ другихъ отъ общественныхъ предпрiятiй и безпокоятъ начальство пустыми просьбами, но даже осмѣливаются идти противъ Высочайшей воли самого Государя Императора. Стараясь по долгу званiя на сколько возможно о благахъ всѣхъ жителей края здѣшняго, я приглашаю почетнѣйшихъ изъ васъ внушить неблагонамѣреннымъ собратьямъ вашимъ, чтобы они, оставивъ всѣ личности и споры, поспѣшили соединиться всѣ вмѣстѣ для исполненiя такого предпрiятiя, которое ничего кромѣ пользы обѣщать вамъ не можетъ. Оно нисколько не касаетя до правилъ религiи вашей и не можетъ колебать оной. Доказательствомъ тому служитъ, что начальство предоставляетъ вамъ полную свободу избирать въ помянутое училище какъ попечителей, такъ директора и учителей. Въ заключенiе долженъ напомнить, что нарушители общаго спокойствiя, по узаконенiямъ нашимъ, подвергаются строжайшему наказанiю“.

Извѣщенiе это имѣло своимъ результатомъ то, что прекратились всякiя попытки обскурантовъ въ смыслѣ вооруженiя начальства противъ задачи училища, которое въ ноябрѣ было уже открыто, такъ какъ донесенiе градоначальника отъ 10 ноября 1826 года свидѣтельствуетъ объ отпускѣ кагаломъ въ распоряженiе инспекторовъ 5000 р. Но за то внутреннее броженiе да-

леко не улеглось. Броженіе это характеризуется слѣдующимъ рапортомъ градоначальника на имя гр. Палена отъ 19 ноября: „Здѣшній еврейскій кагалъ—пишетъ д. с. с. Могилевскій—вошелъ съ донесеніемъ въ одесскую градскую полицію, что одесскій мѣщанинъ Мордко Фельдманъ въ многолюдномъ еврейскомъ собраніи произнесъ на счетъ учрежденнаго въ Одессѣ, по распоряженію начальства, еврейскаго училища неблаговидныя слова, относящіяся укоризною на счетъ правительства и къ обидѣ еврейскаго общества, и просилъ поступить съ нимъ за то по законамъ. Вслѣдствіе чего, когда полиція потребовала отъ Фельдмана показанія, то онъ въ дачѣ таковаго оказалъ упорство съ произношеніемъ въ присутствіи оной неприличныхъ и дерзкихъ словъ съ нѣкоторымъ шумомъ и азартомъ, за что оной полиціей задержанъ подъ надзоромъ, но по представленіи поручительства 11 числа текущаго ноября освобожденъ. Еврейское общество, почитая для себя весьма оскорбительнымъ поступокъ Фельдмана, и проситъ въ примѣръ другимъ предать его законному сужденію. Получивъ о семъ отъ градской полиціи донесеніе и принимая въ соображеніе личное завѣреніе г. полиціймейстера, что еврей Фельдманъ за описанный выше его поступокъ находился подъ надзоромъ оной полиціи по приказанію Вашего Сіятельства, я по уваженію сему, не приступая къ удовлетворенію настоящаго домогательства еврейскаго общества, честь имѣю покорнѣйше испрашивать Вашего Сіятельства разрѣшенія: довольствоваться-ли въ семъ случаѣ сдѣланнымъ уже полиціей Фельдману арестомъ, или-же нужно будетъ произвесть о семъ происшествіи формальнымъ порядкомъ слѣдствіе и виновнаго передать суду городового магистрата“. По поводу этого рапорта послѣдовало 1 декабря распоряженіе гр. Палена о начатіи слѣдствія и препровожденіи затѣмъ производства куда слѣдуетъ на заключеніе.

Этими документами исчерпываются всѣ свѣдѣнія о противодѣйствіи открытію училища, которому на первый годъ было ассигновано кагаломъ 9000 р. на покрытіе бюджета его въ 7600 р.

Число учениковъ сразу возросло до 208. и уже 19 апрѣля 1827 года министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ сообщаетъ гр. Палену, что еврейскій комитетъ, считавшійся тогда высшимъ правительственнымъ органомъ для вѣденія дѣлъ евреевъ, признаетъ нужнымъ также съ своей стороны поддерживать одесское еврейское училище, какъ „первое полезное заведеніе сего рода въ Россіи, могущее служить примѣромъ для прочихъ евреевъ“, и полагаетъ, чтобы оно было поручено исключительному наблюденію и попеченію мѣстнаго гражданскаго начальства.

Въ 1827 году расходъ училища, въ виду наплыва учениковъ и увеличенія штата преподавателей, выразился уже въ суммѣ 13,500 р. Лица, стоявшія во главѣ этого заведенія, пришли, поэтому, къ заключенію о необходммости пріобрѣсть для него собственный домъ. Дорожившій процвѣтаніемъ училища гр. Паленъ призналъ цѣлесообразнымъ установить налогъ на кошерную говядину, и такимъ образомъ въ Одессѣ впервые былъ введенъ коробочный сборъ, взиманіе котораго во всѣхъ другихъ городахъ урегулировано законодательнымъ порядкомъ лишь въ 1844 году. Кромѣ того гр. Паленъ вошелъ съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ объ отпускѣ училищу изъ городскихъ доходовъ 10,000 р. на постройку или покупку дома, но ходатайство это успѣха не имѣло.

Съ неменьшимъ, конечно, вниманіемъ и заботливостью, относился къ нуждамъ училища вступившій въ 1828 году въ управленіе краемъ графъ М. С. Воронцовъ, утвердившій, въ виду послѣдовавшей смерти перваго директора училища Зиттенфельда, въ этой должности ученаго еврея изъ австрійскихъ выходцевъ Базиліуса Штерна и разрѣшившій членамъ школьной коммиссіи, согласно ихъ ходатайству, активно участвовать и наблюдать за сдачею съ торговъ откупа кошернаго мяса съ цѣлью обезпеченія той суммы, которая была съ 1831 года увеличена до 15.000 руб. и служила единственнымъ источникомъ для существованія училища. Такое участіе членовъ школьной коммиссіи въ торгахъ

было вызвано новыми происками евреевъ-фанатиковъ, обратившихся къ гр. Воронцову съ ходатайствомъ объ уменьшении суммы, отпускаемой на училище, до 8000 руб. и о возложеніи обязанности по доставленію недостающихъ средствъ на родителей учениковъ. По поводу этого прошенія было, по порученію гр. Воронцова, произведено особое разслѣдованіе гвардіи ротмистромъ Врангелемъ, подробная записка котораго представляетъ собою восторженную апологію въ пользу училища и бросаетъ яркій свѣтъ на истинныя побужденія сторонниковъ мракобѣсія, вздумавшихъ, подъ видомъ радѣнія объ общемъ благѣ, подорвать существованіе ненавистнаго имъ учрежденія.

Слѣдуетъ замѣтить, что еврейскимъ училищемъ не переставали интересоваться и временные замѣстители гр. Воронцова, какъ гр. Паленъ, еще ранѣе, какъ извѣстно, много сдѣлавшій для обезпеченія процвѣтанія этого учебнаго заведенія, и генералъ-лейтенантъ А. И. Красовскій, по инициативѣ котораго почетные члены еврейской общины собрали между собою по подпискѣ 8210 р., какъ первоначальный фондъ для постройки собственнаго училищнаго зданія, при чемъ составъ школьной коммиссіи былъ увеличенъ еще однимъ попечителемъ, не по выбору, а по назначенію генералъ-губернатора, „для соблюденія должнаго порядка, чистоты и опрятности“. Такимъ попечителемъ состоялъ въ 1831 году штабсъ-капитанъ Холодовичъ. 14 апрѣля 1831 года къ гр. Палену поступила жалоба попечителей училища на дѣйствія повѣренныхъ по рекрутскому набору, которые позволяли себѣ, не смотря на установленное закономъ изъятіе для воспитанниковъ учебныхъ заведеній, „схватить одинъ за другимъ нѣсколько изъ учениковъ училища, даже малолѣтнихъ, обременять цѣпями и лишь только послѣ продолжительной съ начальствомъ переписки освобождать ихъ изъ подъ своей стражи“. Изъ объясненія, представленнаго по этому поводу 2-го мая 1831 г. и. д. предводителя дворянства Степановымъ, въ качествѣ предсѣдателя рекрутскаго присутствія, видно, что недоразумѣніе произошло вслѣдствіе того, что ученики

удостовѣряли свое положеніе въ еврейскомъ училищѣ свидѣтельствами, подписанными одними лишь попечителями и несоотвѣтствовавшими указанному въ рекрутскомъ уставѣ порядку.

На сколько гр. Паленъ стремился къ поддержанію еврейскаго училища и увеличенію числа его учениковъ—видно изъ предложенія его на имя градоначальника отъ 27 мая 1831 года. „Два мальчика—говорится въ упомянутомъ предложеніи—изъ евреевъ австрійско-подданныхъ, Гинсберъ и Левенсонъ, изъявили мнѣ, что они прибыли сюда единственно изъ желанія образовать себя въ здѣшнемъ еврейскомъ училищѣ, но мѣстное начальство не дозволяетъ имъ оставаться въ Одессѣ, подводя ихъ подъ общее правило о австрійскихъ евреяхъ. Принимая въ уваженіе, что дѣти сіи прибыли въ Одессу только на время и съ цѣлью полезною, по окончаніи же курса наукъ въ здѣшнемъ училищѣ должны будутъ обратиться во свояси,—я покорно прошу ваше превосходительство приказать о дозволеніи имъ оставаться здѣсь до окончанія курса наукъ въ помянутомъ училищѣ. Симъ снисхожденіемъ это полезнѣйшее заведеніе еще болѣе выиграетъ въ глазахъ евреевъ, и здѣшнихъ и иногороднихъ, представляя имъ примѣръ, что правильное и надежное образованіе въ одесскомъ училищѣ привлекаетъ сюда желающихъ учиться не только изъ другихъ городовъ, но даже изъ заграницы“.

Такое гуманное и покровительственное отношеніе высшей администраціи края къ одесскому еврейскому училищу не могло не способствовать поднятію престижа этого заведенія и распространенію славы о немъ далеко за предѣлами Одессы. Неудивительно, что акты разсмотрѣннаго нами архивнаго дѣла заканчиваются просьбою кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта графа Левашева, обращенной 19 апрѣля 1835 года къ гр. Воронцову, объ „одолженіи сообщеніемъ копіи“ въ виду встрѣтившейся надобности „имѣть въ соображеніе уставъ или положеніе существующаго въ городѣ Одессѣ еврейскаго училища“. Изъ резолюціи гр. Воронцова видно, что

гр. Левашеву была выслана „копія съ приговора одесскаго еврейскаго общества и плана еврейскаго училища“, и надо полагать, что свѣдѣнія объ организаціи этого заведенія принесли впослѣдствіи не мало пользы при сужденіяхъ объ устройствѣ спеціальныхъ еврейскихъ училищъ, составлявшихъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ предметъ особыхъ заботъ правительства.

Проектъ образцовой еврейской колоніи.

Новороссійскому краю суждено было, какъ извѣстно, сыграть весьма видную роль въ жизни еврейскихъ колоній, учрежденіе которыхъ почти съ начала девятнадцатаго столѣтія составляло предметъ особаго попеченія со стороны правительства, рѣшившаго образовать среди евреевъ преобладающій классъ земледѣльцевъ, снискивающихъ свое пропитаніе честнымъ личнымъ трудомъ. Еще Положеніемъ 1804 года евреямъ былъ открытъ доступъ къ землѣ въ смыслѣ разрѣшенія пріобрѣтать въ собственность незасѣянныя земли и арендовать помѣщичьи имѣнія во всѣхъ мѣстечкахъ, входящихъ въ отведенную имъ черту осѣдлости, а также въ нѣкоторыхъ окраинахъ, какъ Кавказъ и Астраханская губернія. То-же Положеніе предоставляло бѣднымъ евреямъ селиться на свободныхъ казенныхъ земляхъ съ правомъ полученія на первое обзаведеніе долгосрочной и постепенно погашаемой въ теченіе двадцати лѣтъ ссуды, при чемъ поселенцы эти, равно и арендаторы частныхъ земельныхъ участковъ, могли пользоваться, въ видахъ поощренія, различными льготами, среди которыхъ освобожденіе отъ рекрутской повинности занимало, конечно, первенствующее мѣсто.

До сороковыхъ годовъ дѣло еврейской колонизаціи подвигалось чрезвычайно туго, не выходя изъ области благихъ правительственныхъ предначертаній и слабыхъ попытокъ къ ихъ прак-

тическому осуществленію. Главный контингентъ поселенцевъ должны были поставлять сѣверо и юго-западныя губерніи, гдѣ, благодаря своей скученности и преимущественному занятію мелкой торговлей, еврейская масса влачитъ самое жалкое существованіе. Но помимо непривычности къ тяжелому и совершенно новому труду, потребовавшему, при томъ, ломки всего хозяйственнаго строя, евреевъ пугалъ немало вопросъ о необходимости переселиться въ невѣдомыя мѣста и подвергаться всѣмъ лишеніямъ и невзгодамъ, со пряженнымъ съ передвиженіемъ на болѣе или менѣе значительное разстояніе. И вотъ посыпались ходатайства со стороны евреевъ, рѣшившихся заниматься земледѣліемъ, о предоставленіи имъ казенныхъ участковъ въ мѣстѣ ихъ жительства. Такихъ свободныхъ земель въ чертѣ осѣдлости не оказалось, и этимъ объясняется неудача, постигшая на первыхъ порахъ поборниковъ мысли объ основаніи еврейскихъ колоній. Въ обширномъ и прекрасномъ трудѣ В. Н. Никитина, посвященномъ исторіи еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Россіи, приводятся текстуально неудовлетворенныя прошенія минскихъ и гродненскихъ евреевъ объ отводѣ имъ земель въ этихъ губерніяхъ. При такихъ условіяхъ, колонизація евреевъ была исключительно направлена въ Новороссійскій край. Но и тутъ встрѣчались огромныя затрудненія, единственно вызванныя недостаткомъ свободныхъ земель. Въ книгѣ В. Н. Никитина мы находимъ одинъ любопытный фактъ о печальной судьбѣ прибывшихъ въ 1847 году въ Одессу изъ разныхъ мѣстъ 250 еврейскихъ семействъ, въ числѣ 2000 душъ, ходатайствовавшихъ объ отводѣ имъ земли въ херсонской или таврической губерніи для образованія самостоятельной колоніи. Не смотря на полное сочувствіе высшей администраціи края, еле удалось зачислить въ земледѣльцы самую незначительную часть этой группы, окончательно распавшейся послѣ трехлѣтнихъ безплодныхъ домогательствъ.

Такая же участь постигла проектъ предполагавшейся къ открытію въ Бессарабіи образцовой еврейской колоніи, задачамъ и устройству которой посвященно специально трактующее о ней дѣло,

хранящееся въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернаторства.

Проектъ этотъ былъ выработанъ тремя образованными евреями, кременчугскимъ 1-й гильдіи купеческимъ сыномъ Давидомъ Зеленскимъ, павлоградскимъ 3-й гильдіи купеческимъ сыномъ Іосифомъ Рабиновичемъ и уманскимъ мѣщаниномъ Яковомъ Гольденвейзеромъ, обратившимися 30 ноября 1840 года къ графу М. С. Воронцову съ ходатайствомъ объ оказаніи имъ содѣйствія къ осуществленію задуманнаго ими плана, соотвѣтствующаго видамъ правительства и направленнаго къ устраненію тѣхъ условій, которыя въ то время успѣли уже въ значительной степени затормозить успѣшное развитіе еврейской колонизаціи. „Зная, что ваше сіятельство—говорится въ этомъ ходатайствѣ—принимаете участіе во всемъ касающемся до блага человѣчества и въ особенности когда мѣсто, выбранное нами для поселенія, находится подъ защитою вашей, мы осмѣлились прибѣгнуть къ вашему сіятельству и просить представительства вашего у Трона объ исполненіи нашего желанія. Важность этого предпріятія, обѣщающаго многія пользы и отечеству и единовѣрцамъ нашимъ, подаетъ намъ надежду, что ваше сіятельство съ сроднымъ вамъ великодушіемъ приметесь за исполненіе этого дѣла и ходатайствомъ своимъ доставите изгнанникамъ изъ своей земли хоть подъ чужимъ небомъ обѣтованную землю, гдѣ бы могли они въ довольствѣ и трудахъ молить Бога за благоденствіе Монарха своего и знаменитаго ихъ заступника. И въ ознаменованіе вѣчной признательности нашей, да позволено намъ будетъ эту колонію наименовать Михаильсдорфомъ. Пусть она, нося дражайшее имя высокого своего ходатая, сохранитъ для потомства одно изъ блестящихъ дѣяній вашего сіятельства“.

При этомъ прошеніи были приложены программа и планъ проектируемой колоніи.

Программа относится собственно къ побужденіямъ просителей, рисующихъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ незавидное поло-

женіе первыхъ еврейскихъ колоній и усматривающихъ причину неудачи, съ одной стороны, въ отдаленности этихъ колоній отъ черты еврейской осѣдлости, а съ другой—въ плохомъ и неразборчивомъ рекрутированіи кадровъ поселенцевъ, изъ которыхъ многіе лишь для удовольствія взялись за земледѣльческій трудъ съ цѣлью воспользоваться предоставленными правительствомъ евреямъ-колонистамъ льготами. Такое признаніе въ устахъ самихъ евреевъ бросаетъ яркій свѣтъ на вопросъ о пригодности русско-еврейскаго населенія къ земледѣльческому труду,—вопросъ, какъ извѣстно, вполнѣ еще неразрѣшенный, — и съ этой точки зрѣнія разсматриваемый нами документъ пріобрѣтаетъ особое значеніе. „Еще въ царствованіе Александра Благословеннаго—говорится въ заключительной части программы – состоялся человѣколюбивый планъ приведенія въ земледѣльческое состояніе нѣкоторой части евреевъ, подвѣдомствованныхъ Россійской Имперіи. Цѣль этого отечественнаго помысла была во всѣхъ отношеніяхъ полезна нашимъ соплеменникамъ: тысячи рукъ почти праздныхъ снискивали бы себѣ честное и безбѣдное пропитаніе трудомъ похвальнымъ, остальнымъ же ремесла и торговля могли принесть если не избытокъ, то по крайности достаточное пропитаніе. Нужно было только начало, а тамъ они, увидѣвши своихъ собратьевъ довольными своимъ земледѣльческимъ состояніемъ, мало по малу стали бы отвыкать отъ унизительнаго барышничества; устроилось бы равновѣсіе, и хлѣбопашество постепенно стало бы имѣть больше почитателей между евреями. И для этого благодѣтельное правительство дѣлало большія пожертвованія. Но евреи, почти 19 столѣтій не занимавшись воздѣлываніемъ земли, отвыкли даже отъ мысли объ этомъ занятіи, къ которому утратили свое довѣріе. Привыкшіе къ мелкому торгашеству, приносящему иногда скорые и существенные плоды, къ тому-же закоренѣлые въ предразсудкахъ, они не примѣтили полезной стороны этой цѣли. И такъ правительство, въ самомъ началѣ приведенія этого плана въ исполненіе, съ прискорбіемъ увидѣло несбыточность своихъ надеждъ“.

Останавливаясь далѣе на нецѣлесообразномъ устройствѣ первыхъ колоній, заселенныхъ, главнымъ образомъ, рѣшительно ни къ чему иному неуспѣвшими приспособиться евреями изъ жителей бѣлорусскихъ губерній и остзейскаго края, которыхъ одно лишь „отчаяніе“ и обѣщанныя „льготы“ толкнули на тернистый путь пахаря, авторы программы указываютъ на то, что земледѣльческій трудъ можетъ успѣшно привиться только среди тѣхъ евреевъ, которые по развитію и интеллигентности своей стоятъ выше невѣжественной массы и которымъ благодѣянія правительства, выраженныя, при томъ, не въ матеріальной поддержкѣ или улучшеніи правоваго положенія, а только въ нравственномъ сочувствіи и поощреніи, принесутъ огромную пользу въ смыслѣ радикальнаго измѣненія ихъ жизненнаго строя въ соціальномъ и духовномъ отношеніи. „Это-то и побудило насъ—заканчиваютъ инициаторы свое посланіе—къ составленію образцовой еврейской колоніи. Производя обороты собственными капиталами и не подверженные рекрутской повинности, мы не изъ какого другого побужденія желаемъ вступить въ сословіе земледѣльцевъ, какъ только изъ одной любви къ трудолюбивой и спокойной жизни. Доброжелатели нашимъ единовѣрцамъ и патріоты по чувству и образованію, которымъ мы имѣемъ счастье пользоваться въ нашемъ отечествѣ, мы изъ признательности къ нему желаемъ быть орудіемъ правительства и доказать всѣмъ остальнымъ евреямъ, что трудъ и терпѣніе все превозмогутъ. Видя неусыпное стараніе правительства объ исполненіи этого плана и зная настоящія причины всѣхъ неудачныхъ попытокъ, мы рѣшились споспѣшествовать желанію нашего Государя и, жертвуя всѣми приличіями, которымъ подвержены въ кругу нашемъ, мы вступаемъ въ земледѣльцы по изложенному нами плану. Будучи довольны всѣми привилегіями, Положеніемъ о евреяхъ данными евреямъ-земледѣльцамъ, мы, не смѣя просить лишняго отъ правительства, желаемъ только купить отъ казны такой участокъ земли, который соотвѣтствовалъ-бы нашимъ желаніямъ и былъ бы годенъ ко всѣмъ занятіямъ, въ нашемъ планѣ изложеннымъ“.

Обращаясь къ плану, представляющему собою довольно объемистую тетрадь и состоящему изъ 38 параграфовъ, детально опредѣляющихъ права и обязанности членовъ проектируемой колоніи, мы приведемъ изъ него in extenso все то, что даетъ понятіе о намѣреніяхъ и стремленіяхъ иниціаторовъ симпатичнаго дѣла. Въ § 1 говорится, что „общество, предполагающее составить образцовую еврейскую колонію, имѣетъ цѣлью, для возбужденія соревнованія въ прочихъ евреяхъ къ земледѣлію, не упускать изъ виду отраслей сельскаго хозяйства, относящихся собственно до хлѣбопашества, скотоводства, садоводства и огородничества, такъ равно и отдѣльныхъ частей сельскаго хозяйства, какъ-то: овцеводство, пчеловодство, конскіе заводы, шелководство и винодѣліе, для чего и преполагается купить у казны 5000 десятинъ земли въ Бессарабіи". Число первыхъ поселенцевъ было ограничено 50 семействами, изъ коихъ каждое должно было обладать суммою не менѣе 450 р. на расходы по переселенію и первоначальному обзаведенію и принять на себя обязанность выплачивать въ теченіе 20 лѣтъ по разверсткѣ стоимость отведеннаго ему участка. Помимо требованія отъ колонистовъ, принимаемыхъ только по выбору иниціаторовъ, гражданской благонадежности, планъ устанавливаетъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ образовательнаго ценза, мотивируя это условіе тѣмъ, что „невѣжество и предразсудки, вредные въ общественномъ быту, изгоняются вовсе изъ этого общества, а потому каждое семейство должно имѣть одного члена образованнаго хоть до средней степени и знающаго какой-нибудь европейскій языкъ".

Управленіе дѣлами колоніи планъ ввѣряетъ особому выборному управленію, именуемому „ратгаузомъ" и состоящему изъ бургомистра и его помощника, раввина и казначея. Эти лица, являясь представителями колоніи передъ правительствомъ и дѣйствуя во всемъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ начальства, обязаны вмѣстѣ съ тѣмъ ежегодно давать подробные отчеты общинѣ. Въ планѣ выражено также ходатайство о неназначеніи туда

особаго правительственнаго смотрителя, имѣя въ виду, что „составленіе сей колоніи производится людьми, ничѣмъ къ избранію земледѣльческаго состоянія непонужденными“ и что „слѣдственно, они, имѣя цѣлью одно трудолюбіе и отличеніе себя отъ прочихъ еврейскихъ колонистовъ, не радѣющихъ о своемъ благоденствіи, не имѣютъ надобности въ настоятеляхъ со стороны правительства“. Функціи раввина, для котораго знаніе русскаго языка обязательно, заключается также въ произнесеніи въ синагогѣ проповѣдей „какъ объ обязанностяхъ вѣры, такъ и о любви къ отечеству, преданности престолу, миролюбіи и братствѣ“. Общественныя суммы должны быть употребляемы на постройку зданій для ратгауза, синагоги, училища, бани, богадѣльни и запасныхъ магазиновъ, на пріобрѣтеніе пожарныхъ инструментовъ и на содержаніе раввина и врача.

Порядку веденія колонистами хозяйства посвящена самая значительная часть плана. Во главѣ колоніи долженъ стоять спеціально нанимаемый опытный агрономъ для руководства и усовершенствованія колонистовъ во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. Личный трудъ для колонистовъ обязателенъ, и по этой причинѣ права послѣднихъ на отлучку по выдаваемымъ ратгаузомъ паспортамъ ограничиваются лишь слѣдующими условіями: необходимостью изученія нужнаго въ сельскомъ быту ремесла или усовершенствованія въ наукахъ, поѣздкою въ ближайшія мѣстности для продажи сельскихъ продуктовъ и закупки матеріаловъ, а также болѣе продолжительной командировкой для полученія наслѣдства или окончанія тяжебныхъ дѣлъ. Тутъ-же, однако, упоминается и о томъ, что *излишняя роскошь*, подъ которой подразумѣвается „для мужчинъ — шелковая одежда и дорогія мѣховыя шапки, а для женщинъ — жемчужныя повязки и золотомъ шитыя платья“ *безнравственность* и *сутяжничество*, нетерпимыя въ колоніи, должны искореняться увѣщеваніями членовъ ратгауза. Каждый колонистъ обязанъ ежегодно къ опредѣленному сроку доставить подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ ратгаузу, который на осно-

ваніи этихъ свѣдѣній составляетъ для начальства статистическія записки.

Вопросу о воспитаніи юношества отведено въ планѣ также не мало мѣста. Обученіе дѣтей обязательно для всѣхъ колонистовъ Училище учреждается для мальчиковъ и дѣвочекъ по довольно обширной программѣ, въ которую входитъ преподаваніе закона Божія и еврейскаго языка, русскаго языка, ариѳметики, общей и русской исторіи и географіи. Ученіе должно происходить поочередно такимъ образомъ, чтобы дѣти раздѣленныя на двѣ смѣны, посѣщали школу въ теченіи трехъ дней въ недѣлю, а остальные три дня помогали своимъ родителямъ въ полевыхъ и разныхъ другихъ сельскихъ работахъ. Тотчасъ-же по водвореніи всѣхъ 50 семействъ, приговоромъ всѣхъ участниковъ выбираются два мальчика и посылаются на общественный счетъ въ горогорѣцкую земледѣльческую школу съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса они служили при колоніи въ качествѣ агрономовъ за опредѣленное содержаніе. Такимъ же порядкомъ выбираются также нѣсколько мальчиковъ, обучаемыхъ всѣмъ нужнымъ ремесламъ для того, чтобы впослѣдствіи колонія не нуждалась въ необходимыхъ для сельскаго обихода кузнецахъ, печникахъ, портныхъ, сапожникахъ и проч. Планъ предусматриваетъ, между прочимъ, и спеціальное усовершенствованіе въ выходящихъ изъ сельскихъ сферъ отрасляхъ знанія и разрѣшаетъ колонистамъ воспитывать способныхъ дѣтей своихъ на личныя средства родителей въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Проектъ и планъ учредителей образцовой еврейской колоніи обратилъ на себя сразу вниманіе графа М. С. Воронцова, сейчасъ-же поспѣшившаго въ предложеніи своемъ отъ 7-го декабря 1840 года истребовать заключенія по сему предмету бессарабскаго военнаго губернатора. Но изъ послѣдовавшаго 3-го марта 1841 года отзыва управлявшаго тогда бессарабской областью и измаильскимъ градоначальствомъ ген.-лейтенанта Ѳедорова видно, что свободныхъ для продажи евреямъ 5000 десятинъ земли въ

Бессарабіи нѣтъ. Но и генералъ-лейтенантъ Ѳедоровъ сочувствовалъ образованію еврейской колоніи на началахъ самопомощи. Это подтверждается тѣмъ мѣстомъ въ его отзывѣ, которое относится къ запросу, сдѣланному имъ палатѣ государственныхъ имуществъ относительно точнаго указанія близости земельнаго участка къ пограничной чертѣ. Запросъ этотъ свидѣтельствуетъ о желаніи генералъ-лейтенанта Ѳедорова осуществить мысль учредителей въ предѣлахъ существующихъ о евреяхъ узаконеній. Къ сожалѣнію, нигдѣ въ Бессарабіи соотвѣтствующаго участка не оказалось, и на этомъ основаніи учредители были извѣщены о томъ, что графъ Воронцовъ при такихъ условіяхъ не находитъ „средствъ предпринять что либо въ пользу предложенія просителей“.

Такова судьба проекта, которому инициаторы и высшая администрація придавали огромное значеніе и осуществленіе котораго могло бы, несомнѣнно, вызвать большой переворотъ въ жизни русскихъ евреевъ.

Раввинатъ.

Царствованіе императора Николая I представляетъ собою, какъ извѣстно, самую блестящую эпоху въ исторіи просвѣщенія русскихъ евреевъ. Цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ, осуществленіе которыхъ потребовало, независимо отъ огромныхъ затратъ, не мало усилій и заботъ со стороны мѣстныхъ властей, близко стоявшихъ къ чертѣ еврейской осѣдлости, правительство стремилось не только къ распространенію знанія среди еврейскаго населенія въ смыслѣ учрежденія для него спеціальныхъ учебныхъ заведеній, но и къ духовному его обновленію путемъ борьбы съ особенно рѣзко проявлявшейся въ сороковыхъ годахъ еврейской замкнутостью и привлеченія къ участію въ просвѣтительныхъ работахъ государства лучшихъ представителей еврейскаго народа.

На почвѣ этихъ стремленій и возникла мысль о реорганизаціи еврейскаго раввината, и вопросу этому посвящено хранящееся въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора дѣло „объ учрежденіи въ Одессѣ комитета къ составленію проекта Положенія для губернскихъ раввиновъ и при нихъ духовныхъ правленій“. Труды одесскаго комитета и собранные послѣднимъ матеріалы имѣютъ довольно существенное значеніе, такъ какъ они бросаютъ яркій свѣтъ какъ на происхожденіе 302 ст. улож. о наказ., карающей частныхъ лицъ, неутвержденныхъ правительствомъ въ должностяхъ раввиновъ и ихъ помощниковъ, за исполненіе религіозныхъ требъ, такъ и на характеръ новелъ, внесенныхъ въ 1860 году въ уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

17 мая 1840 года ген.-адъют. Перовскій, управлявшій въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сообщилъ Новороссійскому генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи относительно сформированія въ городахъ Одессѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Витебскѣ, Полтавѣ и Митавѣ комитетовъ изъ губернскихъ чиновниковъ и образованныхъ благонадежныхъ евреевъ для начертанія проекта учрежденія губернскихъ раввиновъ и духовныхъ при нихъ правленій. Сообщеніе это, равно какъ и приложенная при немъ инструкція для дѣйствій комитетовъ, обнаруживаетъ съ полной ясностью взглядъ правительства на задачи раввината, какъ органа надзора за духовной жизнью евреевъ, съ одной стороны, а съ другой — какъ представителя еврейской массы предъ государственной властью и постояннаго ходатая о нуждахъ ея. Указывая на поступившія въ министерство предположенія „объ усиленіи мѣръ противъ евреевъ и, между прочимъ, объ учрежденіи губернскихъ раввиновъ и при нихъ духовныхъ правленій съ той цѣлью, чтобы посредствомъ сихъ раввиновъ губернское начальство могло съ большеі удобностью наблюдать за дѣйствіями раввиновъ уѣздныхъ, и чтобы возвысить по возможности самую религію евреевъ“, и останавливаясь на необходимости бороться съ существующимъ у евреевъ

„тайнымъ судомъ“, состоящимъ изъ раввиновъ-самозванцевъ, путемъ установленія для нихъ особенно строгихъ карательныхъ мѣръ, какъ отдача въ рекруты или ссылка въ Сибирь на поселеніе, — ген.-адъют. Перовскій отмѣчаетъ, что главная цѣль вызываемаго къ жизни института заключается въ томъ, чтобы начальники губерній могли „узнавать и предупреждать всѣ злоупотребленія раввиновъ уѣздныхъ, и дабы правительство сей постепенностью еврейскаго чиноначалія могло найти средства возвысить упадшую и обезображенную ихъ религію до возможной чистоты ученія“. „Губернскіе раввины, — говорится далѣе въ сообщеніи ген.-адъют. Перовскаго, — наблюдая за поступками и дѣйствіями раввиновъ уѣздныхъ въ совершеніи обрядовъ, въ объясненіи евреямъ ихъ закона, а также обращая вниманіе и на самыя употребляемыя между евреями книги для молитвы и для изученія религіозныхъ понятій, ближе могутъ постигать какъ способности уѣздныхъ раввиновъ, такъ и злоупотребленіе ихъ и самое направленіе еврейскихъ понятій о религіи. Такимъ образомъ, извлекая изъ своихъ наблюденій замѣчанія, губернскіе раввины могутъ сообщать ихъ лично, а въ необходимыхъ случаяхъ подъ сохраненіемъ тайны, начальникамъ губерній для принятія нужныхъ мѣръ къ пресѣченію злоупотребленія, къ улучшенію нравственности евреевъ и къ искорененію всего таинственно-зловреднаго въ книгахъ и молитвахъ“. Къ обязанности губернскихъ раввиновъ относятся разъѣзды по всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ уѣздамъ, подробная ревизія дѣйствій уѣздныхъ раввиновъ и выдача какъ имъ, такъ и членамъ синагогъ и молитвенныхъ школъ удостовѣреній о благонадежности, а также цензура духовныхъ книгъ. Подъ руководствомъ подобныхъ раввиновъ должны функціонировать почти во всѣхъ губернскихъ городахъ, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости, духовныя правленія, состоящія изъ почетнѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ евреевъ, вѣдающія бракоразводныя дѣла и разбирающія всѣ споры и жалобы на безпорядки при совершеніи обрядовъ. Въ инструкціи предлагается учрежденнымъ комитетамъ, на ряду съ детальной разработкой условій су-

ществованія и круга дѣйствій губернскихъ раввиновъ, указывать также желательныхъ кандидатовъ для того, чтобы сіи мѣста были занимаемы людьми во всѣхъ отношеніяхъ благонадежными, вполнѣ соотвѣтствующими видамъ правительства. Инструкція предусматриваетъ въ общихъ чертахъ организацію духовныхъ правленій и, допуская возможность употребленія членами послѣднихъ еврейскаго жаргона, требуетъ, однако, отъ комитета выбора образованныхъ и знакомыхъ съ русской рѣчью евреевъ для того, чтобы по возможности дѣлопроизводство въ этихъ правленіяхъ велось исключительно на отечественномъ языкѣ. Главнымъ же образомъ инструкція рекомендуетъ комитетамъ дѣйствовать съ особой осмотрительностью и осторожностью и „имѣть непрестанно въ виду, что цѣль настоящей мѣры правительства въ отношеніи евреевъ состоитъ въ томъ, чтобы устройствомъ для управленія духовными ихъ дѣлами особыхъ вѣдомствъ, снабженныхъ благонадежными, соотвѣтствующими видамъ правительства людьми, постепенно очистить сей народъ отъ ложныхъ внушеній и превратныхъ толковъ о религіи, исправить черезъ то ихъ нравственность, направить къ истинному просвѣщенію, истребить въ нихъ фанатическую ненависть къ христіанамъ и, сближая такимъ образомъ евреевъ съ прочимъ народонаселеніемъ, обратить къ ремесламъ и земледѣлію, дабы сдѣлать и изъ нихъ полезныхъ отечеству гражданъ и искоренить совершенно вредъ, который причиняется евреями господствующему населенію южнаго и западнаго края Россіи“.

Послѣ необходимой переписки съ начальниками херсонской, таврической и екатеринославской губерній и бессарабской области, а также съ одесскимъ военнымъ губернаторомъ, относительно назначенія своихъ представителей для участія въ дѣлахъ комитета, послѣдній былъ сформированъ въ Одессѣ къ 1 августа 1840 года, когда и состоялось первое засѣданіе, въ которомъ участвовали, кромѣ откомандированныхъ для этой цѣли упомянутыми губернаторами чиновниковъ, и А. А. Скальковскій, принявшій на себя обязанности дѣлопроизводителя, а также делегаты одес-

ской еврейской общины въ лицѣ директора училища Базилиуса Штерна и мѣстныхъ негоціантовъ Хаима Эфруси и Моисея Лихтенштадта.

Учрежденіе комитетовъ было встрѣчено среди еврейскаго населенія съ двоякимъ чувствомъ. Съ одной стороны, созданіе духовной іерархіи вызвало неподдѣльную радость среди ревнителей просвѣщенія, которыхъ въ то время было, однако, очень мало даже среди болѣе культурныхъ евреевъ Новороссійскаго края. Эти поборники прогресса, къ числу которыхъ принадлежали извѣстный еврейскій ученый И. Б. Левинсонъ и упоминаемый ниже авторъ сочиненія „Свѣтъ въ свѣтѣ“, открыто даже высказывали заботливому правительству въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ „спасибо сердечное“ и восторгались всѣми мѣрами и предположеніями, въ основу которыхъ легло постепенное введеніе реформъ въ общественную и духовную жизнь евреевъ. Съ другой стороны, это новое мѣропріятіе сильно не понравилось фанатикамъ, составлявшимъ во всѣхъ городахъ сѣверо и юго-западнаго края подавляющее большинство и принимавшимъ даже нѣкоторыя мѣры къ парализованію дѣятельности комитетовъ. Объ этихъ параллельныхъ и діаметрально противоположныхъ теченіяхъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе два документа. Херсонская еврейская община заинтересовалась трудами одесскаго комитета и по собственной инициативѣ поспѣшила избрать изъ своей среды въ качествѣ депутата купца Моисея Варшавскаго, который въ особомъ письмѣ отъ 27 сентября 1840 года на имя исправлявшаго должность Новороссійскаго генералъ-губернатора генераль-лейтенанта П. Н. Федорова ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему, въ виду его семейныхъ дѣлъ и годовыхъ праздниковъ, прибыть въ Одессу лишь къ 9 ноября. Посылка херсонской еврейской общиной своего делегата служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ ея сочувствія цѣлямъ комитета и представляется тѣмъ болѣе похвальной, что, какъ видно изъ отвѣта генералъ-лейтенанта Федорова, посланнаго херсонскому губернатору для извѣщенія Варшавскаго, депутаты въ комитетъ вовсе

не приглашались. Благой починъ херсонскаго еврейскаго населенія остался, однакожъ, безъ подражанія со стороны евреевъ другихъ городовъ, которые, напротивъ, пытались даже противодѣйствовать намѣреніямъ правительства. „Генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ—пишетъ 15 октября 1840 года ген.-адъют. Перовскій въ секретномъ отношеніи на имя графа М. С. Воронцова—сообщилъ мнѣ секретно полученныя имъ свѣдѣнія, что прибывшій изъ мѣстечка Воложина, Минской губерніи, въ Вильну раввинъ Ицка предлагалъ нѣкоторымъ евреямъ собрать деньги для подкупа членовъ комитета, учрежденнаго для составленія проекта Положенія о губернскихъ раввинахъ и при нихъ духовныхъ правленій, чтобы со стороны тѣхъ членовъ не было дѣлаемо предположеній о измѣненіи нынѣ существующаго порядка, и что раввинъ Ицка располагалъ вслѣдъ за тѣмъ для подобнаго же дѣйствія отправиться въ Минскъ. Къ сему присовокуплены мысли о небезполезности, еслибъ еврейскіе комитеты приняли въ соображеніе новое благонамѣренное сочиненіе минскаго еврея Соломона *„Свѣтъ въ свѣтъ“*. О таковыхъ сообщенныхъ мнѣ свѣдѣніяхъ я считаю долгомъ поставить въ извѣстность ваше сіятельство по наблюденію вашему за еврейскимъ комитетомъ, учрежденнымъ въ Одессѣ, такъ какъ подобныя предосудительныя со стороны евреевъ дѣйствія могутъ случиться и во ввѣренномъ управленію вашему краѣ и потребовать для предупрежденія оныхъ зависящихъ отъ усмотрѣнія вашего распоряженій“. Къ счастью, никакихъ распоряженій въ смыслѣ борьбы съ „предосудительными дѣйствіями“ евреевъ въ Одессѣ не потребовалось, и одесскій комитетъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ существованія своего успѣлъ выработать весьма подробный проектъ, заключавшій въ себѣ свыше 200 параграфовъ и обратившій на себя обоснованностью своей особое вниманіе какъ высшей администраціи, такъ и министерства внутреннихъ дѣлъ.

Сущность проекта одесскаго комитета сводится къ тому, что раввины, избѣгая радикальныхъ реформъ въ области вѣры, которыя могли бы только „оскорбить религіозныя чувства евреевъ,

столь твердо привержепныхъ ихъ древнимъ обычаямъ“, должны дѣйствовать мѣрами, проникающими „во всѣ части жизни еврейскаго общества“ и способствующими мало по малу „къ искорененію всего вреднаго и водворенію всего полезнаго“. На этомъ основаніи проектъ, высказываясь за необходимость поднятія престижа раввиновъ путемъ предоставленія имъ всѣхъ правъ, которыми пользуются представители иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, подчиняетъ еврейскому духовенству „не только всѣ части богослуженія и обрядовъ вѣры въ обширнѣйшемъ противу прежняго объемѣ, но даже религіозное воспитаніе юношества и направленіе евреевъ къ гражданскому благоустройству“. Слѣдуетъ замѣтить. что комитету, а особливо еврейскимъ членамъ его, настолько понравилась мысль объ установленіи іерархическихъ степеней въ раввинскихъ сферахъ, что они единогласно рѣшили отступить отъ правительственной инструкціи и присвоить проекту своему названіе „Положенія о еврейскомъ духовенствѣ“.

Представляя проектъ этотъ на усмотрѣніе графа М. С. Воронцова, одесскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ Ахлестышевъ заканчиваетъ свою подробную препроводительную записку отъ 30 ноября 1840 года слѣдующими словами: „Соглашаясь вполнѣ съ изложеннымъ здѣсь мнѣніемъ комитета, я не могу не замѣтить, что всѣ благодѣтельныя мѣры, предложенныя въ проектѣ, сбыточны только тогда, когда найдены будутъ лица, могущія занять раввинскія должности, сообразно съ правилами предлагаемаго здѣсь закона. Но вашему сіятельству очень хорошо извѣстно, что въ настоящемъ положеніи евреевъ нѣтъ вовсе или очень мало находится такихъ раввиновъ, которые отличались бы всѣми тѣми качествами, какія на будущее время предположены для этого званія. Для сего комитетъ, по проекту почетнаго гражданина Штерна и другихъ членовъ изъ одесскаго еврейскаго общества, присутствовавшихъ въ комитетѣ, предлагаетъ учредить въ Россіи еврейскую духовную семинарію (разумѣется, подъ строгимъ надзоромъ правительства), въ которой бы доставлялось кан-

дидатамъ раввиничества и законоучительства, кромѣ нужныхъ познаній въ еврейскомъ правовѣдѣніи и синагогическомъ благочиніи, еще и другія свѣдѣнія, необходимыя для образованнаго человѣка вообще, и преимущественно познаніе всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя въ цвѣтущія времена еврейскаго религіознаго образованія (именно въ калифатахъ) составляли кругъ еврейскаго богословія. Упомянутые выше члены комитета изъясняютъ готовность доставить начальству всѣ свѣдѣнія, необходимыя для приведенія, равно и указать средства неотяготительныя ни для казны, ни для еврейскаго общества для поддержанія такого полезнаго учрежденія. Представляя всѣ сіи соображенія на судъ вашего сіятельства, я не могу умолчать о томъ усердіи и дѣятельности, съ какими комитетъ, учрежденный въ Одессѣ подъ моимъ руководствомъ, исполнилъ столь трудное порученіе, какъ составленіе органическаго закона о еврейскомъ духовенствѣ. Желая по возможности вознаградить заслуги онаго, я осмѣливаюсь представить при семъ вашему сіятельству особенную о томъ записку“.

Въ этой „особенной запискѣ“ генералъ-маіоръ Ахлестышевъ, опредѣляя въ общихъ чертахъ степень участія въ трудахъ комитета представителей административной власти—совѣтника херсонскаго губернскаго правленія *Штенко*, бессарабскаго областного стряпчаго *Зайковскаго*, засѣдателя екатеринославской гражданской палаты *Добрянскаго*, чиновника особыхъ порученій при таврическомъ гражданскомъ губернаторѣ *Бурачка*, а также одесскихъ купцовъ *Эфруси* и *Лихтенштадта*, и ходатайствуя предъ гр. Воронцовымъ объ испрошеніи для первыхъ пяти членовъ комитета Высочайшаго благоволенія, а для послѣдняго золотой медали на Анненской лентѣ для ношенія на шеѣ, останавливается подробно на дѣятельности почетнаго гражданина Базиліуса *Штерна* и надворнаго совѣтника *Скальковскаго*, какъ главныхъ производителей дѣлъ комитета и редакторовъ самого проекта закона, заслуживающихъ особеннаго вниманія начальства. „Для исполненія даннаго имъ порученія—пишетъ генералъ-маіоръ Ахлестышевъ—по-

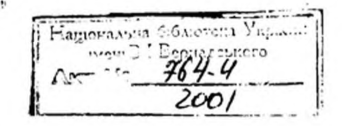
требовались, кромѣ усердія къ службѣ и трудолюбія, еще весьма обширныя свѣдѣнія въ исторіи и законодательствѣ вообще, и въ особенности еврейскаго народа, и кромѣ того оба эти чиновника занимались Высочайше порученнымъ комитету дѣломъ, не оставляя другихъ занятій своихъ: первый по должности директора одесскаго еврейскаго училища, а другой—по должности секретаря здѣшняго отдѣленія коммерческаго совѣта и биржи. Вслѣдствіе сего военный губернаторъ полагаетъ испросить Штерну у Всемилостивѣйшаго Монарха почетное гражданство потомственное, т. е. съ сыномъ, внукомъ и другихи нисходящими потомками, а Скальковскому—приличное награжденіе по собственному усмотрѣнію вашего сіятельства“.

Графъ М. С. Воронцовъ присоединился совершенно къ докладу генералъ-маіора Ахлестышева, признавъ необходимымъ въ донесеніи своемъ отъ 23 декабря 1840 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ ходатайствовать какъ объ удостоеніи членовъ комитета соотвѣтствующими наградами, такъ и объ учрежденіи духовной семинаріи для воспитанія образованныхъ раввиновъ. „Обращаясь—пишетъ графъ М. С. Воронцовъ въ своемъ донесеніи—къ прилагаемому здѣсь проекту Положенія о еврейскомъ духовенствѣ, который разсмотрѣнъ мною внимательно, я долженъ отдать полную справедливость тѣмъ соображеніямъ, которыми руководствовался комитетъ при начертаніи проекта, и нахожу, что три только параграфа, именно 32, 52 и 106, требуютъ нѣкотораго измѣненія и пополненія. Въ § 32 назначается опредѣлительное наказаніе лицамъ, которыя будутъ совершать религіозные обряды, не получивъ на то формальнаго позволенія отъ мѣстнаго раввина, а въ § 52 налагается также опредѣлительная пеня и съ раввиновъ за нарушеніе своихъ обязанностей. Но я полагаю, что всѣ лица сіи должны подвергаться наказанію не иначе, какъ по приговору судебнаго мѣста. Въ § 106 нужно дополнить, что одесскій уѣздный раввинъ будетъ жить въ Одессѣ независимо отъ мѣстнаго одесскаго раввина, которому предоставляются права губернскаго

раввина. Да сверхъ того нужно совершенно исключить § 175 проекта Положенія, ибо въ ономъ говорится, что обиды, причиненныя лично раввину, предъ закономъ равняются обидамъ, причиненнымъ лицамъ, состоящимъ въ государственной службѣ, а обиды, сдѣланныя состоящимъ въ службѣ лицамъ, судятся на томъ же основаніи, какъ и обиды, нанесенныя неслужащимъ, исключая особыхъ случаевъ, когда оскорбленіе нанесено чиновнику при отправленіи имъ своей должности".

Съ отсылкою проекта въ Петербургъ комитетъ прекратилъ, конечно, свое существованіе, но переписка по вопросу о возмѣщеніи изъ остатковъ коробочныхъ сборовъ расходовъ казны по содержанію откомандированныхъ изъ губерній членовъ комитета— продолжалась вплоть до 1848 года. Между прочимъ, екатеринославское еврейское общество возбудило любопытный вопросъ о соразмѣрномъ распредѣленіи издержекъ по комитету между всѣми еврейскими общинами, входящими въ составъ екатеринославской губерніи. Въ жалобѣ своей на имя графа М. С. Воронцова екатеринославскіе евреи указываютъ на то, что въ Высочайшемъ повелѣніи, на основаніи котораго былъ учрежденъ комитетъ, говорится лишь объ отнесеніи издержекъ на проѣздъ и содержаніе членовъ комитета на счетъ остатковъ коробочныхъ сборовъ, безъ упоминанія, однакожъ, о томъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ исключительно о коробочныхъ сборахъ однихъ губернскихъ городовъ. Жалоба эта была признана подлежащей удовлетворенію.

Приведенныя нами данныя показываютъ, что труды одесскаго комитета принесли существенную пользу при разрѣшеніи вопроса о реорганизаціи раввината на желательныхъ правительству началахъ и что инціативѣ этого комитета обязаны своимъ возникновеніемъ, восемь лѣтъ спустя, въ Вильнѣ и Житомірѣ раввинскія училища, не безъ основанія считавшіяся долгое время разсадниками просвѣщенія среди русскихъ евреевъ.

Образованіе евреевъ.

Труды созванныхъ въ 1840 году въ шести центральныхъ городахъ черты еврейской осѣдлости комитетовъ для составленія проекта Положенія о губернскихъ раввинахъ и духовныхъ при нихъ правленіяхъ и сгруппированные въ этихъ трудахъ матеріалы, въ достаточной степени выяснившіе печальное положеніе русскихъ евреевъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, послужили толчкомъ какъ къ болѣе активному движенію въ пользу просвѣщенія среди самыхъ евреевъ, такъ и къ энергичному воздѣйствію въ этомъ направленіи со стороны министерства народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго стоялъ тогда С. С. Уваровъ, иниціаторъ и создатель всѣхъ возникшихъ впослѣдствіи въ Россіи просвѣтительныхъ еврейскихъ учрежденій. Правительство, приступившее въ 1842 году къ окончательному обсужденію вопроса объ открытіи евреямъ самого широкаго доступа къ образованію и къ безотлагательному осуществленію раньше намѣченныхъ мѣропріятій, нашло, какъ извѣстно, достойныхъ сотрудниковъ въ лицѣ доктора Лиліенталя и Базиліуса Штерна, и Одесса сыграла въ исторіи этого знаменательнаго движенія весьма видную роль. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хранящееся въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора „дѣло по Высочайшему повелѣнію относительно образованія евреевъ“.

Перу С. С. Уварова принадлежатъ какъ планъ учрежденія для евреевъ спеціальныхъ школъ, такъ и поднесенный имъ 22 іюня 1842 года Императору Николаю I докладъ о необходимости радикальнаго переворота въ воспитаніи подрастающаго еврейскаго поколѣнія. Указывая въ своемъ докладѣ на безполезность употреблявшихся въ отношеніи еврейскаго народа въ теченіе многихъ столѣтій нѣкоторыми европейскими государствами „гоненій и насильствъ всякаго рода“ и останавливаясь на плодотворныхъ ре-

зультатахъ „мѣръ кротости“, успѣшно принимаемыхъ съ начала девятнадцатаго столѣтія, Уваровъ замѣчаетъ: „кажется, этотъ послѣднiй перiодъ насталъ и для насъ; народы не истребляются, особенно тотъ народъ, коего новѣйшая исторiя начинается у подошвы Голгоѳы, но народы могутъ быть доведены до самой послѣдней степени моральнаго униженiя, и на этой степени настигаютъ нынѣ евреевъ мѣры, благодѣтельнымъ правительсвомъ принимаемыя“. Докладъ этотъ удостоился Высочайшаго утвержденiя и Императоръ Николай I начерталъ на подлинномъ: „основанiя справедливы“.

23 iюля 1842 года С. С. Уваровъ обратился къ Новороссiйскому и Бессарабскому генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову съ предложенiемъ, которое считаемъ необходимымъ привести здѣсь цѣликомъ, какъ документъ, краснорѣчиво говорящiй о серьезности задуманной реформы и о высокой гуманности сановника, принявшаго на себя тяжелую обязанность привести въ исполненiе предначертанiя правительства. „Высочайшимъ рескриптомъ, въ 19 день августа 1827 года на имя бывшаго министра народнаго просвѣщенiя адмирала Шишкова состоявшимся, повелѣно распространить надзоръ министерства народнаго просвѣщенiя на всѣ безъ исключенiя учебныя заведенiя, кромѣ духовныхъ и военныхъ. Сiя мѣра не могла доселѣ быть примѣнена въ полномъ объемѣ къ еврейскимъ учебнымъ и ученымъ заведенiямъ, частью по недостатку общихъ положенiй о воспитанiи евреевъ, частью по неизвѣстности средствъ къ учрежденiю еврейскихъ учебныхъ заведенiй въ видахъ правительства. Нынѣ, когда, по Высочайшей волѣ Государя Императора, благотворные лучи просвѣщенiя, кроткаго, сопровождаемаго сознанiемъ истинныхъ началъ жизни нравственной и гражданской, должны проливаться и на евреевъ, когда, по указанiю Его Величества, принимаются мѣры къ образованiю училищъ для евреевъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ дозволено имѣть пребыванiе, когда, наконецъ, вмѣняется въ обязанность пещись объ устройствѣ еврейскихъ учебныхъ заведенiй на-

равнѣ съ прочими въ Имперіи,—нынѣ представилась неотложная необходимость привесть означенную Высочайшую волю въ исполненіе и въ отношеніи еврейскихъ учебныхъ и ученыхъ заведеній. По сему Государь Императоръ, по докладу моему, въ 22 день минувшаго іюня Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) надзоръ министерства народнаго просвѣщенія надъ всѣми еврейскими учебными и учеными заведеніями, раввинскими школами, клаузами и другими, какого бы они наименованія ни были, въ коихъ евреи занимаются какъ ученымъ толкованіемъ закона своего и книгъ священныхъ, такъ и обученіемъ и воспитаніемъ юношества, учредить на общихъ основаніяхъ, по учебной части существующихъ. 2) Для ближайшаго содѣйствія видамъ правительства учредить временно въ С.-Петербургѣ коммиссію изъ четырехъ раввиновъ, т. е. по одному изъ каждаго генералъ-губернаторства, въ которыхъ проживаютъ евреи, по назначенію министерства и по предварительному соглашенію съ мѣстными генералъ-губернаторами. 3) Коммиссіи именоваться „Коммиссіей, Высочайше учрежденной для образованія евреевъ въ Россіи“. Устройство въ ней внутренняго порядка и дѣлопроизводства предоставить министерству народнаго просвѣщенія. 4) По окончаніи трудовъ коммиссіи, закрыть оную съ назначеніемъ членамъ ея вознагражденія, по усмотрѣнію министерства, изъ тѣхъ же источниковъ, которые предназначаются на устройство еврейскихъ училищъ. Изъявленіе сей Высочайшей воли и мѣры, предположенныя къ приведенію оной въ исполненіе, дозволяютъ надѣяться, что благонамѣреннѣйшіе изъ евреевъ постигнутъ съ благоговѣніемъ благодѣтельные виды Государя Императора и, проникнутые вѣрноподданнической преданностью, потщатся содѣйствовать высокимъ предначертаніямъ Его Величества. Великодушное попеченіе объ умственномъ образованіи евреевъ послужитъ безъ сомнѣнія къ усугубленію того рвенія къ исполненію Высочайшей воли, которое начинаетъ проявляться въ благонамѣреннѣйшихъ изъ нихъ и которое уповательно въ сердцахъ многихъ ожидало только гласнаго изрѣченія священной воли Мо-

нарха. Получивъ изъ правительствующаго сената указъ, предоставляющій мнѣ исполненіе по означенному Высочайшему повелѣнію, долгомъ почитаю обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшей просьбою: эту Высочайшую волю, во всемъ изложенномъ здѣсь объемѣ, сдѣлать извѣстною евреямъ въ подлежащихъ управленію вашему губерніяхъ и оказать всевозможное съ вашей стороны содѣйствіе къ исполненію оной. Что касается до назначенія въ члены коммиссіи, Высочайше учрежденной для образованія евреевъ, одного изъ раввиновъ ввѣреннаго вашему сіятельству управленія, то, постигая всю важность такого выбора, я желалъ-бы имѣть въ виду по крайней мѣрѣ двухъ кандидатовъ изъ такихъ людей, которые, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ у евреевъ, соединяли-бы и качества, соотвѣтствующія видамъ правительства. Въ заключеніе я долженъ поставить васъ, милостивый государь, въ извѣстность, что, признавая необходимымъ, до открытія коммиссіи, извѣдать расположеніе умовъ и поприще будущей дѣятельности министерства, равно какъ и успокоить евреевъ на счетъ предположеній правительства, я отправляю въ тѣ губерніи, гдѣ евреямъ дозволено имѣть пребываніе, извѣстнаго мнѣ лично съ лучшей стороны управляющаго рижскимъ еврейскимъ училищемъ раввина доктора Лиліенталя, съ тѣмъ, чтобы, объѣхавъ оныя съ означенной цѣлью, онъ представилъ мнѣ о послѣдствіяхъ своей поѣздки подробное донесеніе. Я надѣюсь получить такимъ образомъ важныя данныя и основанія для будущихъ распоряженій, почему и прошу покорнѣйше ваше сіятельство принять Лиліенталя подъ особенное свое покровительство и предписать начальству подвѣдомственныхъ вамъ губерній о дозволеніи ему входить въ совѣщаніе съ обществомъ евреевъ и объ оказываніи ему въ нужныхъ случаяхъ законной защиты. Объ отправленіи Лиліенталя съ упомянутой цѣлью вмѣстѣ съ симъ доведено мною до Высочайшаго свѣдѣнія“.

Изъ приведеннаго сообщенія видно, что на доктора Лиліенталя были возложены С. С. Уваровымъ двѣ обязанности: съ од-

ной стороны, „извѣдать расположеніе умовъ“, а съ другой — „успокоить евреевъ на счетъ предположеній правительства“. Смыслъ и значеніе послѣдней функціи станетъ яснымъ, если мы познакомимъ читателей съ однимъ мѣстомъ въ Высочайше одобренномъ докладѣ С. С. Уварова, гдѣ говорится о томъ, что еврейская масса отнеслась враждебно къ открытымъ въ Одессѣ, Кишиневѣ и Ригѣ училищамъ, подозрѣвая руководителей этихъ заведеній въ тяготѣніи къ распространенію христіанства и видя въ поощрительныхъ мѣрахъ правительства одно лишь желаніе организовать разсадники прозелитизма. Съ такимъ предубѣжденіемъ евреевъ С. С. Уваровъ боролся всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами, и для этой цѣли онъ и поручилъ доктору Лиліенталю убѣждать посѣщаемыя имъ еврейскія общины въ томъ, что у правительства нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія посягать на ихъ религію. Этимъ и объясняется допущеніе министерствомъ народнаго просвѣщенія преподаванія талмуда въ первыхъ трехъ еврейскихъ училищахъ. „Въ училищахъ одесскомъ, кишиневскомъ и рижскомъ — пишетъ С. С. Уваровъ въ своемъ докладѣ—оставлено для виду преподаваніе нѣкоторой части талмуда, тогда какъ по истинѣ ученье вовсе удалено отъ талмудистовъ, такъ что старѣйшіе евреи говорятъ: „эти училища прекрасны, духъ въ нихъ чисто еврейскій, а ученье ведетъ къ христіанству“; въ смыслѣ закоренѣлыхъ приверженцевъ еврейскихъ предразсудковъ и суевѣрія, эти слова значатъ: „ученье во вновь учреждаемыхъ училищахъ должно мало по малу уничтожить въ евреяхъ *фанатизмъ разъединенія* и пріобщить ихъ къ *общему началу* гражданственности. Въ этомъ отношеніи они не ошибаются, ибо религія Креста не есть-ли чистѣйшій символъ гражданственности всемірной“?

Получивъ сообщеніе С. С. Уварова, графъ М. С. Воронцовъ сейчасъ же поставилъ въ извѣстность всѣхъ начальниковъ губерній о цѣли предстоящей командировки доктора Лиліенталя и вмѣстѣ съ тѣмъ обратился съ письмомъ къ министру народнаго просвѣщенія, въ которомъ рекомендуетъ въ члены коммиссіи ди-

ректора одесскаго еврейскаго училища Базилиуса Штерна, „въ высшей мѣрѣ заслуживающаго такого назначенія по своему уму, образованію, способностямъ и также свѣдѣніямъ, которыя онъ имѣетъ о еврейскомъ народѣ“. Такъ какъ С. С. Уваровъ настаивалъ все таки на указаніи двухъ кандидатовъ, то впослѣдствіи графъ М. С. Воронцовъ остановилъ свой выборъ также на купцѣ Моисеѣ Лихтенштадтѣ и въ отзывѣ своемъ называетъ послѣдняго „человѣкомъ честнымъ, благоразумнымъ, опытнымъ, образованнымъ и пользующимся уваженіемъ одесскаго еврейскаго общества“.

Осенью 1842 года прибылъ въ Одессу докторъ Лиліенталь и привезъ графу М. С. Вороцову письмо, въ которомъ С. С. Уваровъ весьма тепло рекомендуетъ „подателя“ и проситъ объ оказаніи ему законной защиты при исполненіи даннаго ему порученія.

О результатахъ совѣщанія доктора Лиліенталя съ представителями одесскаго еврейскаго общества, а также о томъ, что представители эти нашли тогда своевременнымъ выдвинуть на очередь вопросъ о расширеніи гражданскихъ правъ евреевъ—свидѣтельствуетъ докладная записка, покрытая множествомъ подписей и врученная графу М. С. Воронцову д-ромъ Лиліенталемъ. „Высочайшее повелѣніе отъ 22 іюня текущаго года—говорится въ этой запискѣ, составленной, судя по стилю и оборотамъ рѣчи, на нѣмецкомъ языкѣ — объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ временной коммиссіи изъ мужей ученыхъ и раввиновъ для образованія евреевъ въ Россіи служитъ наилучшимъ доказательствомъ неисчерпаемой благости Монарха и человѣколюбиваго намѣренія Его, кроткими мѣрами просвѣщенія, основаннаго на твердыхъ началахъ религіи и нравственности, вывесть единовѣрцевъ нашихъ изъ тьмы невѣжества и сопряженнаго съ нимъ пагубнаго униженія, въ которые подданные евреи въ теченіе столѣтій были повержены силою неисчислимыхъ обстоятельствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подать имъ надежныя средства: отечеству, согражданамъ и себѣ самимъ быть полезнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, и открыть себѣ прекрасную будущность. Съ этими высокими видами Августѣйшаго нашего Мо-

нарха подробно ознакомилъ насъ высокопочтенный раввинъ д-ръ Лилiенталь, на котораго возложена многотрудная обязанность объѣзжать значительнѣйшiя еврейскiя общества въ Имперiи, чтобы собрать данныя, которыя будутъ служить основанiемъ дальнѣйшимъ распоряженiямъ правительства. Проникнутое живѣйшимъ чувствомъ благоговѣйной благодарности къ Высочайшему Виновнику будущаго блаженства нашего, Который въ неограниченной благости Своей обратилъ отчеческiй взоръ Свой и на пренебреженное дотолѣ еврейское племя, одесское еврейское общество, пользующееся рѣдкимъ счастiемъ обитать край, управленiю мудраго и великодушнаго сановника Высочайше ввѣренный, смѣетъ надѣяться, что ваше сiятельство въ нынѣшнее время, столь важное для будущности болѣе чѣмъ миллiона вѣрноподданныхъ, не откажете со свойственнымъ вамъ, сiятельнѣйшiй графъ, человѣколюбiемъ предстательствовать у престола Монарха о томъ, чтобы вмѣстѣ съ нравственнымъ преобразованiемъ евреевъ улучшить также и гражданскiй бытъ ихъ. Многiе пути образованiя къ достиженiю степени полезнаго гражданина открыты вѣрнымъ подданнымъ царя Русскаго; много для нихъ поощренiя со стороны попечительнаго правительства: способнымъ сынамъ Россiи всегда съ материнской любовью подаетъ руку помощи признательная родина. Прекраснѣйшiя надежды открываются также и нашимъ единовѣрцамъ, заключеннымъ въ темныхъ предѣлахъ западныхъ, новороссiйскихъ и малороссiйскихъ губернiй, предполагаемыми мѣрами образованiя; способныхъ людей не мало также между подданными евреями; но безъ поощренiя со стороны правительства, безъ вещественныхъ правъ и преимуществъ, какими пользуются сыны Россiи,—и наука, и искусство, и просвѣщенiе обратятся въ пагубу потомкамъ древняго Якова. На пути просвѣщенiя и образованiя евреи, жители Новороссiйскаго края, подъ мощнымъ покровительствомъ вашего сiятельства, предшествовали всѣмъ прочимъ въ Имперiи. У насъ есть земледѣльческiя колонiи, есть изобилiе во всѣхъ родахъ ремесленниковъ, есть художники и, наконецъ, есть училища, вполнѣ соотвѣтствующiя ви-

дамъ правительстиа. Правда, благопріятствуетъ счастливымъ положеніемъ края и единственно этимъ обстоятельствомъ молодые люди съ нѣкоторымъ образованіемъ, до сихъ поръ не встрѣчая соперничества другихъ, отыскивали себѣ безбѣдное пропитаніе, но, къ крайнему огорченію нашему, уже и теперь намъ случилось видѣть благовоспитанныхъ молодыхъ евреевъ, не могущихъ пріискивать для себя приличнаго занятія, но гнушающихся уже такихъ промысловъ, которые не соотвѣтствуютъ ихъ воспитанію и не соглашаются съ ихъ образомъ мыслей, который вслѣдствіе воспитанія принялъ другое направленіе. Къ счастью, этихъ примѣровъ пока еще немного, но что должно ожидать впредь, когда вслѣдствіе предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ число образованныхъ людей непомѣрно возрастаетъ, а средства къ употребленію пріобрѣтенныхъ познаній на пользу отечеству, согражданамъ и лично себѣ останутся въ такомъ же, какъ и теперь, ограниченномъ кругу? Тогда пріобрѣтенное просвѣщеніе неминуемо должно обратиться имъ на пагубу, ибо вмѣсто того, что понынѣ единовѣрцы наши при теперешнихъ своихъ понятіяхъ, не сознавая, можетъ быть, въ себѣ призыва къ высшей степени въ гражданскомъ обществѣ, переносятъ терпѣливо заслуженное или незаслуженное горе и униженіе, тогда, напротивъ, въ полномъ сознаніи собственнаго достоинства, они тѣмъ сильнѣе почувствуютъ угнетающую тягость безнадежнаго своего положенія, и мѣра злополучія ихъ будетъ переполнена. Вотъ, человѣколюбивый начальникъ, опасенія, которыхъ мы въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ не могли перейти съ равнодушнымъ молчаніемъ и объ отклоненіи которыхъ осмѣливаемся умолять ваше сіятельство. Употребите, сіятельнѣйшій графъ, все, что можетъ внушать вамъ любящее и благородное сердце ваше, къ улучшенію въ гражданскомъ отношеніи участи евреевъ, не только жителей ввѣреннаго вамъ края, которыхъ нужды вамъ, какъ человѣколюбивому отцу, столько же извѣстны, какъ каждому изъ среды этихъ сотенъ тысячъ, но и всѣхъ вообще евреевъ въ Имперіи, ожидающихъ отъ предстательства вашего и подобныхъ

вамъ благолюбивыхъ и просвѣщенныхъ сановниковъ у Царскаго Престола осуществленія тѣхъ надеждъ, которыя столь радостно были возбуждены у насъ священной волею Царя-Отца въ повелѣніи отъ 22 іюня текущаго года".

Въ отвѣтъ на приведенную записку, графъ М. С. Воронцовъ адресовалъ „одесскому еврейскому обществу" 2 ноября 1842 г. изъ Массандры слѣдующее извѣщеніе: „Г. докторъ Лиліенталь вручилъ мнѣ вмѣстѣ съ письмомъ отъ г. министра народнаго просвѣщенія записку почтеннаго одесскаго еврейскаго общества, которую я прочелъ съ большимъ вниманіемъ. Съ большимъ удовольствіемъ познакомился я съ г. Лиліенталемъ, весьма сильно мнѣ рекомендованнымъ д. т. с. Уваровымъ, и на счетъ котораго я слышалъ со всѣхъ сторонъ самые лучшіе отзывы. Одесское еврейское общество, послѣ почти 20-лѣтняго со мною знакомства, не можетъ не быть увѣреннымъ, сколько какъ и прежде, такъ и теперь и на будущее время во всемъ отъ меня зависящемъ я былъ и буду всегда готовъ во всемъ помогать еврейскому въ здѣшнихъ губерніяхъ сословію и сколько въ особенности я считаю должнымъ и пріятнымъ всѣми мѣрами споспѣшествовать хорошему ходу и успѣхамъ теперь существующихъ еврейскихъ учебныхъ заведеній въ Одессѣ и Кишиневѣ и распространить кругъ сихъ полезныхъ заведеній и по другимъ мѣстамъ Новороссійскихъ губерній и Бессарабіи. Г. Лиліенталь будетъ свидѣтельствовать предъ своими единовѣрцами въ Одессѣ о разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ на счетъ записки, привезенной имъ ко мнѣ отъ одесскаго еврейскаго общества, и о томъ, что я раздѣляю мнѣніе сего общества на счетъ затрудненій, мѣшающихъ по теперешнему положенію дѣлъ еврейскимъ учебнымъ заведеніямъ имѣть всю ту пользу, которую-бы оныя приносили, если бы учившимся успѣшно въ сихъ заведеніяхъ болѣе бы былъ открытъ путь по выходѣ изъ училищъ. Должно надѣяться, что правительство наше, столь благодѣтельно пекущееся объ улучшеніи состоянія евреевъ въ Россіи, займется и такими распоряженіями, по какимъ молодые евреи мог-

ли бы имѣть и болѣе охоты къ ученію и впослѣдствіи болѣе пользы стараніемъ отъ успѣховъ по сей части. Конечно, и частныя начальства, къ которымъ г. министръ народнаго просвѣщенія адресовался по сему предмету, имѣютъ и право и обязанность войти о семъ въ разсужденіе и представить свои мнѣнія начальству. Вслѣдствіе сего я теперь же займусь симъ дѣломъ и по возвращеніи въ Одессу, въ концѣ сего мѣсяца, готовъ буду переговорить съ членами одесскаго еврейскаго общества и сколь возможно согласиться съ ними на счетъ того, что можно будетъ представить въ Петербургъ. При семъ случаѣ я объяснялся съ г. Лиліенталемъ на счетъ извѣстнаго дѣла построенія новой синагоги въ Одессѣ. Онъ раздѣляетъ мое мнѣніе о необходимости имѣть въ Одессѣ синагогу, болѣе достойную тамошняго еврейскаго сословія, безъ излишней роскоши и безъ излишнихъ расходовъ на таковую, которая бы вполнѣ удовлетворила нуждамъ евреевъ въ Одессѣ и проектъ которой могъ бы съ успѣхомъ быть препровожденъ на утвержденіе въ С.-Петербургъ“.

Въ мартѣ 1843 года послѣдовало распоряженіе министра народнаго просвѣщенія объ откомандированіи Базиліуса Штерна въ Петербургъ для участія въ засѣданіяхъ открываемой 25-го апрѣля коммиссіи и о снабженіи его для этой цѣли „подорожной по казенной надобности и прогонами на три лошади“. По поводу командировки своей Базиліусъ Штернъ обратился 27-го марта 1843 года съ слѣдующимъ письмомъ къ графу М. С. Воронцову. „Его превосходительство А. Я. Фабръ изволилъ сообщить мнѣ предварительно объ утвержденіи меня, согласно предложенію вашего сіятельства, г. министромъ народнаго просвѣщенія въ члены Высочайше учрежденной временной еврейской коммиссіи въ Петербургѣ, дабы я могъ заблаговременно сдѣлать нужное приготовленіе къ выѣзду изъ Одессы и прибыть въ столицу къ 25 будущаго апрѣля, назначенному для открытія оной коммиссіи. Не находя словъ для выраженія вашему сіятельству моей чувствительнѣйшей благодарности за новую милость, коею ваше сіятель-

ство доставили мнѣ случай сдѣлаться, можетъ быть, полезнымъ моимъ единовѣрцамъ въ большемъ объемѣ, какъ это мнѣ было донынѣ возможно, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше сіятельство довершить эту милость, дѣлая мнѣ посредствомъ рекомендательныхъ писемъ доступными тѣхъ важныхъ лицъ въ Петербургѣ, кои посредственно или непосредственно могутъ имѣть успѣшное вліяніе на рѣшеніе вопроса о евреяхъ въ пользу справедливости, человѣколюбія и государственнаго блага. При семъ позвольте, ваше сіятельство, доложить вамъ, что при часто случающихся со мною нервическихъ, иногда весьма опасныхъ, припадкахъ не могу рѣшиться ѣхать одинъ въ Петербургъ; и потому я нахожусь вынужденнымъ взять съ собою племяника моего, австрійско-подданнаго доктора Розенцвейга, который разными своими способностями можетъ быть мнѣ также въ помощь при занятіяхъ моихъ въ Петербургѣ по еврейскимъ дѣламъ. А какъ одесское мѣстное начальство доктору Розенцвейгу, какъ еврею, не можетъ дать паспорта въ Петербургъ безъ особаго разрѣшенія вашего сіятельства, то я смѣю надѣяться, что ваше сіятельство не откажете нижайшей моей просьбѣ: предписать г. военному губернатору г. Одессы выдать Розенцвейгу нужный видъ на поѣздку и пребываніе его со мною въ Петербургѣ".

Графъ М. С. Воронцовъ удовлетворилъ всѣ ходатайства Штерна и снабдилъ его рекомендательными письмами къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. „Позвольте мнѣ — говорится въ письмѣ графа М. С. Воронцова къ С. С. Уварову— еще разъ особенно рекомендовать благосклонному вниманію вашему этого почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, который, я увѣренъ, будетъ очень полезенъ своей опытностью, познаніями и образованіемъ". Въ такихъ же приблизительно выраженіяхъ рисуетъ Штерна графъ М. С. Воронцовъ въ письмахъ своихъ къ графамъ П. Д. Кисилеву и Л. А. Перовскому, говоря о немъ, какъ о лицѣ, извѣстному ему „съ давняго времени своимъ умомъ, познаніями и обширными практическими свѣдѣніями обо всемъ, что относится до евреевъ въ Россіи".

Въ то же время возникла переписка объ ассигнованіи одесскимъ еврейскимъ обществомъ суммы на покрытіе расходовъ по поѣздкѣ и пребыванію Штерна въ Петербургѣ и о выдачѣ вознагражденія лицамъ, замѣщающимъ Штерна, какъ директора и преподавателя одесскаго еврейскаго училища. Съ одной стороны, одесскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ Ахлестышевъ усиленно ходатайствовалъ объ обезпеченіи командировки Штерна достаточными средствами. „Вступившій ко мнѣ—пишетъ генералъ-маіоръ Ахлестышевъ въ рапортѣ своемъ отъ 31 марта 1843 г. на имя графа М. С. Воронцова — рапортъ одесскаго еврейскаго кагала отъ 29 н. м. съ ходатайствомъ на счетъ выдачи директору здѣшняго еврейскаго училища почетному гражданину Базиліусу Штерну 300 р. с. на покрытіе издержекъ, которыя сдѣлаетъ при поѣздкѣ въ С.-Петербургъ, гдѣ назначенъ членомъ Высочайше учрежденной коммиссіи для образованія евреевъ въ Россіи, долгомъ считаю поднести здѣсь на усмотрѣніе вашего сіятельства и почтительнѣйше присовокупить, что я лично удостовѣрился въ крайности денежныхъ средствъ г. Штерна, о заслугахъ и достоинствѣ котораго считаю излишнимъ говорить, какъ лично извѣстныхъ вашему сіятельству, а потому съ своей стороны нахожу не только возможнымъ, но и должнымъ наградить г. Штерна не 300 р., какъ представляетъ кагалъ, но 600 р. с., и сей мѣрою хотя сколько нибудь искупить тѣ многочисленныя и полезныя заслуги, которыя г. Штернъ оказалъ всему еврейскому здѣшнему обществу, слѣдовательно — и самому правительству“. Съ другой стороны, коммиссія одесскаго еврейскаго училища, указывая на необходимость порученія обязанностей Штерна другимъ лицамъ и назначенія этимъ лицамъ особаго содержанія, домогалась увеличенія годичнаго бюджета заведенія на 432 р. Ходатайство это, однакожъ, не увѣнчалось успѣхомъ, и въ отвѣтѣ своемъ отъ 21-го апрѣля 1843 года графъ М. С. Воронцовъ извѣщаетъ коммиссію о томъ, „что какъ на содержаніе одесскаго еврейскаго училища назначена смѣтою изъ коробочнаго сбора достаточно опредѣленная

сумма, которая и отпускается вполнѣ, и какъ новая, нынѣ коммиссіей предполагаемая, издержка превышала-бы смѣтное назначеніе и составляла бы двойной расходъ на одинъ и тотъ же предметъ". то оказывается невозможнымъ удовлетворить просьбу коммиссіи.

11 апрѣля 1843 года Б. Штернъ отправился въ Петербургъ и въ тотъ же день адресовалъ графу М. С. Воронцову письмо, въ которомъ, извѣщая о выѣздѣ для участія въ Высочайше учрежденной коммисіи для образованія евреевъ въ Россіи, проситъ быть увѣреннымъ, что онъ „всѣми своими слабыми силами будетъ стараться содѣйствовать счастливому успѣху дѣлъ упомянутой коммиссіи, цѣль которой всякому послѣдователю чистаго юдаизма столь же свята, какъ она желаема просвѣщенному нашему правительству".

Правовое положеніе евреевъ.

Въ 1843 году, какъ разъ во время разгара подготовительныхъ работъ по учрежденію еврейскихъ школъ, вызванныхъ къ жизни министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ, министерство внутреннихъ дѣлъ выдвинуло на очередь вопросъ о значительномъ ограниченіи правъ евреевъ. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ по иниціативѣ Комитета объ устройствѣ евреевъ, выработавшаго детальный проектъ о распредѣленіи еврейскаго населенія по разрядамъ. Сущность проекта, препровожденнаго на заключеніе всѣмъ генералъ-губернаторамъ, сводилась къ тому, чтобы всѣхъ живущихъ въ Россіи евреевъ раздѣлить на два класса: полезныхъ и безполезныхъ. *Полезными* предполагалось называть „только купцовъ третьей гильдіи, цеховыхъ ремесленниковъ, земледѣльцевъ и тѣхъ мѣщанъ, которые владѣютъ недвижимымъ

имѣніемъ, приносящимъ извѣстное количество годового дохода“. Всѣ же прочіе евреи, не входящіе въ составъ этихъ разрядовъ, должны были признаваться *безполезными*, и въ отношеніи ихъ предлагались различныя репрессивныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы заставить ихъ выбрать одну изъ отраслей пропитанія, признанныхъ полезными. Въ числѣ этихъ мѣръ первенствующее мѣсто было отведено высылкѣ евреевъ изъ деревень и мѣстечекъ и переселенію ихъ исключительно въ большіе города съ воспрещеніемъ отлучекъ, лишенію ихъ всякаго права на участіе въ дѣлахъ городского хозяйства и обязательному отбыванію ими рекрутской повинности въ тройномъ размѣрѣ.

Проектъ этотъ, поступившій также на разсмотрѣніе Новороссійскаго генералъ-губернатора, послужилъ поводомъ къ представленію Императору Николаю I графомъ М. С. Воронцовымъ обстоятельной записки, заключающей въ себѣ подробный разборъ и оцѣнку всѣхъ предложенныхъ мѣропріятій. „Посылая приложенную записку для всеподданнѣйшаго поднесенія Государю Императору,—пишетъ графъ М. С. Воронцовъ изъ Лондона, 16 октября 1843 года, въ особомъ письмѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ,—я долгомъ считаю объяснить причины, побудившія меня къ сему въ теперешнемъ моемъ положеніи. Пользуясь Всемилостивѣйшимъ отпускомъ и отдыхомъ, для меня необходимымъ какъ по лѣтамъ, по здоровью и по довольно трудной службѣ послѣднихъ лѣтъ, я бы не занялся здѣсь дѣломъ, въ запискѣ сей изложеннымъ, если-бы считалъ возможнымъ отъ сего отклониться; но предъ самымъ выѣздомъ изъ Россіи я имѣлъ сношеніе съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ о мѣрахъ, предпринимаемыхъ на счетъ евреевъ, и относительно коихъ отъ меня, какъ и другихъ генералъ-губернаторовъ, требовалось мнѣніе. Въ особенности нѣкоторыя изъ сихъ мѣръ, какъ-то —переселеніе и принятіе извѣстнаго количества еврейскихъ семействъ на казенныя земли Херсонской губерніи, отчасти поручены, по Высочайшей волѣ, мнѣ; посему я считалъ необходимымъ

изложить на бумагѣ мнѣніе мое по сему дѣлу и думалъ исполнить сіе во время пользованія моего карлсбадскими водами; но самое сіе пользованіе не дозволяетъ внимательно заниматься таковыми дѣлами; я узналъ это по опыту, ибо началъ было въ Карлсбадѣ сіе дѣлать и принужденъ былъ отказаться. Теперь, имѣя возможность и время, я разсмотрѣлъ со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ всѣ имѣющіяся у меня по сему дѣлу бумаги и, сообразивъ все, что я знаю о евреяхъ какъ по 20-лѣтнему управленію краемъ, въ которомъ пребываніе оныхъ допущено, такъ и потому, что во время прежней моей службы мнѣ случалось неоднократно и проходить и квартировать въ западныхъ губерніяхъ Имперіи, я изложилъ со всей откровенностью по долгу службы и присяги и сколько возможно безъ излишества мысли мои по дѣлу, къ участію въ коемъ я былъ призванъ, и теперь осмѣливаюсь всеподданнѣйше поднести оныя на Высочайшее разсмотрѣніе Государя Императора. Не мнѣ можно судить, ошибаюсь-ли я или нѣтъ въ понятіи моемъ по сему дѣлу. Его Императорскому Величеству извѣстно, что я столько же откровенно представляю свои мнѣнія, когда оныя отъ меня требуютъ, какъ послѣ того усердно и безпрекословно исполняю все, что уже рѣшено и мнѣ предписано исполнить. Представленія мои постоянно были принимаемы съ благоволѣніемъ, какое бы потомъ не было Высочайшее рѣшеніе, именно потому, что я всегда говорю откровенно то, что у меня лежитъ на сердцѣ. Счастливымъ себя почту, если и въ семъ случаѣ Великій Монархъ нашъ благосклонно приметъ сіи мои мысли и не почтетъ ихъ въ чемъ либо несогласными съ тѣми благодѣтельными намѣреніями, отъ коихъ произошли и теперешнія мѣры на счетъ евреевъ".

Во вступительной части своей записки графъ М. С. Воронцовъ останавливается прежде всего на неумѣстномъ названіи цѣлаго класса людей *безполезными*. „Смѣю думать, что самое общее названіе «безполезныхъ» для нѣсколькихъ сотенъ тысячъ людей, по волѣ Всевышняго издревле живущихъ въ Имперіи, и

круто и несправедливо; но если и принять сіе названіе для нѣкотораго количества евреевъ, то и тогда раздѣленіе, мнѣ кажется, должно быть другое. Въ проектѣ министерства остается безполезнымъ многочисленное сословіе раввиновъ и другихъ духовныхъ законоучителей и получившихъ ученую степень, которые безспорно и самимъ правительствомъ всегда считались полезными. Кромѣ того, проектъ считаетъ безполезными всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ евреевъ, которые занимаются или мелочной покупкою продуктовъ у первыхъ производителей, дабы ихъ доставлять оптовому купцу, или полезной продажей потребителямъ товаровъ, получаемыхъ ими отъ оптоваго продавателя большими количествами. Разсуждая безпристрастно, нельзя не удивиться, что сіи многочисленные торговцы считаются безполезными и, слѣдственно, вредными, тогда какъ они мелкимъ, хотя оклеветаннымъ промысломъ, безъ всякаго сомнѣнія, помогаютъ, съ одной стороны, промышленности сельской, а съ другой—торговой, и то въ провинціяхъ польскихъ, гдѣ національнаго мелкаго купечества никогда не было и теперь не находится“.

Устанавливая, такимъ образомъ, ошибочность подраздѣленія евреевъ на полезныхъ и безполезныхъ и доказывая съ цифрами въ рукахъ, что по классификаціи проекта придется цѣлыхъ 80% всего еврейскаго населенія, или свыше 800 тысячъ душъ обоего пола, причислить къ разряду безполезныхъ, графъ М. С. Воронцовъ переходитъ къ обсужденію вопроса о значеніи и цѣлесообразности средствъ, предполагаемыхъ для борьбы съ вреднымъ элементомъ. „Столь насильственная мѣра, принимаемая просвѣщеннымъ правительствомъ относительно огромнѣйшаго числа вѣрныхъ подданныхъ, была-бы совершенно непонятна, если бы не было очевидно, что объ ней представляли подъ вліяніемъ надежды, что она можетъ и даже непремѣнно будетъ имѣть слѣдствіемъ немедленное обращеніе всѣхъ евреевъ къ полезнѣйшимъ занятіямъ, такъ что думаютъ поступать въ этомъ случаѣ подобно благоразумному врачу, который рѣшается на кровавую операцію, будучи

убѣжденъ, что кратковременной, хотя сильной болью, прекратится долговременная и опасная болѣзнь. Но именно это предположеніе, единственное объясненіе означенной мѣры касательно евреевъ, по моему убѣжденію, совершенно ошибочно: всѣ тѣ евреи, къ которымъ относится эта мѣра, суть, съ весьма немногими изъятіями, крайне бѣдны. Принужденные заработывать каждый день свое дневное пропитаніе, они не имѣютъ никакой возможности прекратить для будущности своей занятія настоящія, возложенныя на нихъ ежедневной нуждою. Такого состоянія человѣкъ, который весь день безъ отдыха ищетъ для себя и своего семейства кусокъ хлѣба, не имѣетъ никакого средства отложить цѣлые годы на изученіе ремесла, на наемъ и обработываніе полей, не говоря уже о пріобрѣтеніи дома или капитала на торговлю, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что несравненное большинство сихъ несчастныхъ подвергнется всей строгости вышеозначенной мѣры правительства, будетъ страдать и терпѣть лишеніе городскихъ правъ, тѣсноту и тройную рекрутскую повинность, имѣя одно только желаніе къ улучшенію своей участи, но будучи не въ силахъ привесть его въ дѣйствіе. Мучительная операція надъ этимъ классомъ людей причинитъ имъ не только одну боль, но даже истребленіе черезъ нищету, не приводя съ собою ожидаемаго излеченія. Если это такъ, если приведеніемъ въ дѣйствіе означенной мѣры послѣдствія, ожидаемыя отъ нея для улучшенія евреевъ, никакъ сбыться не могутъ и причинятъ имъ одни только бѣдствія, то благоразуміе и человѣколюбіе показываютъ необходимость остановиться въ исполненіи оной и обратиться къ чему либо менѣе стѣснительному и менѣе опасному. Грозный характеръ этой мѣры и невозможность успѣха отъ оной, по моему мнѣнію, совершенно ясны. Свыкшись и сжившись съ мѣстомъ своего пребыванія, мелочный промышленникъ обладаетъ подробнымъ познаніемъ безчисленныхъ мѣстныхъ отношеній и сопряженныхъ съ ними средствъ къ пропитанію; заставивъ такого рода человѣка вдругъ перейти въ чужое для него мѣсто, всѣ прежде имъ пріобрѣтенныя познанія и

выгоды дѣлаются для него потерянными, и пока не пріучится къ отношеніямъ и обстоятельствамъ новаго своего мѣстожительства, что, однако, людямъ извѣстнаго возраста едва-ли еще можетъ удасться, онъ повергается въ великіе недостатки и въ крайнюю бѣдность, такъ что всякое насильственное перемѣщеніе должно принимать какъ разореніе для перемѣщенныхъ. Я видѣлъ примѣръ сему въ послѣдніе годы по Новороссійскому краю. Евреи, выселенные нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ городовъ Севастополя и Николаева, бывшіе почти всѣ зажиточные, а отчасти и богатые, попали въ это короткое время въ крайнюю бѣдность и нищету; но на сію мѣру были особыя причины и самое число высланныхъ изъ сихъ двухъ городовъ евреевъ, въ общемъ государственномъ видѣ, было ничтожно. Но въ теперешней мѣрѣ, не говоря о томъ, что и причинъ тѣхъ нѣтъ, которыя существовали въ Севастополѣ и Николаевѣ, нѣсколько сотъ тысячъ несчастныхъ насильно и внезапно должны переселиться, и послѣдствія для нихъ не только будутъ такія же, но, по огромному количеству людей, будутъ для нихъ гораздо пагубнѣе. Истребляя такимъ образомъ благосостояніе и надежды огромнаго числа людей, имѣющихъ быть высланными изъ деревень и мѣстечекъ въ большіе города, мѣра сія будетъ имѣть и то еще весьма вредное послѣдствіе, что и тѣ евреи, которые теперь живутъ въ тѣхъ городахъ и болѣе или менѣе находятъ въ оныхъ способы пропитанія, сами должны обѣднѣть отъ чрезмѣрнаго стеченія нововысланныхъ къ нимъ изъ деревень евреевъ, и не только сіи несчастные не найдутъ большей частью возможности существованія, но и прежніе обѣднѣютъ, теряя большую часть тѣхъ способовъ, которыми теперь пользуются. Вообще евреи, вмѣсто поправленія въ домашнемъ быту и въ нравственномъ видѣ, потеряютъ во всѣхъ отношеніяхъ и отъ настоящей и неизбѣжной нищеты, и отъ постояннаго умственнаго отчаянія".

Интересенъ взглядъ, попутно высказываемый въ разсматриваемой нами запискѣ графомъ М. С. Воронцовымъ на ужасающій

пауперизмъ еврейской массы и приписываемое ей нравственное растлѣніе. „Чрезмѣрное и многими почитаемое столь вредное население евреевъ въ польскихъ провинціяхъ происходитъ отъ того, что съ давнихъ временъ, вытѣсненные изъ западной части Европы и непринимаемые въ великороссійскихъ губерніяхъ, они необходимо должны были въ огромномъ числѣ поселиться въ бывшей Польшѣ. Отъ сего произошло бѣдствіе для нихъ самихъ, а можетъ быть пороки, въ коихъ они обвиняются, и до нѣкоторой степени вредъ краю, въ который они были выгнаны. Но смѣю спросить: виноваты-ли въ томъ евреи, и не будутъ-ли еще худшія послѣдствія отъ новаго стѣсненія изъ мѣстъ по сравненію обширныхъ въ одни только города до 400 тысячъ душъ, принимая, что не болѣе сего числа живутъ теперь въ деревняхъ и мѣстечкахъ? Не будетъ ли отъ сего ужаснаго стѣсненія прибавленія къ нищетѣ и бѣдствіямъ всякаго рода и даже умноженія тѣхъ пороковъ, въ которыхъ евреи обвиняются?“

„Смѣю думать,—резюмируетъ далѣе графъ М. С. Воронцовъ свои энергическія возраженія противъ основной мысли проекта,—что всѣ вышереченныя худыя послѣдствія будутъ неизбѣжны, если мѣра сія примется во всей своей строгости; смѣю думать, что мѣра сія и въ государственномъ видѣ вредна и жестока. Съ одной стороны, отымутся сотни тысячъ рукъ, помогающихъ мелкой торговой промышленности въ провинціяхъ, гдѣ замѣнить ихъ нѣтъ и долго не будетъ возможности; съ другой-же— плачъ и вопли столь огромнаго числа несчастныхъ, которыхъ постигнутъ печальныя дѣйствія сей мѣры, будутъ служить порицаніемъ и у насъ, и за предѣлами Россіи, правительства нашего, тогда, когда великій Монархъ нашъ преисполненъ одними только благими и благодѣтельными намѣреніями для всѣхъ своихъ подданныхъ безъ различія рода и вѣры, и сія жестокая участь должна пасть на людей, не только не провинившихся ни въ чемъ противъ пользы и интересовъ Россіи, но которые, напротивъ того, въ 1812 и 1830—31 годахъ, можно сказать, почти безъ ис-

ключенія оказались вѣрными подданными Россіи и заслужили полное отъ правительства нашего довѣріе даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди богатые и образованные въ большомъ числѣ временно отклонились отъ прямого пути и вѣрности къ присягѣ".

Графъ М. С. Воронцовъ не ограничивается, однакожъ, своими сужденіями отрицательнаго свойства и высказываетъ также положительный взглядъ свой на еврейскій вопросъ. Въ запискѣ заключается, независимо отъ соображеній, указывающихъ несостоятельность проекта, и самостоятельное предложеніе автора относительно желательныхъ мѣропріятій, могущихъ поднять нравственный и экономическій уровень русскихъ евреевъ. „Если у меня спросятъ, что же я почитаю возможнымъ сдѣлать, если признаю, что мѣра, теперь разсматриваемая, точно безполезна и даже опасна, то я осмѣлюсь отвѣчать, что, по моему мнѣнію, никакой особенной особливо крупной и затруднительной мѣры противъ евреевъ принимать не нужно; что уже въ недавнія времена многія сдѣланы распоряженія, болѣе или менѣе для евреевъ трудныя, какъ-то: 1) удаленіе ихъ изъ нѣкоторыхъ городовъ полуденной Россіи; таковое же удаленіе на извѣстное число верстъ по всей нашей сухой границѣ отъ Балтійскаго моря до Карпатскихъ горъ; 2) аккуратное перечисленіе оныхъ, чего еще въ недавнія времена не было; и хотя сія мѣра и справедлива и, можно сказать, нужна, но она не менѣе того для евреевъ тяготительна по платежу податей, ибо когда ихъ счетъ не былъ аккуратно сдѣланъ, то они платили несравненно менѣе нежели они теперь платятъ, и, наконецъ, 3) рекрутство, которому они не были подвержены, и которое, конечно, для нихъ, по древнимъ ихъ привычкамъ, должно казаться весьма тягостнымъ. Я бы считалъ, что сихъ уже узаконенныхъ мѣръ весьма достаточно и что довольно-бы было и всего полезнѣе заняться теперь учрежденіемъ повсюду, гдѣ живутъ евреи, училищъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, на подобіе тѣхъ, которыя давно учреждены въ Одессѣ, Кишиневѣ и, сколько я слышалъ, послѣ того въ двухъ или трехъ мѣстностяхъ

западныхъ губерній. Училище въ Одессѣ два раза имѣло счастье быть представлено Государю Императору и Его Императорское Величество удостоилъ оное Высочайшаго одобренія. Счастливые результаты сего училища въ Одессѣ очевидны и всѣмъ извѣстны. Нѣкоторая часть евреевъ, болѣе приверженныхъ къ старымъ предразсудкамъ какъ по части религіозной, такъ и въ общежитіи, сначала не только не одобряла учрежденія сихъ училищъ, но и считала учрежденіе сіе для себя пагубнымъ; многіе изъ сихъ самыхъ людей теперь перемѣнили мнѣніе и перешли на сторону болѣе просвѣщенныхъ своихъ единовѣрцевъ, а въ государственномъ видѣ нельзя не замѣтить, что молодые люди, выходящіе изъ сихъ училищъ, и по наружности и по образованію далеко отличаются отъ всѣхъ евреевъ, сохраняющихъ еще предразсудки и худыя привычки, столь примѣтныя и столь часто приводимыя въ примѣръ противъ вообще еврейскаго племени. Учрежденіе таковыхъ училищъ большей частью изъ способовъ коробочнаго сбора и другихъ собственныхъ еврейскихъ средствъ, а гдѣ нужно и при пособіи со стороны казны, непремѣнно и въ короткое время будетъ имѣть самое благодѣтельное послѣдствіе и во всякомъ случаѣ будетъ гораздо менѣе стоить государству нежели мѣры, теперь предлагаемыя“.

Переходя, за симъ, къ выставленнымъ въ проектѣ основаніямъ, указывающимъ на цѣлесообразность предлагаемыхъ средствъ и на ожидаемые отъ нихъ благопріятные для общаго населенія Имперіи результаты, графъ М. С. Воронцовъ заканчиваетъ свою записку слѣдующими словами: „Если затѣмъ непремѣнно будетъ рѣшено приступить еще къ какой либо болѣе сильной мѣрѣ, то въ такомъ случаѣ лучше обратиться къ нѣкоторому возможному переселенію, не касаясь раздѣленія на полезныхъ и безполезныхъ и не заставляя людей перемѣщаться въ большіе города, когда они не имѣютъ на это ни денежныхъ способовъ, ни нужныхъ искусствъ или познаній,—слѣдственно, для вящшей ихъ нищеты и для неминуемаго стѣсненія тѣхъ евреевъ, которые теперь живутъ

въ большихъ городахъ и только что имѣютъ достаточную возможность существовать. Теперешнее переселеніе имѣетъ, конечно, хотя небольшой успѣхъ для нѣкоторой части переселенцевъ, когда Всевышній благословляетъ Новороссійскій край хорошимъ урожаемъ, но во всякомъ случаѣ необходимые для казны расходы для сего переселенія такъ огромны, что число семействъ, которыхъ возможно переселить въ теченіи года, совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ народонаселеніемъ, которое въ проектѣ названо безполезнымъ; а когда естественныя причины, и особливо засухи, главное бѣдствіе полуденнаго края, мѣшаютъ урожаю, то расходы еще въ значительной степени увеличиваются и при большомъ числѣ переселенныхъ превзойдутъ всякую возможность. Со всѣмъ тѣмъ я считаю, что способами, теперь употребляемыми, возможно переселять ежегодно нѣсколько сотъ семействъ и для вящшаго достиженія теперешней цѣли правительство должно-бы положить: 1) собирать вѣрныя свѣдѣнія по всѣмъ западнымъ губерніямъ, сколько въ четыре года прибавляется еврейскаго народонаселенія; 2) предписать, чтобы двойное число этихъ добавочныхъ душъ старались селиться земледѣльцами; 3) кромѣ казенныхъ на сіе средствъ, помогать, если возможнымъ найдете, сему переселенію еврейскимъ коробочнымъ сборомъ, или прямо, или способомъ погашенія долга, сдѣланнаго для сего переселенія, при чемъ коробочный сборъ долженъ остаться въ теперешнемъ его составѣ, и правительство ни для какого бы то ни было предмета отнимать или убавлять оный не должно; и, наконецъ, 4) коммиссія, которой поручится исполненіе сей мѣры, должна быть выбираема не богатыми евреями, а составлена только изъ оныхъ и изъ лучшихъ купцовъ, но по выбору бѣдныхъ и именно тѣхъ самыхъ, изъ числа коихъ переселеніе производиться будетъ. Такимъ образомъ, можно бы достигнуть постепеннаго уменьшенія или, такъ сказать, погашенія той массы бѣдныхъ евреевъ, которые теперь живутъ въ деревняхъ и мѣстечкахъ и которые посему названы въ проектѣ безполезными. Если-же, паче чаянія, черезъ

четыре года докажется, что сія мѣра неудобоисполнима и безуспѣшна, то тогда всегда еще будетъ время или найти какое либо другое средство, или даже обратиться съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ и смягченіемъ къ мѣрѣ, теперь въ проектѣ предлагаемой".

Записка графа М. С. Воронцова вызвала большую перемѣну во взглядахъ высшаго правительства на значеніе проектировавшихся въ отношеніи еврейскаго населенія мѣръ и послужила краеугольнымъ камнемъ для цѣлаго ряда законодательныхъ работъ, завершившихся въ 1845 году новымъ проектомъ объ устройствѣ быта евреевъ. „Представленная вашимъ сіятельствомъ—говорится въ письмѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3 августа 1844 года на имя графа М. С. Воронцова—Его Императорскому Величеству докладня записка о неизбѣжныхъ стѣсненіяхъ для евреевъ при переселеніи ихъ въ города и о мѣрахъ къ водворенію ихъ въ земледѣльческое званіе—по Высочайшему повелѣнію была внесена въ комитетъ объ устройствѣ евреевъ, который, по разсмотрѣніи оной и по соображеніи съ своими постановленіями, нашелъ, что названіе нѣкоторыхъ евреевъ „безполезными" замѣнено другимъ выраженіемъ, именно: „неимѣющими производительнаго труда", а бывшее предположеніе о переселеніи евреевъ въ города журналомъ комитета, удостоеннымъ 17 іюня 1842 года Высочайшаго утвержденія, уже отмѣнено съ тѣмъ, чтобы подвергнуть евреевъ предположеннымъ ограниченіямъ на мѣстахъ ихъ жительства безъ переселенія въ города. Касательно предположенія вашего сіятельства о томъ, чтобы въ каждые четыре года водворять евреевъ въ земледѣльцы двойное число противъ того, которое въ продолженіи сего періода родится, при всей пользѣ, которую оно обѣщаетъ въ видахъ постепеннаго уничтоженія между евреями непроизводительнаго класса, нельзя, однакожъ, не согласиться въ трудности привести сіе въ исполненіе, какъ по недостатку денежныхъ на то способовъ, такъ и по другимъ причинамъ. Ибо допустивъ, что число вновь рождающихся у евреевъ составляло-бы ту же пропорцію, какая находится между христіанами, и что оно

не превышаетъ 1% на 100, выходитъ, что на миллiонъ душъ обоего пола прибавится въ четыре года 40 тысячъ душъ или 10,000 семействъ. Слѣдовательно, если по упомянутому предположенiю взять двойное противъ сего число, то подлежало-бы въ четыре года переселить 20 тысячъ семействъ или 80,000 душъ. Полагая, что изъ сего числа двѣ трети переселятся на казенныя земли и одна треть на владѣльческiя, сумма денежнаго пособiя для нихъ въ первые четыре года составила-бы около трехъ миллiоновъ рублей серебромъ, тогда какъ на переселенiе евреевъ едва найдено возможнымъ отдѣлить изъ коробочнаго сбора каждогодно по 50,000 руб. сер. А потому комитетъ почелъ неудобнымъ приступить къ отмѣнѣ принятыхъ имъ по сему предмету мѣръ".

Проходящая красной нитью по всей запискѣ графа М. С. Воронцова кардинальная мысль о необходимости насажденiя въ еврейской средѣ элементарнаго образованiя путемъ открытiя спецiальныхъ школъ и о направленiи всѣхъ мѣръ къ борьбѣ съ фанатизмомъ евреевъ, къ духовному ихъ обновленiю—нашла полное сочувствiе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намѣченная въ 1845 году программа „о видахъ устройства евреевъ", въ которой просвѣтительныя средства выступаютъ на первый планъ. „Отчужденiе евреевъ отъ общаго гражданскаго устройства и отъ полезнаго труда—говорится въ сообщенiи министра государственныхъ имуществъ ген.-адъютанта графа Киселева на имя Новороссiйскаго генералъ-губернатора отъ 14 апрѣля 1845 года—побудило правительство принять мѣры къ устраненiю сего зла. По точнѣйшимъ изысканiямъ найдено, что уклоненiе евреевъ отъ соединенiя съ гражданскимъ обществомъ скрывается въ ученiи талмуда, который принадлежитъ къ эпохѣ паденiя Iудеи, когда еврейскiе первосвященники, опасаясь слiянiя побѣжденнаго народа съ побѣдителями и надѣясь еще на возстановленiе Iудеи, старались посредствомъ талмуда укоренить въ евреяхъ вѣрованiе, что Провидѣнiе посылаетъ имъ временное испытанiе, что они должны считать себя въ

плѣну, избѣгать всякой осѣдлости, привязывающей къ землѣ, и быть готовыми по первому призванію Мессіи къ переселенію въ Палестину. Никакія насильственныя мѣры въ теченіи многихъ столѣтій не могли поколебать фанатизмъ евреевъ доколѣ правительство не обратилось къ нравственному ихъ преобразованію уничтоженіемъ вліянія талмуда, какъ несообразнаго съ настоящими отношеніями евреевъ къ народамъ, среди которыхъ они находятся. На сихъ самыхъ основаніяхъ предположено дѣйствовать и на евреевъ въ Россіи, начавъ съ ослабленія вліянія талмуда, уничтожать постепенно всѣ учрежденія, препятствующія къ слiянію евреевъ съ гражданскими обществами, и потомъ обращать ихъ къ полезному труду, съ одной стороны, поощреніями и пособіями, а съ другой—побужденіями и ограниченіями. Въ сихъ видахъ составлены и съ Высочайшаго утвержденія изданы въ 1844 году слѣдующія положенія: 1) о коробочномъ сборѣ; 2) объ уничтоженіи кагаловъ; 3) о еврейскихъ училищахъ; 4) о еврейскихъ инспекторахъ и 5) о евреяхъ-земледѣльцахъ. Сіи положенія заключаютъ въ себѣ слѣдующія главныя основанія: 1) *Коробочный сборъ*, зависѣвшій доселѣ отъ произвола самихъ евреевъ, обращается въ сборъ обязательный и уравнительный по состоянію еврейскихъ обществъ. Все приращеніе въ сборѣ предназначается на предметы преобразованія евреевъ. 2) *Еврейскіе кагалы*, составлявшіе отдѣльную еврейскую администрацію и поддерживавшіе особенную самобытность евреевъ, уничтожаются и евреи подчиняются общему вѣдомству городоваго управленія и полиціи. 3) Учреждаются *еврейскія училища* съ той цѣлью, чтобы поколебать основаніе талмуда и потомъ соединить образованіе еврейскаго юношества съ христіанскимъ, а дабы имѣть запасъ людей, образованныхъ въ духѣ правительства, для замѣщенія должностей учителей и раввиновъ, и избѣгать необходимости выписывать таковыхъ изъ заграницы, учреждаются два раввинскія училища для образованія потребнаго числа учителей и раввиновъ изъ мѣстныхъ евреевъ. 4) Для ослабленія между евреями фанатизма и проис-

ходящаго отъ того заблужденія въ ихъ религіозныхъ обрядахъ и установленіяхъ, несообразныхъ съ общимъ гражданскимъ порядкомъ, учреждаются при генералъ-губернаторахъ *еврейскіе инспектора* и будетъ учреждена въ г. Житомирѣ *общая центральная коммиссія* для направленія раввиновъ сообразно съ видами правительства. 5) Чтобы обратить евреевъ къ полезному труду, имъ предоставляется устроиться въ званіяхъ купеческомъ, цеховомъ и земледѣльческомъ, для чего предназначаются въ губерніяхъ, гдѣ дозволено имъ постоянное пребываніе, свободныя земли и будутъ преподаны способы для заселенія на счетъ коробочнаго сбора. Всѣ прочіе евреи, остающіеся въ мѣщанахъ и неимѣющіе осѣдлости и недвижимой собственности, должны быть подвергнуты разнымъ ограниченіямъ и въ томъ числѣ усиленному рекрутскому набору. 6) Для сего составленъ и отправленъ генералъ-губернаторамъ проектъ о способахъ разбора и отдѣленія евреевъ полезныхъ отъ неимѣющихъ осѣдлости и производительнаго труда. 7) Между тѣмъ всѣ евреи предварены черезъ мѣстныя начальства, что черезъ пять лѣтъ будетъ рѣшительно запрещено употребленіе нынѣшней еврейской одежды. Совокупность всѣхъ таковыхъ мѣръ, проистекая изъ одной основной цѣли, выше сего изложенной, должна произвести неминуемое измѣненіе въ бытѣ евреевъ, если не скоро, то по крайней мѣрѣ столь же вѣрно, сколько сіе исполнилось при подобныхъ мѣрахъ въ другихъ государствахъ".

Приведенное нами сообщеніе какъ нельзя яснѣе показываетъ, что первоначальный проектъ о раздѣленіи евреевъ на полезныхъ и безполезныхъ и объ отнятіи у послѣднихъ свободы передвиженія даже въ чертѣ еврейской осѣдлости—былъ подвергнутъ радикальной ломкѣ и замѣненъ другимъ проектомъ, главная задача котораго заключалась въ выборѣ средствъ для опредѣленія характера еврейскаго пролетаріата. Въ этомъ отношеніи сослужила правительству прекрасную службу записка графа М. С. Воронцова и благопріятные результаты, достигнутые первыми еврейскими училищами въ Новороссійскомъ краѣ.

Еврейская одежда.

Между правительственными мѣрами, имѣвшими задачей своей парализованіе еврейской обособленности и устраненіе всѣхъ внѣшнихъ условій, благопріятствующихъ упроченію инородческаго сепаратизма, играли наиболѣе видную роль ограниченіе употребленія въ офиціальныхъ сферахъ еврейскаго языка и безусловное воспрещеніе ношенія еврейской одежды. До 1835 года евреи свободно обращались въ присутственныя мѣста и къ должностнымъ лицамъ съ прошеніями, составленными на древне-еврейскомъ языкѣ или на разговорномъ еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ. Какъ помнятъ читатели, первый приговоръ объ учрежденіи въ 1826 году въ Одессѣ еврейскаго училища былъ изложенъ на древне-еврейскомъ языкѣ и, тѣмъ не менѣе, послужилъ основаніемъ къ удовлетворенію высшей администраціей ходатайства одесскаго еврейскаго общества. Но правительство пришло къ убѣжденію, что заботы его о насажденіи въ средѣ русскихъ евреевъ общегражданскихъ понятій не увѣнчаются желаннымъ успѣхомъ, если самобытность еврейскаго населенія найдетъ особенно яркое выраженіе въ національномъ платьѣ и специфическомъ языкѣ. И вотъ, на ряду съ обезпечивающей евреямъ самую широкую свободу вѣры 45 ст. I т. ч. 1 свода основныхъ государственныхъ законовъ, не допускающей никакого различія между пребывающими въ Россіи народами, „славящими Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ“, появились 955 ст. IX т. зак. о сост., въ силу которой „евреи во всѣхъ публичныхъ актахъ и во всѣхъ бумагахъ, подаваемыхъ или присылаемыхъ ими мѣстамъ и лицамъ правительственнымъ, судебнымъ и полицейскимъ, должны употреблять языкъ русскій или тотъ, на которомъ въ мѣстѣ ихъ пребыванія дѣла производятся, но отнюдь не еврейскій“, и 522 ст. XI т. ч. II уст. торг., вмѣняющая евре-

ямъ въ обязанность „вести бухгалтерскія книги и вообще купеческія всякаго рода тетради и записки на русскомъ, польскомъ или нѣмецкомъ языкахъ“. Наконецъ, въ 1850 году послѣдовало повелѣніе объ отмѣнѣ всѣхъ налоговъ, которыми раньше, въ силу положенія о коробочномъ сборѣ, облагались шитье и ношеніе еврейской одежды, отнынѣ совершенно запрещаемой, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъятій, допускаемыхъ для престарѣлыхъ евреевъ не менѣе 60-лѣтняго возраста и дѣтей моложе десяти лѣтъ. Изъятія эти и послужили поводомъ къ цѣлому производству, хранящемуся въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора и озаглавленному дѣломъ „о воспрещеніи евреямъ носить особую еврейскую одежду, ермолки, пейсики и проч.“.

Прежде всего возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли считать головной уборъ самостоятельной частью костюма, требующей обложенія. „Одесскій градоначальникъ — пишетъ 13 мая 1850 года въ рапортѣ своемъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ исправлявшій должность Новороссійскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенантъ Ѳедоровъ — представляетъ, что по § 14 Высочайше утвержденнаго 19-го декабря 1844 года положенія о коробочномъ сборѣ съ евреевъ престарѣлые евреи, имѣющіе не менѣе 60-ти лѣтъ отъ роду, и малолѣтніе до 10-лѣтняго возраста освобождены отъ установленнаго денежнаго сбора за ношеніе еврейской одежды. Въ Высочайшемъ-же повелѣніи, изъясненномъ въ циркулярномъ разъясненіи вашего сіятельства начальникамъ губерній отъ 31-го января 1848 года, сказано: всѣ евреи, желающіе носить ермолки, облагаются постоянною податью по 5 р. с. въ годъ съ каждаго въ пользу коробочнаго сбора. Затѣмъ ваше сіятельство предписали 2 сентября 1849 года, чтобы съ наступленіемъ 1850 года не препятствовать евреямъ, сохраняющимъ прежнее платье, употреблять оное изъ платежа установленной пошлины въ пользу коробочнаго сбора. Тайн. сов. Казначеевъ, по представленію одесской градской думы, испрашиваетъ разрѣшенія: престарѣлые евреи, достигшіе 60 лѣтъ послѣ изданія въ 1844 году положенія о ко-

робочномъ сборѣ, а равно и малолѣтніе евреи до 10-лѣтняго возраста, должны-ли быть освобождены отъ уплаты особаго денежнаго сбора (по 5 руб. с. въ годъ) за право ношенія ермолокъ, если эти евреи будутъ носить и ермолки и вообще еврейское платье, или-же и они подлежатъ такому сбору. Объ изложенномъ представленіи одесскаго градоначальника донося на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе вашего сіятельства, пріемлю честь доложить, что Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ декабрѣ 1847 г., хотя опредѣлено облагать евреевъ за ношеніе ермолокъ 5-рублевымъ сборомъ, но какъ положеніемъ 19 декабря 1844 года престарѣлые и малолѣтніе евреи освобождены отъ сбора за ношеніе еврейской одежды, а ермолки составляютъ принадлежность ихъ собственной одежды, то я полагалъ-бы, что евреи, достигшіе 60 лѣтъ, и малолѣтніе до 10 лѣтъ не подлежатъ сбору за ермолки". По поводу этого рапорта послѣдовало разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, сразу положившее конецъ всѣмъ толкованіямъ, такъ какъ „Государь Императоръ, по положенію комитета объ устройствѣ евреевъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: употребленіе особой еврейской одежды воспретить повсемѣстно съ 1 января 1851 года, предоставивъ генералъ-губернаторамъ право въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ нужнымъ, дозволить за опредѣленную плату *донашивать* еврейское платье престарѣлымъ евреямъ, кои, имѣя не менѣе 60 лѣтъ отъ роду, продолжали носить его понынѣ".

Такимъ образомъ вопросъ о безусловномъ воспрещеніи ношенія еврейской одежды былъ разрѣшенъ радикально, и высшей администраціи приходилось только время отъ времени обсуждать ходатайства евреевъ, имѣвшихъ право на донашиваніе своихъ національныхъ костюмовъ. Такихъ лицъ оказалось, однако, въ Новороссійскомъ краѣ очень мало. Первымъ возбудилъ ходатайство именовавшійся николаевскимъ раввиномъ военно-служащихъ Фроимъ Зельманъ Разумный, а за нимъ слѣдуютъ одесскій купецъ Моисей Цвибакъ, очаковскій раввинъ Зейликъ Кейниховичъ и житель

г. Екатеринослава—славяносербскій мѣщанинъ Берко Тилимановъ. Цѣлыхъ три года потребовалось на переписку и собираніе свѣдѣній о томъ, соотвѣтствуютъ ли просители требуемымъ закономъ условіямъ. Любопытная переписка эта, свидѣтельствующая о той осторожности, съ которой губернское и уѣздное начальство допускало донашиваніе еврейской одежды, выдвигаетъ попутно вопросы о размѣрѣ сбора, которымъ облагалась своеобразная привиллегія старцевъ-евреевъ на временное сохраненіе своего національнаго покроя, а также и томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ нарушителями спеціальнаго закона о еврейской одеждѣ. Изъ сопоставленія различныхъ нормъ подати, взимавшейся въ губерніяхъ херсонской и екатеринославской, видно что сборъ съ еврейской одежды колебался между 5 и 10 руб., сообразно состоявшейся для каждой губерніи смѣтѣ по коробочному сбору. Что же касается вопроса о привлеченіи къ отвѣтственности охотниковъ наряжаться въ еврейское платье внѣ установленныхъ въ законѣ правилъ, то вопросъ этотъ не получилъ практическаго разрѣшенія за отсутствіемъ случаевъ подобныхъ законнарушеній. „Дубосарская городская полиція —говорится въ представленіи херсонскаго губернскаго правленія на имя Новороссійскаго генералъ-губернатора отъ 17-го октября 1853 года—испрашиваетъ разрѣшенія, какъ поступать съ тѣми евреями, которые имѣютъ менѣе 60 лѣтъ и нарушатъ запрещеніе имъ носить еврейскую одежду; подлежатъ-ли таковые денежному взысканію и какому именно, или другому какому наказанію? Не имѣя въ виду закона къ разрѣшенію таковаго представленія дубосарской полиціи, губернское правленіе полагаетъ обстоятельство это предоставить сужденію судебнаго мѣста, но, не приводя сего въ исполненіе, имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства и покорнѣйше просить о разрѣшеніи предложенія“. „Не видя изъ представленія губернскаго правленія,—пишетъ генералъ-лейтенантъ Ѳедоровъ въ своемъ отвѣтѣ,—чтобы были случаи нарушенія кѣмъ либо изъ евреевъ вышеозначеннаго постановленія, воспрещающаго носить еврейскую

одежду, и принимая во вниманіе, что при надзорѣ и внушеніяхъ со стороны мѣстной полиціи едва-ли могутъ быть таковые случаи, я считаю теперь преждевременнымъ испрашивать у высшаго начальства разрѣшенія по упомянутому вопросу дубосарской полиціи; если же замѣчено будетъ гдѣ либо употребленіе еврейской одежды имѣющими менѣе 60 лѣтъ, то губернское правленіе не оставитъ сообщить мнѣ о томъ въ свое время“.

Впрочемъ, не одна только дубосарская полиція натолкнулась на нѣкоторыя затрудненія при приведеніи въ исполненіе закона о еврейской одеждѣ. Не смотря на ясность и категоричность послѣдовавшаго еще въ 1851 году окончательнаго воспрещенія, не допускающаго никакихъ толкованій, на практикѣ возникло не мало недоразумѣній, потребовавшихъ вмѣшательства высшей власти. „При исполненіи Высочайше утвержденныхъ постановленій относительно измѣненія еврейской одежды—говорится въ сообщеніи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17 сентября 1852 года на имя Новороссійскаго генералъ-губернатора—возникли, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: 1) какъ при перемѣнѣ евреями прежней одежды они перестали носить только поясы и бархатныя шапки, а самый покрой кафтановъ своихъ не перемѣнили, то считать-ли употребленіе прежнихъ кафтановъ безъ пояса и шапокъ дозволеннымъ? 2) Можно ли дозволить евреямъ носить пейсики? 3) Могутъ-ли евреи носить ермолки за установленную плату, а также, отправляясь въ субботы и другіе праздничные дни въ синагоги, имѣютъ-ли право надѣвать на себя талисъ и твилимъ? 4) Можно-ли раввинамъ носить особую еврейскую одежду и на какомъ основаніи, т. е. съ платою или безъ платы? 5) Какому сбору подлежатъ евреи старѣе 60 лѣтъ за употребленіе еврейской одежды и куда входить съ представленіемъ объ обложеніи ихъ онымъ? Вопросы эти я представлялъ на усмотрѣніе комитета объ устройствѣ евреевъ, который въ разрѣшеніе оныхъ положилъ: 1) поручить генералъ-губернаторамъ наблюсти, чтобы всякое различіе въ еврейской одеждѣ съ коренными жителями было уничтожено. 2) Но-

шеніе пейсиковъ строго воспретить. 3) Употребленіе талисовъ, твилимовъ и ермолокъ дозволить только при богомольи въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ, но отнюдь не допускать носить ихъ внѣ синагогъ и молитвенныхъ домовъ. 4) Во вниманіе, что одежда раввиновъ не имѣетъ никакой связи съ религіозными установленіями евреевъ и что примѣръ ихъ можетъ имѣть вліяніе и на прочихъ евреевъ, предписать, чтобы раввины носили одинаковое съ коренными жителями платье. 5) Плату за право носить еврейскую одежду съ евреевъ, коимъ минуло 60 лѣтъ отъ роду, оставить ту же, какая взималась съ нихъ до 1851 года; съ представленіями объ исходатайствованіи каждому лицу сего права и обложеніи за оное сборомъ мѣстныя начальства имѣютъ входить къ генералъ-губернаторамъ. Это положеніе комитета объ устройствѣ евреевъ 19-го минувшаго августа удостоено Высочайшаго утвержденія.

Приведенное положеніе комитета, положившее, какъ полагать надо, конецъ всѣмъ толкамъ и сужденіямъ, сопряженнымъ съ осуществленіемъ новаго закона, ясно показываетъ тѣ мотивы, которые легли въ основаніе окончательнаго воспрещенія ношенія еврейской одежды и которые были вызваны горячимъ желаніемъ правительства способствовать ассимиляціи евреевъ съ русскимъ населеніемъ и устранить „всякое различіе“ между ними и коренными жителями. Любопытно то, что въ то время, какъ въ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ евреи всячески добивались сохраненія прежняго покроя подъ тѣмъ или инымъ видомъ (что, собственно, и вызвало послѣднее разъясненіе комитета) и осаждали высшую администрацію сотнями ходатайствъ въ этомъ направленіи, во всемъ Новороссійскомъ краѣ нашлись только 4 еврея, обнаружившихъ свою приверженность старинѣ. Въ этомъ фактѣ нельзя не усмотрѣть вліянія того культурнаго молодого элемента, который народился въ этомъ краѣ благодаря просвѣтительному воздѣйствію еврейскихъ учебныхъ заведеній, вступившихъ уже къ тому времени въ третье десятилѣтіе своего существованія

и успѣвшихъ въ значительной степени поколебать устои обособленности еврейской массы.

Еврейскія поселенія.

Сравнительно плохой ростъ еврейскихъ колоній, основанныхъ въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ и поглотившихъ огромныя суммы изъ государственной казны, и удачныя попытки нѣкоторыхъ единичныхъ лицъ, устроившихъ по собственной инціативѣ и на ограниченныя свои средства небольшіе хутора и фермы, навели правительство на мысль о принятіи особыхъ поощрительныхъ мѣръ въ отношеніи состоятельныхъ евреевъ, которые рѣшились бы способствовать обращенію своихъ единовѣрцевъ къ земледѣльческому труду. „По дѣламъ министерства государственныхъ имуществъ—говорится въ запискѣ, разосланной графомъ Кисилевымъ 17 сентября 1852 года всѣмъ губернаторамъ въ чертѣ еврейской осѣдлости,—видно, что еврейскія поселенія, устроенныя ихъ единовѣрцами на свой счетъ, какъ, напримѣръ, Раппопортомъ, отличаются болѣе другихъ благоустройствомъ по той причинѣ, что успѣхъ сихъ поселеній связанъ съ личными интересами самихъ учредителей. Государь Императоръ, обративъ на сіе Всемилостивѣйшее вниманіе, Высочайше повелѣть соизволилъ: поставить въ обязанность начальникамъ губерній пригласить значительнѣйшихъ капиталистовъ изъ евреевъ къ учрежденію поселеній изъ ихъ единовѣрцевъ, распространивъ между ними свѣдѣнія о преимуществахъ, которыя по законамъ предоставляются за подобное усердіе возведеніемъ въ почетное гражданство“.

Такого же содержанія записка была прислана графомъ Кисилевымъ Новороссійскому генералъ-губернатору при особомъ письмѣ, въ которомъ подробно перечислены узаконенія о вознаграж-

деніи евреевъ, культивирующихъ хлѣбопашество въ томъ или иномъ видѣ, и которое заканчивается указаніемъ на то, что „превосходство еврейскихъ поселеній, учрежденныхъ на собственный счетъ ихъ единовѣрцевъ и польза государственная къ скорѣйшему обращенію евреевъ къ труду производительному“ обязываетъ министра просить объ оказаніи содѣйствія къ приглашенію евреевъ капиталистовъ „для устройства ихъ единовѣрцевъ въ земледѣльческомъ состояніи“.

О послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи Новороссійскій генералъ-губернаторъ довелъ до свѣдѣнія подвѣдомственныхъ ему губернаторовъ и градоначальниковъ, которые въ свою очередь приняли всевозможныя мѣры къ ознакомленію еврейскаго населенія съ благими намѣреніями правительства, при чемъ нѣкоторые напечатали даже по этому поводу нѣчто въ родѣ воззванія къ евреямъ на столбцахъ губернскихъ вѣдомостей. Что же касается Одессы, то мѣстный градоначальникъ распорядился о широкомъ распространеніи свѣдѣній о еврейскихъ поселеніяхъ среди одесскихъ евреевъ путемъ расклейки объявленій въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ и помѣщенія текста Высочайшаго повелѣнія въ единственной издававшейся тогда въ Одессѣ газетѣ „Одесскій Вѣстникъ“. Достойно вниманія, что въ то время въ Одессѣ было не мало богатыхъ евреевъ, изъ которыхъ, однако, никто не откликнулся на благородный призывъ правительства. Чтобы доставить, впрочемъ, читателямъ образчикъ индиферентнаго отношенія одесскихъ евреевъ-богачей къ духовнымъ интересамъ ихъ бѣдныхъ единовѣрцевъ, мы должны уклониться въ сторону и воспользоваться нѣкоторыми данными изъ хранящагося въ архивѣ Новороссійскаго генералъ-губернатора дѣла о порученіяхъ, исполненныхъ, по указаніямъ высшей администраціи, состоявшимъ въ должности ученаго еврея Маркусомъ Гуровичемъ.

Дѣло въ томъ, что почти одновременно съ обнародованіемъ Высочайшей воли относительно учрежденія еврейскихъ поселеній были также приняты графомъ Кисилевымъ мѣры къ насажденію

среди евреевъ агрономическихъ знаній. По этому поводу мы находимъ въ № 45 „Одесскаго Вѣстника" за 1852 годъ слѣдующее характерное объявленіе одесской городской думы: „Объявляется всѣмъ проживающимъ въ Одессѣ купцамъ и мѣщанамъ евреямъ, что г. одесскій градоначальникъ предписаніемъ отъ 15 марта за № 5673 изволилъ дать знать думѣ о предложеніи, данномъ его превосходительству г. и. д. новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора за № 1899, гдѣ изъяснено, что какъ министру государственныхъ имуществъ подвѣдомственныя заведенія, находящіяся въ разныхъ губерніяхъ, имѣющія главной цѣлью приготовленіе опытныхъ и свѣдущихъ садовниковъ, въ каковыхъ заведеніяхъ сверхъ садоводства преподаются также теоретически и практически огородничество, пчеловодство и шелководство, гдѣ по отрасли хозяйства по мѣстнымъ обстоятельствамъ могутъ существовать, то г. министръ государственныхъ имуществъ, имѣя въ виду, что хорошихъ садовниковъ у насъ еще весьма мало и что ремесло это соединено съ большими выгодами, и заботясь объ умноженіи числа свѣдущихъ въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства лицъ, находитъ, что было бы полезно отдавать въ садовыя заведенія евреевъ, изъ которыхъ, при смышленности ихъ, могутъ выходить весьма хорошіе садовники. А для приведенія въ исполненіе этого предложенія генералъ-лейтенантъ Ѳедоровъ предлагаетъ: пригласить одесское еврейское общество отдавать пансіонеровъ въ садовыя заведенія съ установленной за содержаніе ихъ платою отъ родственниковъ или отъ общества. Почему желающіе изъ евреевъ отдавать своихъ дѣтей въ это общественное заведеніе благоволятъ обращаться за нужными для того свѣдѣніями въ одесскую градскую думу". Объявленіе это прошло, однако, безслѣдно, и садовыя заведенія въ Одессѣ и Екатеринославѣ не привлекли даже десятка еврейскихъ питомцевъ, хотя плата не превышала 60 рублей въ годъ. Такое игнорированіе предложенія графа Кисилева заставило ученаго еврея Гуровича внести своему непосредственному начальству проектъ объ

откомандированіи еврейскихъ солдатъ въ садовыя заведенія для пріобрѣтенія элементарныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній. „Евреи,—пишетъ Гуровичъ въ своей запискѣ по данному вопросу,—будучи русскими подданными, выполняютъ дачу рекрутъ наравнѣ съ прочими. Но какъ между ними дозволенъ пріемъ молодыхъ, каковые, по извѣстной правительству смышленности ихъ, могутъ при обученіи ихъ хозяйственнымъ упражненіямъ оказать значительную пользу, то можно было бы, въ видѣ опыта, изъ числа таковыхъ молодыхъ рекрутъ назначить нѣкоторое количество прямо къ изученію садовыхъ и хозяйственныхъ упражненій съ тѣмъ, что во время службы своей они могутъ быть полезными въ ней при казенныхъ заведеніяхъ, а при отставкѣ они принесутъ значительную пользу и для себя и для заведеній частныхъ“. Проектъ этотъ остался, конечно, нетронутымъ среди массы другихъ подобныхъ предложеній, благихъ по своей цѣли, но неудобоосуществимыхъ по множеству затрудненій формальнаго свойства. Тѣмъ не менѣе, уже одна мысль о томъ, чтобы еврейскій юноша открылъ себѣ путемъ рекрутчины доступъ въ садовыя заведенія, рисуетъ какъ нельзя рельефнѣе леденящее равнодушіе богатаго класса евреевъ, какъ представителя интересовъ массы.

Но возвратимся къ поселеніямъ, въ отношеніи которыхъ еврейскіе богачи проявили также самое печальное безразличіе. Какъ мы уже упомянули, еврейское населеніе во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ было достаточно оповѣщено о видахъ и намѣреніяхъ правительства. Но отъ подавляющаго большинства еврейскихъ общинъ сейчасъ-же послѣдовали категорическіе отказы, замаскированные большей частью указаніемъ на отсутствіе необходимыхъ средствъ. Первымъ поспѣшилъ доставить свой отзывъ таврическій губернаторъ, извѣстившій, что изъ собранныхъ по этому предмету свѣдѣній оказалось, „что въ таврической губерніи нѣтъ такихъ капиталистовъ изъ евреевъ, которые бы могли на собственный счетъ учредить поселеніе изъ ихъ единовѣрцевъ, что вообще здѣсь евреевъ немного, и тѣхъ большая часть людей бѣд-

ныхъ, занимающихся или ремеслами или мелкой промышленностью. Въ херсонской губерніи дѣло также шло сначала очень вяло. Изъ сгруппированныхъ въ рапортѣ херсонскаго губернскаго правленія отъ 8 іюля 1854 года на имя Новороссійскаго генералъ-губернатора свѣдѣній, видно, что въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ обращеніе начальства къ евреямъ осталось безъ всякихъ результатовъ. Такъ бобринскій городничій доноситъ, что онъ „объявилъ капиталистамъ евреямъ города Бобринца о милостяхъ правительства за поселеніе на своихъ земляхъ единовѣрцевъ согласно Высочайшему повелѣнію къ земледѣльческому ихъ занятію и принялъ всевозможныя мѣры къ обращенію евреевъ въ хлѣбопашцевъ“, но труды его успѣхомъ не увѣнчались. Въ такой же мѣрѣ оказалось безплоднымъ воздѣйствіе очаковскаго городничаго, объясняющаго неудачу свою тѣмъ, что „въ Очаковѣ значительныхъ капиталистовъ изъ евреевъ къ учрежденію поселеній изъ ихъ единовѣрцевъ не имѣется“. Григоріопольскій полиціймейстеръ донесъ, что въ его вѣдѣніи не оказалось никакихъ капиталистовъ, „которые бы могли содѣйствовать видамъ правительства къ поселенію евреевъ на земляхъ казенныхъ, владѣльческихъ или собственныхъ“. Однородныя сообщенія поступили также отъ овидіопольскаго городового пристава, представителей земской полиціи по одесскому и еще нѣкоторымъ уѣздамъ херсонской губерніи и полиціймейстеровъ городовъ Берислава и Александріи. Въ совершенно мрачныхъ краскахъ рисуетъ свои попытки херсонская городская полиція, очевидно, дѣйствовавшая болѣе активно и „приглашавшая значительнѣйшихъ капиталистовъ херсонскихъ купцовъ еврейскаго сословія къ учрежденію поселеній изъ своихъ единовѣрцевъ на свой счетъ, но никто изъ нихъ желанія не изъявилъ“. Изъ рапорта ананьевскаго земскаго исправника видно, что „послѣ распоряженія о приглашеніи значительныхъ капиталистовъ изъ евреевъ къ учрежденію поселеній изъ своихъ единовѣрцевъ“ житель города Ананьева—измаильскій мѣщанинъ Нухимъ Чернецкій принялся добровольно приглашать своихъ единовѣрцевъ для по-

селенія на казенной землѣ, состоящей въ ананьевскомъ уѣздѣ, подъ названіемъ „Гайдамацкая". Переписка свидѣтельствуетъ, впрочемъ, о томъ, что починъ Чернецкаго не остался безъ подражанія и что скоро къ инициативѣ послѣдняго присоединился также переяславскій 3-й гильдіи купецъ Вульфъ Мерпертъ. Въ дѣлѣ сохранились подробно мотивированныя прошенія Мерперта и Чернецкаго, изъ которыхъ первый представилъ условіе, заключенное имъ съ 54 семействами евреевъ подольской и могилевской губерній о поселеніи ихъ на пріобрѣтенной имъ землѣ, состоящей въ тираспольскомъ уѣздѣ подъ названіемъ Балашева, „въ званіи земледѣльцевъ на собственный Мерперта счетъ", а второй ходатайствовалъ о поселеніи приглашенныхъ имъ единовѣрцевъ разныхъ губерній числомъ 139 семействъ на казенной землѣ, состоящей въ ананьевскомъ уѣздѣ подъ названіемъ Гайдамацкаго участка, нѣкоторыхъ, неимѣющихъ средствъ, на счетъ его, Чернецкаго, а нѣкоторыхъ на собственный ихъ счетъ. Херсонское губернское правленіе, разсмотрѣвъ представленное Мерпертомъ условіе, заключенное съ евреями, поселяющимися на его землѣ, и найдя его составленнымъ соотвѣтственно положенію о евреяхъ земледѣльцахъ, а также „удостовѣрясь въ свободности казеннаго Гайдамацкаго участка, на которомъ Чернецкій ходатайствуетъ поселить своихъ единовѣрцевъ, собирало требуемыя 27 ст. Инструкціи о поселеніи евреевъ на земляхъ казенныхъ, владѣльческихъ и собственныхъ свѣдѣнія, по коимъ нашло, что изъ числа евреевъ, поселяющихся на землѣ Мерперта, могутъ быть причисляемы въ званіи земледѣльцевъ 47 семействъ, а изъ числа евреевъ, поселяющихся по приглашенію Чернецкаго на Гайдамацкомъ участкѣ, могутъ быть зачислены въ земледѣльцы 92 семейства". Объ этомъ были поставлены въ извѣстность просители, отъ которыхъ мѣстныя власти отобрали подписки относительно приготовленія жилищъ для поселенцевъ, а затѣмъ губернское правленіе, препроводивъ въ херсонскую казенную палату составленные по копіямъ ревизскихъ сказокъ посемейные списки будущихъ земледѣльцевъ, сообщило о

причисленіи послѣднихъ въ земледѣльческое званіе съ распространеніемъ на нихъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ имъ закономъ.

Какъ водится, не обошлось и тутъ безъ интригъ и козней со стороны тѣхъ евреевъ. которые, относясь враждебно и подозрительно ко всякаго рода новшествамъ, оказались также принципіальными противниками распространенія земледѣльческаго труда среди ихъ единовѣрцевъ. Эти противники не высказывали, конечно, прямо и откровенно своихъ мнѣній и убѣжденій, а старались дѣйствовать косвеннымъ образомъ, нападая только на *лицъ*, но стремясь въ то же время къ тому, чтобы повредить самому *дѣлу*. Среди архивныхъ данныхъ о еврейскихъ поселеніяхъ мы находимъ любопытную переписку о докладной запискѣ, поданной Новороссійскому генералъ-губернатору ананьевскимъ купеческимъ сыномъ Мошкою Докторовичемъ на допускаемыя будто Нухимомъ Чернецкимъ злоупотребленія при водвореніи евреевъ на Гайдамацкомъ участкѣ, выражающіяся въ вымогательствахъ и грубомъ произволѣ. Нечего говорить, что произведеннымъ разслѣдованіемъ обвиненія Докторовича не подтвердились, и высшая администрація сразу догадалась, что тутъ вся суть въ устраненіи единственнаго лица, взявшагося энергично за несимпатичное нѣкоторымъ евреямъ дѣло. „Записка Докторовича—говорится въ донесеніи херсонскаго губернскаго правленія отъ 8 іюля 1853 года—о томъ, что Чернецкій употребляетъ во зло данное ему дозволеніе селить на Гайдамацкомъ участкѣ евреевъ, требуя отъ нихъ по своему произволу деньги на водвореніе, кромѣ своей неосновательности, оказывается совершенно несправедливой, ибо не только не поступале на Чернецкаго никакихъ жалобъ отъ евреевъ, изъявившихъ согласіе поступить въ земледѣльцы, но, напротивъ, видна должная съ его стороны забота и стараніе къ исполненію принятой имъ на себя по сему предмету обязанности, а потому губернское правленіе, оставивъ безъ вниманія означенную жалобу Докторовича, вмѣстѣ съ симъ предписало херсонскому земскому суду объявить

ему за подпискою, чтобы „онъ не дозволялъ себѣ на будущее время обременять правительство подобными неосновательными жалобами подъ отвѣтственностью за противное по закону".

На этой перепискѣ заканчиваются всѣ свѣдѣнія о первыхъ двухъ еврейскихъ поселеніяхъ въ Новороссійскомъ краѣ, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ частной иниціативѣ. Какъ долго существовали эти поселенія и какая участь ихъ постигла—неизвѣстно. Можно лишь съ увѣренностью сказать, что въ настоящее время память объ этихъ учрежденіяхъ принадлежитъ уже къ области основательно забытаго прошлаго.

Духовная жизнь евреевъ.

Желаніе провѣрить на дѣлѣ результаты правительственныхъ мѣропріятій, выразившихся въ появлявшемся, начиная съ 1835 года, цѣломъ рядѣ узаконеній, сгруппированныхъ въ разныхъ положеніяхъ, имѣющихъ своей цѣлью урегулированіе духовной жизни евреевъ, побудило въ 1854 году исправлявшаго должность новороссійскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Анненкова 2-го возложить на состоявшаго при немъ ученаго еврея Маркуса Гуровича порученіе—объѣзжать всѣ населенные евреями города херсонской, екатеринославской и таврической губерній, а также таганрогскаго градоначальства для подробнаго ознакомленія со всѣми сторонами внутренней жизни еврейскихъ общинъ и тщательнаго обозрѣнія синагогъ, молитвенныхъ домовъ, учебныхъ заведеній и всѣхъ прочихъ спеціально еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій. Высшей администраціи необходимо было знать, какъ привились de facto начертанія, имѣвшія de jure огромное значеніе, какіе плоды принесли двадцатилѣтнія заботы правительства, направленныя къ упорядоченію быта евреевъ, къ насажденію среди нихъ общихъ понятій о гражданственности. Такую же задачу пре-

слѣдовалъ также въ 1856 году графъ А. Г. Строгановъ, по порученію котораго тотъ-же Гуровичъ предпринялъ второй объѣздъ посѣщенныхъ имъ раньше мѣстностей. И Гуровичъ исполнилъ свои обязанности какъ нельзя лучше, доставивъ своему непосредственному начальству достовѣрныя, хотя самыя неутѣшительныя свѣдѣнія о положеніи евреевъ въ новороссійскомъ краѣ. Отчеты его объ обѣихъ командировкахъ представляютъ собою огромный фоліантъ, и каждая строка въ нихъ дышетъ правдою и искренностью, свидѣтельствуетъ о строгой корректности и безпристрастіи.

Первое, что рѣзко бросается въ глаза въ запискахъ Гуровича, это отмѣчаемая имъ вездѣ пропасть между закономъ и жизнью, между словомъ и дѣломъ. Правда, двадцать лѣтъ—не особенно большой срокъ для приведенія въ дѣйствіе реформъ, связанныхъ съ радикальной ломкой стараго уклада, съ культивированіемъ новыхъ воззрѣній. Но по фактамъ, сообщаемымъ Гуровичемъ и носящимъ какой то странный стереотипный характеръ, такъ какъ почти въ каждомъ городѣ ему приходится констатировать однородныя печальныя явленія, можно судить, что для еврейской массы двѣ земскія давности протекли совершенно безслѣдно, что лучи прогресса не успѣли еще проникнуть въ ея тѣсный и заколдованный кругъ, что эта несчастная масса никакъ не хотѣла считаться съ дѣйствительностью, съ неумолимыми требованіями времени, продолжая барахтаться и все глубже вязнуть въ тинѣ предразсудковъ. Такъ, напримѣръ, законъ требовалъ, чтобы во главѣ каждой общины стоялъ утвержденный правительствомъ раввинъ, какъ лицо, компетентное въ разрѣшеніи религіозныхъ вопросовъ и, главное, „въ направленіи евреевъ къ соблюденію нравственныхъ обязанностей, къ повиновенію общимъ государственнымъ законамъ и установленнымъ властямъ“, чтобы синагоги и молитвенные дома, учреждаемые не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго начальства, по правиламъ устава строительнаго, находились подъ вѣдѣніемъ духовныхъ правленій и подъ контролемъ надлежащей власти, чтобы зданія, предназначаемыя для богослуженія,

не превращались въ мѣста для частныхъ собраній или даже въ жилыя помѣщенія, чтобы, наконецъ, во всѣхъ учрежденіяхъ велась правильная отчетность и при томъ на обязательномъ для всѣхъ русскихъ граждан̆ъ отечественномъ языкѣ. И какую же мрачную картину рисуетъ намъ Гуровичъ въ своихъ запискахъ! Въ Херсонѣ изъ 8 осмотрѣнныхъ имъ молитвенныхъ домовъ только одна новая синагога оказалась болѣе или менѣе соотвѣтствующей своему назначенію; въ остальныхъ же царствуютъ безпорядокъ и произволъ, нѣтъ членовъ правленія, нѣтъ книгъ для записки не только добровольныхъ пожертвованій прихожанъ, но даже для отмѣтки способовъ израсходованія суммъ, ассигнуемыхъ изъ коробочнаго сбора. Гуровичъ натолкнулся также въ Херсонѣ на два молитвенныхъ дома, изъ коихъ одинъ гостепріимно пріютилъ въ своихъ стѣнахъ какого-то меламеда съ двумя десятками питомцевъ его и портного съ цѣлой ватагой рабочихъ, а въ другомъ жилъ самъ домовладѣлецъ, тутъ же устроившій кабакъ. Нечего говорить, что о существованіи подобныхъ учрежденій не знали ни дума, ни полиція. Характерно то, что разсмотрѣвъ бюджетъ всѣхъ 5 молитвенныхъ домовъ, (два были признаны подлежащими безотлагательному закрытію) Гуровичъ нашелъ отпускаемое имъ пособіе изъ суммъ коробочнаго сбора совершенно излишнимъ, и когда, по его представленію, всякія выдачи были прекращены, то обстоятельство это ни въ малѣйшемъ не отразилось на дальнѣйшемъ ихъ существованіи. Одна лишь талмудъ-тора, какъ низшая школа для бѣдныхъ дѣтей, поддерживаемая частными благотворителями, произвела на Гуровича выгодное впечатлѣніе, хотя и тамъ, какъ и въ больницѣ, пользовавшейся крупными пожертвованіями со стороны купца Фекера, отчетность, веденная на еврейскомъ языкѣ, далеко не отличалась правильностью и аккуратностью. Чтобы судить объ особенностяхъ подобной отчетности, достаточно указать слѣдующій любопытный фактъ, выяснившійся благодаря ревизіи Гуровича и впослѣдствіи оффиціально подтвержденный херсонскимъ губернаторомъ Клушинымъ въ рапортѣ его

на имя генералъ-адъютанта Коцебу отъ 17 августа 1862 года. Дѣло въ томъ, что Гуровичъ, познакомившись съ цифровыми данными, заключающимися въ составлявшихся на еврейскомъ языкѣ отчетахъ больницы, былъ пораженъ тѣмъ, что, съ одной стороны, больничное зданіе признавалось сооруженнымъ на личныя средства Фекера и принесеннымъ въ даръ херсонскому еврейскому обществу, а съ другой—тотъ же жертвователь продолжалъ считаться собственникомъ зданія, и изъ суммъ коробочнаго сбора ему ежегодно отпускалась наемная плата въ размѣрѣ 600 руб. Безкорыстіе Фекера оказалось, конечно, внѣ всякаго сомнѣнія, ибо, какъ выяснилось изъ рапорта губернатора, онъ удерживалъ за собою право собственности на построенную имъ больницу съ единственной цѣлью усилить доходы послѣдней и жертвовать въ ея пользу получавшіяся имъ арендныя деньги. Такая фикція, однакожъ, была въ принципѣ нежелательна съ точки зрѣнія контроля, и Гуровичъ, усердно ходатайствовавшій о награжденіи Фекера по заслугамъ, тѣмъ не менѣе, не переставалъ въ теченіи десяти лѣтъ добиваться фактическаго перечисленія зданія за обществомъ, для того, чтобы нежелательной игрѣ съ приходо-расходомъ былъ положенъ конецъ.

Въ такомъ же безотрадномъ положеніи былъ найденъ Гуровичемъ и раввинатъ. Во всѣхъ городахъ, за исключеніемъ Таганрога и Маріуполя, гдѣ еврейское населеніе обходилось совершенно безъ духовныхъ пастырей, существовали на ряду съ утвержденными правительствомъ раввинами частныя лица, фактически исполнявшія раввинскія функціи и исключительно управлявшія всѣми дѣлами общинъ. Часто эти раввины-самозванцы, пользуясь своимъ вліяніемъ на массу, захватывали въ свои руки и веденіе метрическихъ книгъ, обезпечивая себѣ на выборахъ подавляющее большинство избирателей и беззастѣнчиво выступая кандидатами, не смотря на отсутствіе всякаго образовательнаго и нравственнаго ценза. Такого раввина, успѣвшаго уже прослужить цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, Гуровичъ и встрѣтилъ въ Ростовѣ на Дону и

счелъ долгомъ своимъ сейчасъ же возбудить ходатайство объ устраненіи его отъ должности, которую тотъ узурпировалъ помощью подкупа избирателей. „Безпорядокъ здѣсь—замѣчаетъ Гуровичъ по этому поводу—происходитъ отъ раввина, который соединяетъ въ себѣ разныя занятія, несвойственныя его званію, и, имѣя капиталъ, употребляетъ часть онаго при каждомъ наступающемъ выборѣ для раздачи между бѣдными членами общества, и такимъ образомъ, хотя лучшіе и благомыслящіе евреи желали бы имѣть соотвѣтствующаго нынѣшнему духу времени раввина, они однако, не въ состояніи добиться этого по той причинѣ, что ихъ голоса меньше подкупленныхъ раввиномъ. Такое же явленіе Гуровичъ констатировалъ въ 1856 году въ городѣ Александріи. „Здѣсь въ теченіи двадцати лѣтъ—пишетъ Гуровичъ—находился раввинъ, который, хотя былъ безъ европейскаго образованія, но пользовался уваженіемъ общества за знаніе талмудическихъ правилъ и честный образъ жизни. Даже и теперь евреи обращаются къ нему за совѣтами въ дѣлахъ религіи. Но такъ какъ онъ не взялъ на себя обязанности по веденію метрическихъ книгъ, то на его мѣсто Ратуша, вслѣдствіе покровительства нѣкоторыхъ богатыхъ евреевъ, назначила раввиномъ человѣка, нисколько несоотвѣтствующаго сей важной должности и даже незнающаго въ точности еврейскаго языка. Впослѣдствіи времени сама Ратуша замѣтила, что предложенный ей кандидатъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію и допускаетъ отступленіе въ веденіи метрическихъ книгъ, вслѣдствіе чего объ этомъ было представлено губернскому правленію, отъ котораго испрашивается разрѣшеніе, можетъ ли онъ оставаться въ должности раввина. По моему мнѣнію, было бы совершенно справедливо и полезно немедленно устранить его, какъ неимѣющаго надлежащихъ свѣдѣній въ религіи и поддерживаемаго только вліяніемъ нѣкоторыхъ богатыхъ евреевъ".

Въ запискѣ Гуровича мы находимъ также интересныя свѣдѣнія о цадикизмѣ, служившемъ полвѣка тому назадъ во всѣхъ городахъ, населенныхъ евреями, не исключая даже крупныхъ цент-

ровъ, оплотомъ мракобѣсія и вызвавшемъ въ свое время репрессивныя мѣры со стороны правительства противъ странствовавшихъ по градамъ и весямъ черты осѣдлости святошъ, которымъ, какъ извѣстно, до 1898 года было воспрещено выѣзжать изъ своего мѣстожительства. Къ лишенію цадиковъ свободы передвиженія власти должны были прибѣгнуть съ цѣлью парализованія ихъ могучей и растлѣвающей силы и устраненія безжалостнаго обирательства, отражавшагося крайне неблагопріятно на благосостояніи невѣжественной массы. Въ Дубоссарахъ и Тираспольѣ, описанію которыхъ Гуровичъ посвятилъ цѣлую главу и которые рисуются имъ какъ города, достаточно населенные евреями, находящимися „хотя относительно средствъ къ жизни въ хорошемъ положеніи, но при всемъ томъ нисколько не заботяшимися объ улучшеніи и благоустройствѣ своихъ религіозныхъ учрежденій“, цадикизмъ и пустилъ глубокіе корни. „Туда часто пріѣзжали такъ называемые цадики, внушающіе массѣ самыя уродливыя понятія о жизни и ея назначеніи“. Въ Тираспольѣ Гуровичъ имѣлъ полную возможность наблюдать, какими горячими симпатіями цадики пользуются среди еврейскаго населенія, какія восторженныя оваціи выпадаютъ на ихъ долю, какъ набожные евреи стекаются къ нимъ со всѣхъ сторонъ, испрашивая благословенія и щедро оплачивая минутное расположеніе чудотворца и сопровождающей его свиты. Два или три раза въ годъ посѣщаетъ цадикъ облюбованное мѣсто, и какая бы бѣдность ни царила среди тамошнихъ евреевъ—онъ все таки вывозитъ нѣсколько тысячъ изъ самаго заброшеннаго угла. „Въ бытность мою—пишетъ Гуровичъ—для обозрѣнія синагогъ въ Тираспольѣ, пріѣхалъ туда цадикъ къ одному богатому еврею, по случаю обрѣзанія новорожденнаго мальчика. Нужно было видѣть общее стремленіе евреевъ къ дверямъ дома, въ которомъ жилъ цадикъ. Всѣ занятія пріостановились на время его пріѣзда. Невозможно описать всего вреда, какой причиняютъ цадики евреямъ въ гражданственномъ отношеніи. Родители, стремящіеся къ нимъ за благословеніемъ, на нѣсколько дней отвлекаются отъ дѣлъ

семейныхъ, сыновья ихъ пріучаются съ малолѣтства не цѣнить знанія и образованія, которыя, по словамъ цадика, не подобаютъ истинному еврею. Что же касается до образованія дочерей, то это считается излишнимъ потому, что цадикъ, благословляя отца, обѣщаетъ его дочерямъ богатыхъ жениховъ, которыхъ Богъ пошлетъ съ неба безъ всякихъ о томъ заботъ".

Всѣ эти печальные факты не разочаровывали, однако, Гуровича, а заставляли его только во многихъ мѣстахъ своей записки еще съ большей энергіей поддерживать мысль о пользѣ просвѣщенія, какъ лучшаго средства для борьбы съ тьмою и благотворнаго проводника новыхъ началъ въ затхлую атмосферу тогдашняго еврейства. «Наше попечительное правительство приняло самыя дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы распространить образованіе между евреями, искоренить господствующіе между ними предразсудки и слить въ образѣ жизни съ господствующимъ населеніемъ имперіи. Мѣры эти, безъ сомнѣнія, принесутъ въ будущемъ желанные плоды. Въ настоящее-же время, для содѣйствія благодѣтельнымъ видамъ правительства относительно евреевъ, необходимо обратить особое вниманіе на образованіе молодого поколѣнія и приведеніе въ должный порядокъ религіозныхъ учрежденій». Останавливаясь подробно на безусловно вредномъ вліяніи меламедовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточено элементарное обученіе еврейскаго юношества, Гуровичъ касается также полнаго незнакомства евреевъ съ отечественнымъ языкомъ и проектируетъ цѣлый рядъ ограниченій для еврейско-нѣмецкаго жаргона, настаивая, главнымъ образомъ, на запрещеніи печатанія книгъ на этомъ жаргонѣ. «Относительно религіозныхъ учрежденій евреевъ,—говоритъ далѣе Гуровичъ,— могу утвердительно сказать, что они почти вездѣ находятся въ безпорядкѣ, въ неприличномъ для священнаго мѣста видѣ, а потому при настоящемъ положеніи своемъ не могутъ имѣть благотворнаго вліянія на нравственное развитіе молодого поколѣнія. Это во многомъ происходитъ отъ раввиновъ, несоотвѣтствующихъ своему назначенію». И. Гуровичъ предлагаетъ обратить вниманіе

на замѣщеніе мѣстъ раввиновъ людьми образованными, въ лицѣ которыхъ евреи пріобрѣли-бы просвѣщенныхъ законоучителей, добросовѣстныхъ наставниковъ и убѣжденныхъ проповѣдниковъ. Переходя къ вопросу объ улучшеніи формъ богослуженія въ синагогахъ, Гуровичъ замѣчаетъ, что улучшенія эти должны состоять преимущественно въ уничтоженіи нѣкоторыхъ старинныхъ обычаевъ, «не соотвѣтствующихъ духу времени и даже совершенно неприличныхъ». Къ такимъ обычаямъ, на которые жалуются и образованные евреи и которые сдѣлались какъ бы принадлежностью еврейскаго богослуженія, Гуровичъ относитъ царящіе въ молельняхъ шумъ и гамъ, раскачиванія и тѣлодвиженія молящихся, неумѣстный экстазъ и безсмысленныя выкрикиванія, полное отсутствіе благоговѣнія и сосредоточенности, частое появленіе у амвона неспособныхъ канторовъ и, наконецъ, употребленіе какихъ-то своеобразныхъ напѣвовъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго національнаго колорита и идущихъ, поэтому, въ разрѣзъ съ текстомъ молитвъ и весьма мало способствующихъ упроченію молитвеннаго настроенія.

Въ заключительной части своей записки Гуровичъ посвящаетъ также не мало мѣста и вопросу объ упорядоченіи взимаемаго съ евреевъ за употребленіе кошерной говядины коробочнаго сбора. Выступая принципіальнымъ противникомъ тягостнаго налога на продуктъ первой необходимости, Гуровичъ указываетъ разныя злоупотребленія при распредѣленіи суммъ коробочнаго сбора, предназначенныхъ на содержаніе еврейскихъ религіозныхъ и благотворительныхъ учрежденій и, между прочимъ, на уплату податей за дряхлыхъ и убогихъ евреевъ. Кромѣ того Гуровичъ, основываясь на безчисленныхъ фактахъ, обнаруженныхъ имъ во время своихъ командировокъ, доказываетъ, что въ большинствѣ случаевъ учрежденія, получающія пособія изъ суммъ коробочнаго сбора, находятся въ упадкѣ только потому, что еврейское населеніе относится безъ должнаго сознанія къ источнику выдаваемыхъ ему пособій, упуская изъ виду, что тутъ рѣчь идетъ о налогѣ, вносимомъ самымъ бѣднымъ классомъ, и наивно полагая, что «казен-

ной копейкой» можно распоряжаться произвольно и пользоваться ею даже не на общественныя надобности. Этимъ своеобразнымъ взглядомъ на значеніе и характеръ коробочнаго сбора Гуровичъ и объясняетъ то, что всѣ осмотрѣнныя имъ учрежденія, несмотря на достаточность и даже обиліе средствъ, получали пособія изъ смѣтныхъ назначеній. Характерно то, что размѣры пособія тутъ даже роли не играли, какъ будто вся суть заключалась въ томъ, чтобы хоть кое-чѣмъ воспользоваться... Въ м. Никополѣ, напримѣръ, мѣстный молитвенный домъ получалъ ежегодно субсидію въ *одинъ* рубль! Проектируя, поэтому, безусловное уничтоженіе коробочнаго и свѣчнаго сборовъ, Гуровичъ, съ своей стороны, ходатайствуетъ о введеніи для еврейскихъ общинъ особаго вспомогательнаго сбора, который вносился бы болѣе состоятельными классами и находился въ непосредственномъ завѣдываніи избираемыхъ евреями представителей. Исходной точкой этого ходатайства является то соображеніе, что только одно участіе плательщиковъ въ распредѣленіи падающаго на нихъ налога и опредѣленіи способовъ его израсходованія можетъ повести къ тому, чтобы пособія назначались учрежденіямъ, дѣйствительно въ нихъ нуждающимся.

Какъ извѣстно, коробочный сборъ и въ настоящее время не пользуется почти никакими симпатіями среди евреевъ, мечтающихъ о замѣнѣ его другимъ соотвѣтствующимъ налогомъ, и въ этомъ отношеніи предложеніе Гуровича, появившееся пятьдесять лѣтъ тому назадъ, пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Еврейскія колоніи.

Въ маршрутъ двухъ поѣздокъ ученаго еврея Маркуса Гуровича, относящихся къ 1854 и 1856 годамъ, вошли также, какъ мы уже упомянули, еврейскія колоніи херсонской и екате-

ринославской губерній. Хотя кругъ дѣйствій Гуровича былъ ограниченъ только обозрѣніемъ учебныхъ, религіозныхъ и благотворительныхъ учрежденій колоній, тѣмъ не менѣе записки его даютъ точное понятіе и объ экономическомъ положеніи евреевъ-земледѣльцевъ, и съ этой точки зрѣнія сообщаемыя имъ свѣдѣнія, кстати сказать, строго провѣренныя и основанныя на личныхъ наблюденіяхъ, являются весьма интересными. Какъ высоко, впрочемъ, цѣнили эти свѣдѣнія власти, близко стоявшія къ еврейскимъ колоніямъ, и какое значеніе придавалось ими результатамъ командировокъ Гуровича—объ этомъ свидѣтельствуетъ весьма лестный отзывъ предсѣдательствующаго въ попечительномъ комитетѣ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи отъ 4-го августа 1856 года на имя графа А. Г. Строганова, „Попечитель еврейскихъ поселеній херсонской губерніи,—говорится въ этомъ отзывѣ,—донося о проѣздѣ черезъ еврейскія колоніи состоящаго при вашемъ сіятельствѣ для исполненія порученій по дѣламъ еврейскаго закона г. Гуровича, указываетъ на пользу отъ пребыванія г. Гуровича посреди еврейскаго земледѣльческаго населенія тѣмъ, что г. Гуровичъ убѣдительно представлялъ евреямъ-поселенцамъ выгоды занятія сельскимъ хозяйствомъ, внушалъ беспрекословное повиновеніе властямъ, надъ ними поставленнымъ, пояснялъ ихъ отношенія къ обществу, къ окружающимъ ихъ, къ дѣтямъ и т. п., однимъ словомъ, не упустилъ ни одного важнаго предмета, по которому бы не далъ умѣстнаго совѣта и наставленія. Пріятной обязанностью считаю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства о благопріятномъ для г. Гуровича отзывѣ мѣстнаго колоніальнаго начальства и вмѣстѣ съ тѣмъ доложить, что еслибъ чаще посѣщали еврейскія колоніи люди, подобные г. Гуровичу, съ тѣмъ правильнымъ взглядомъ и яснымъ пониманіемъ предначертаній правительства, то евреи-земледѣльцы лучше-бы постигали цѣль своего поселенія и сами болѣе-бы стремились къ достиженію оной, ибо увѣщанія и наставленія должностныхъ лицъ-иновѣрцевъ никогда не могутъ имѣть той силы и того благодѣтельнаго на евреевъ влія-

нія, какъ слова тѣхъ, которые исповѣдуютъ одну съ ними вѣру и сами принадлежатъ къ семьѣ іудейскаго народа“. Такая аттестація пріемовъ Гуровича и отношеній его къ возложеннымъ на него обязанностямъ—даетъ намъ полное основаніе считать высказываемыя въ запискахъ его сужденія компетентными и обоснованными, а констатируемые имъ факты безусловно вѣрными и соотвѣтствующими дѣйствительности.

Дѣйствительность эта оказалась, однако, довольно безотрадной, и обѣ записки Гуровича отличаются пессимистической окраской, не чуждой, конечно, искренности и доброжелательства, а также желанія тутъ-же указывать какъ причины, парализовавшія правильное развитіе еврейскихъ колоній, такъ и средства для борьбы съ печально сложившимися соціальными и историческими условіями. Болѣе выгодное впечатлѣніе произвели на Гуровича еврейскія колоніи екатеринославской губерніи, въ которыхъ въ 1854 году числилось 11.000 душъ обоего пола. Правда, Гуровичъ и тутъ не отрицаетъ, что старики не успѣли еще въ теченіи восьми лѣтъ освоиться съ новымъ своимъ положеніемъ и стать заправскими пахарями, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что ему пріятно было убѣдиться въ томъ, какъ евреи, недавно еще находившіеся въ крайне бѣдственномъ положеніи, „нынѣ, благодаря правительству, имѣютъ свои дома, скотъ, обработанное поле, отъ котораго получаютъ не только пропитаніе для себя и своихъ семействъ, но еще и для продажи, и, такимъ образомъ, нѣкоторыя семейства находятся даже въ состояніи изобилія, и съ тѣмъ вмѣстѣ евреи черезъ занятіе земледѣліемъ, по мѣрѣ умноженія ревности, произведутъ элементы, упрочивающіе гражданственность“. Возлагая всѣ надежды на подростающее поколѣніе, Гуровичъ съ радостью описываетъ, какъ онъ присутствовалъ при снятіи хлѣба молодыми евреями-земледѣльцами въ колоніи Трудолюбовкѣ, когда въ полевыхъ работахъ участвовали и женщины, возвращавшіяся къ вечеру домой съ дружными пѣснями, словно настоящія крестьянки. Но за то ему пришлось въ 1856 году наблюдать въ хер-

сонской губерніи совершенно другія картины, заставившія его сразу задуматься надъ плохимъ ростомъ еврейскихъ колоній. Нѣкоторыя изъ осмотрѣнныхъ Гуровичемъ колоній были основаны еще въ 1809 году, и въ каждой изъ нихъ поселилось до 180 семействъ. „Къ сожалѣнію,—пишетъ Гуровичъ,—многолюдство колоній нисколько не показываетъ ихъ цвѣтущаго положенія; напротивъ того, многолюдныя колоніи находятся въ худшемъ состояніи, нежели слабонаселенныя. Причиной этого служитъ то обстоятельство, что колоніи большей частью населялись неодновременно, а постепенно. Такъ, напримѣръ, въ колоніи Ефингаръ, существующей съ 1808 года, въ которой теперь находится 100 семействъ и болѣе 900 душъ обоего пола, имѣются переселенцы 1808, 1822 и 1840 годовъ. Вообще новые переселенцы, не имѣя еще понятія о земледѣліи, не приносятъ колоніямъ никакой существенной пользы, а только отвлекаютъ своимъ вліяніемъ прежнихъ колонистовъ отъ земледѣльческаго труда. Такимъ образомъ, какъ только евреи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ большимъ трудомъ начинаютъ привыкать къ сельскимъ занятіямъ, являются въ колоніяхъ новые переселенцы, которые только носятъ званіе колонистовъ для пользованія предоставленными закономъ послѣднимъ льготами, собственно-же занимаются торговыми спекуляціями внѣ колоній, и своимъ примѣромъ отвлекаютъ прежнихъ колонистовъ отъ полевыхъ работъ. При этомъ нужно замѣтить, что отлучки изъ колоній для всѣхъ желающихъ уклоняться отъ труда чрезвычайно легки и что такимъ отлучкамъ нисколько не препятствуетъ сельское начальство, не вникающее въ цѣли и виды мудраго правительства относительно организаціи еврейскихъ поселеній. Отъ этого въ городахъ, окружающихъ колоніи и даже отдаленныхъ отъ нихъ, постоянно живетъ множество колонистовъ, совершенно бѣдныхъ, но занимающихся по привычкѣ торговыми оборотами, большей частью недоставляющими имъ достаточно средствъ къ жизни. Изъ этого можно видѣть, что учрежденіемъ колоній нисколько не достигается предположенная правительствомъ цѣль освободить городскія об-

щества отъ бѣдныхъ евреевъ, ибо если въ нѣкоторыхъ городахъ и уменьшилось число бѣдныхъ, вслѣдствіе переселенія послѣднихъ въ колоніи, то въ другихъ городахъ, близкихъ къ еврейскимъ поселеніямъ, число ихъ значительно увеличилось колонистами, являющимися положительно бременемъ для городскихъ обществъ. Нужно замѣтить, что евреи, никогда не занимавшись земледѣліемъ, не могутъ вдругъ сдѣлаться хорошими колонистами, вслѣдствіе чего еврейскія колоніи требуютъ особой о нихъ заботливости. По мнѣнію моему, отъ стариковъ-переселенцевъ нельзя ожидать никакой пользы для колоній, и они, по укоренившейся привычкѣ къ городскимъ занятіямъ, только тяготятся сельской жизнью, а потому не могутъ быть порядочными земледѣльцами. Вслѣдствіе этого особенное вниманіе должно быть обращено на молодое поколѣніе, которое одно только можетъ быть пріучено къ земледѣльческому быту, если получитъ посредствомъ воспитанія особое направленіе, чуждое господствующихъ между евреями предразсудковъ. Для успѣшности земледѣльческихъ занятій нужны крѣпкое здоровье, любовь къ труду и природѣ, а этихъ именно условій и нѣтъ у стариковъ, привыкшихъ къ городской жизни. При томъ старики находятъ препятствія къ полевымъ работамъ въ исполненіи разнюхъ обрядовъ и религіозныхъ постановленій; каждый день утромъ и вечеромъ они ходятъ въ синагогу и тамъ, по привычкѣ, просиживаютъ нѣсколько часовъ за чтеніемъ талмуда“. Все это приводитъ Гуровича къ убѣжденію въ необходимости, съ одной стороны, постепеннаго подготовленія молодыхъ колонистовъ къ земледѣльческому труду, а съ другой—принятія нѣкоторыхъ охранительныхъ мѣръ въ смыслѣ устраненія изъ сферъ евреевъ-земледѣльцевъ побочныхъ занятій торговаго свойства. Для этой цѣли Гуровичъ, посвящая каждой изъ осмотрѣнныхъ имъ колоній отдѣльный подробный разборъ и сопровождая свой трудъ огромнымъ проектомъ, о которомъ будетъ сказано ниже, предлагаетъ, между прочимъ, въ видѣ палліативныхъ мѣръ: 1) безусловно воспретить колонистамъ заниматься коммерческими дѣлами, несвязанными съ

ихъ профессіональнымъ трудомъ, 2) не выдавать имъ паспортовъ на отлучки изъ колоній хотя бы на самые непродолжительные сроки, 3) назначать раввинами колоній людей образованныхъ, „которые могли бы своими назидательными рѣчами побудить колонистовъ къ трудолюбію“, 4) устранить невѣжественныхъ меламедовъ отъ обученія дѣтей, 5) устроить въ колоніяхъ особыя сельскія училища для воспитанія юношества въ духѣ, соотвѣтствующемъ видамъ правительства, и 6) установить предѣльный возрастъ для поселенцевъ въ интересахъ сокращенія притока въ колоніи старыхъ людей, представляющихъ собою нежелательный и непригодный для колонизаціи элементъ.

Какъ мы уже упомянули, Гуровичъ нашелъ осмотрѣнныя имъ въ 1854 году въ екатеринославской губерніи колоніи *Трудолюбовка*, *Нечаевка*, *Графская*, *Красноселка*, *Новый Златополь*, *Веселая* и *Мажиричъ*, если не вполнѣ упрочившимися и соотвѣтствующими своему назначенію, то населенными, по крайней мѣрѣ, людьми молодыми, любящими сельскія занятія, способными къ труду и могущими современемъ стать настоящими земледѣльцами. Но за то духовный обликъ этихъ колоній рисуется Гуровичемъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Колоніи находятся въ вѣдѣніи главнаго раввина и двухъ-трехъ помощниковъ, занимающихся самыми разнообразными профессіями, далеко несоотвѣтствующими ихъ духовному сану. Всѣ функціи этихъ пастырей исчерпываются веденіемъ метрическихъ книгъ. „Здѣсь замѣтно —жалуется Гуровичъ—равнодушіе этихъ должностныхъ лицъ къ точному выполненію обязанностей руководителей земледѣльцевъ, какъ будто не ихъ дѣло возбуждать расположенность къ труду, преуспѣяніе молодыхъ людей въ изученіи господствующаго отечественнаго языка. Здѣсь очень необходимо произносить послѣ молитвъ назидательное слово, чтобы евреи, занимающіеся новыми занятіями, до сихъ поръ имъ чуждыми, болѣе старались; а безъ усерднаго служенія раввина съ его помощниками ничего благотворнаго не можетъ совершиться, особливо если настаетъ, по волѣ

Всевышняго, неурожай, какъ и случилось было". Въ колоніяхъ, населеніе которыхъ достигаетъ 11.000 душъ, нѣтъ ни центральной больницы, ни лечебницъ амбулаторнаго характера, ни даже порядкомъ обученныхъ фельдшеровъ для подачи въ случаяхъ заболѣванія колонистовъ первоначальнаго пособія. Молитвенныя школы помѣщаются въ частныхъ домахъ и нерѣдко даже въ комнатахъ, служащихъ жильемъ для колонистовъ. „Можетъ-ли такая обстановка—скорбитъ Гуровичъ—давать молящимся пахарямъ надлежащія понятія о Богѣ, ниспосылающемъ имъ свои блага?" Воспитаніе дѣтей сосредоточено исключительно въ рукахъ меламедовъ, которые не въ состояніи научить ихъ даже древне-еврейскому языку. Печальную повѣсть свою объ этихъ колоніяхъ Гуровичъ заканчиваетъ указаніемъ на цѣлый рядъ мѣропріятій, между которыми первенствующее мѣсто отводится устройству центральнаго учебнаго заведенія и общей больницы для всѣхъ колоній, а также организаціи медицинской помощи въ каждой колоніи отдѣльно.

Переходя къ обозрѣнію еврейскихъ колоній херсонской губерніи и останавливаясь подробно на тѣхъ 15 изъ нихъ, которыя находятся на казенной землѣ и состоятъ въ вѣдѣніи попечительнаго совѣта объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи, Гуровичъ безъ колебаній опредѣляетъ положеніе этихъ учрежденій неблестящимъ. Причину такой безуспѣшности Гуровичъ усматриваетъ въ томъ, что непосредственные начальники колоній изъ нѣмцевъ принимаютъ только административныя мѣры къ сохраненію внѣшняго порядка. По мнѣнію Гуровича, благодѣтельная цѣль колонизаціи евреевъ при такихъ условіяхъ нисколько не достигается. Необходимо радикально измѣнить весь жизненный строй земледѣльцевъ-евреевъ. Нѣкоторыя колоніи существуютъ уже 50 лѣтъ и, несмотря на столь почтенный возрастъ, ни въ какомъ отношеніи не подвинулись впередъ. Гуровичъ находитъ даже, что чѣмъ старѣе колонія, тѣмъ менѣе она соотвѣтствуетъ видамъ правительства, и опять таки выдвигаетъ просвѣщенныхъ раввиновъ и образованныхъ учителей, какъ единственныхъ лицъ, могущихъ

вызвать желательный переворотъ въ міровоззрѣніяхъ колонистовъ и обезпечить правильное воспитаніе юнаго поколѣнія.

Но возлагая всѣ упованія свои на будущее, Гуровичъ рисуетъ настоящее въ самыхъ темныхъ краскахъ. Такъ, напримѣръ, онъ съ грустью замѣчаетъ, что свыше 1000 поселенцевъ колоніи *Львовой*, основанной въ 1839 году и лежащей при Днѣпрѣ въ 29 верстахъ отъ города Берислава, занимаются торговлей и ремеслами, странствуютъ по разнымъ мѣстамъ въ качествѣ разносчиковъ и коробейниковъ, отъ спеціальнаго своего занятія совершенно отвлекаются и поля свои оставляютъ совсѣмъ почти необработанными. Характерно то, что, по словамъ Гуровича, молитвенный домъ въ колоніи Львовой служитъ также пріютомъ для бродячихъ нищихъ, пребываніе которыхъ, да притомъ въ огромномъ сравнительно количествѣ, авторъ признаетъ нежелательнымъ въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. „Совершенный безпорядокъ въ хозяйствѣ“ Гуровичъ нашелъ также въ *Новомъ-Бериславѣ*. Правда, въ этой колоніи онъ натолкнулся на весьма ограниченное число евреевъ-хлѣборобовъ, лично занимавшихся земледѣльческимъ трудомъ, но за то его крайне поразило то обстоятельство, что „дѣвушки нисколько не заботятся объ усвоеніи знаній, необходимыхъ въ сельскомъ быту, а женщины занимаются только вязаніемъ чулокъ и на полевыхъ работахъ почти никогда не бываютъ изъ предразсудка, будто бы это неприлично еврейкамъ“. О *Бобровомъ-Кутѣ*, основанномъ еще въ 1808 году и состоящемъ изъ 1700 душъ обоего пола, Гуровичъ отзывается какъ о колоніи, безусловно несоотвѣтсвующей видамъ правительства, такъ какъ тамъ полевыя работы производятся небрежно и сельское устройство находится въ крайне плохомъ видѣ. Между колонистами, воспитывающими своихъ дѣтей исключительно у меламедовъ, сильно развито талмудическое ученіе, поглощающее все время у своихъ послѣдователей и исключающее для послѣднихъ всякую возможность заниматься земледѣліемъ. Въ такомъ же точно положеніи Гуровичъ нашелъ и всѣ остальныя колоніи, какъ

Большая Сейда—Менуха или Татарка, Малая Сейда-Менуха, Большой и Малый Нагартавы, Ефингаръ, Новополтавка, Ингулецъ, Излучистая, Новоподольскъ, Нововковна, Нововитебскъ и Каменка. Каждая изъ исчисленныхъ колоній имѣетъ видъ заброшеннаго угла, гдѣ оторванные отъ своихъ обычныхъ занятій евреи влачатъ самое жалкое существованіе. Достойно вниманія, что въ колоніи *Романовкѣ* Гуровичъ случайно узналъ о функціонирующемъ тамъ высшемъ талмудическомъ учебномъ заведеніи *„Іешувѣ“*, открытомъ и существующемъ въ зданіи молитвеннаго дома, конечно, безъ вѣдома колоніальнаго начальства. „Цѣль этого заведенія—говоритъ Гуровичъ—чисто богословская; сюда собираются молодые люди изъ всѣхъ колоній и даже изъ ближайшихъ городовъ для полученія высшихъ познаній въ талмудѣ. Для этого заведенія дѣлаютъ много пожертвованій колонисты и другіе набожные евреи изъ городскихъ жителей; собираніемъ-же пожертвованій занимаются состоящіе при заведеніи земледѣльцы, которые для этого безпрестанно разъѣжаютъ по городамъ и колоніямъ. Сумма ежегодныхъ пожертвованій, сколько я могъ узнать, простирается до 3000 р.“. Такимъ образомъ, благодаря подобному порядку вещей, въ колоніи господствуетъ бѣдность, усиливающаяся еще потому, что „женщины не занимаются никакими работами въ надеждѣ на то, что сыновья ихъ, проводящіе цѣлые дни въ Іешувѣ, будутъ благословлены Богомъ и получатъ богатыхъ невѣстъ. И вотъ молодые люди въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обременяются семействами, а дѣти ихъ остаются безъ всякихъ понятій о сельскомъ хозяйствѣ, хотя и родились въ колоніи“. Признавая, поэтому, подобное высшее богословское заведеніе не только безполезнымъ для земледѣльцевъ, но даже вреднымъ и препятствующимъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, Гуровичъ ходатайствуетъ о немедленномъ закрытія Іешувы.

Попутно Гуровичемъ были также осмотрѣны двѣ колоніи на владѣльческихъ земляхъ въ Бобринскомъ уѣздѣ. Первая, устроенная на землѣ маіора Винтеля, имѣетъ только, по словамъ Гу-

ровича, названіе колоніи. Въ ней все дозволяется колонистамъ: они могутъ заниматься чѣмъ угодно, ѣздить куда угодно, лишь-бы владѣлецъ исправно получалъ свой оброкъ. „Изъ этого можно заключить,—замѣчаетъ Гуровичъ,—что земскій судъ, въ вѣдѣніи коего состоятъ владѣльческія колоніи, вовсе не наблюдаетъ за исполненіемъ правилъ, постановленныхъ на счетъ евреевъ-земледѣльцевъ. Все въ колоніи Винтеля въ разстройствѣ, никто не обращаетъ вниманія на полевыя работы, дома почти разломаны и возлѣ нихъ нѣтъ ни одного дерева, дѣти небрежно одѣты и нечисты“. Совершенно противоположное впечатлѣніе произвела на Гуровича вторая колонія, основанная въ 1846 году Хаскелемъ Моргоновскимъ на купленной имъ землѣ для 40 еврейскихъ семействъ. Процвѣтаніе этой колоніи Гуровичъ приписываетъ, конечно, тщеславію основателя и погонѣ его за обѣщанной правительствомъ наградой, но тѣмъ не менѣе онъ считаетъ достигнутые результаты весьма утѣшительными и полагаетъ, что непосредственный надзоръ владѣльца-еврея за поселенными имъ единовѣрцами принесъ огромную пользу въ смыслѣ устраненія всѣхъ условій, отвлекающихъ евреевъ отъ земледѣлія. Дома въ этой колоніи красивы и окружены садами, изъ коихъ особенно замѣчателенъ садъ колониста Абрама Кругляка со многими плодовыми деревьями и табакомъ. Садъ Кругляка доставляетъ ежегодно доходу до 350 руб. сер. Подобнаго явленія нельзя встрѣчать въ казенныхъ колоніяхъ“.

Подводя итоги всѣмъ своимъ наблюденіямъ, Гуровичъ останавливается довольно подробно на явной недостаточности физическихъ силъ у колонистовъ - евреевъ и объясняетъ это прискорбное явленіе своеобразной жизнью послѣднихъ, ни въ малѣйшемъ не соотвѣтствующей профессіональнымъ земледѣльческимъ занятіямъ. Съ одной стороны, колонисты - евреи предпочитаютъ благодѣтельно дѣйствующему на здоровье пахаря личному труду изнуряющее ихъ просиживаніе по цѣлымъ днямъ въ молитвенныхъ домахъ надъ талмудомъ и другими раввинскими книгами; съ другой

стороны, сильно препятствуетъ успѣшности полевыхъ работъ специфически еврейская одежда, такъ какъ большинство колонистовъ носитъ длинные кафтаны, затрудняющіе ихъ на каждомъ шагу.

Въ заключеніе Гуровичъ выступаетъ съ проектомъ, имѣющимъ своей задачей способствовать приведенію колоній „въ благоустроенный видъ". Сущность его проекта сводится къ открытію во всѣхъ колоніяхъ спеціальныхъ сельскихъ училищъ по особо выработанной имъ программѣ, назначенію образованныхъ раввиновъ, которые въ субботнихъ и праздничныхъ своихъ проповѣдяхъ внушали-бы евреямъ любовь къ земледѣлію, и созданію новой должности ученаго еврея, состоящаго при попечительномъ комитетѣ и обязаннаго слѣдить за упорядоченіемъ религіозныхъ и благотворительныхъ учрежденій колоній, а также за тѣмъ, чтобы колонисты относились сознательно и серьезно къ требованіямъ правительства. На ряду съ этимъ Гуровичъ предлагаетъ подвергать нерадивыхъ колонистовъ, успѣвшихъ въ теченіе десяти лѣтъ окончательно обнаружить свою неспособность къ земледѣлію и тяготѣніе къ мелочной торговлѣ, чувствительнымъ взысканіямъ, хотя-бы въ смыслѣ привлеченія къ рекрутской повинности, и устроить образцовую колонію для земледѣльцевъ, заслуживающихъ по трудолюбію своему поощренія и льготъ.

Какъ извѣстно, нѣкоторыя изъ предложеній Гуровича были впослѣдствіи осуществлены. Изъ донесеній Гуровича, посѣтившаго въ третій разъ еврейскія колоніи въ 1861 году, по порученію генералъ-адъютанта П. Е. Коцебу, для контроля введенныхъ улучшеній, видно, что правильное теченіе духовной жизни земледѣльцевъ-евреевъ обезпечено попеченіемъ стоящаго во главѣ колоній просвѣщеннаго раввина, а воспитаніе дѣтей ввѣрено образованнымъ и правоспособнымъ учителямъ. Очевидно, что если за истекшія 50 лѣтъ нравственная физіономія колоній нѣсколько измѣнилась къ лучшему, то въ данномъ случаѣ обѣ командировки Гуровича принесли существенную пользу.

Погребальныя братства.

Въ запискахъ Гуровича, относящихся къ 1854 году и заключающихъ въ себѣ цѣлый рядъ мотивированныхъ отзывовъ о печальномъ состояніи религіозныхъ и благотворительныхъ учрежденій почти всѣхъ населенныхъ евреями главныхъ городовъ Новороссійскаго края, наиболѣе видное мѣсто отводится „погребальнымъ братствамъ“. Дѣло въ томъ, что хотя законъ (1074 ст. XI т. ч. I уст. иностр. испов.) подчиняетъ эти братства надзору состоящихъ при синагогахъ и молитвенныхъ школахъ духовныхъ правленій, тѣмъ не менѣе, никакого фактическаго надзора Гуровичъ нигдѣ не находилъ, такъ какъ и самихъ-то духовныхъ правленій не существовало въ подавляющемъ большинствѣ общинъ. Со всѣхъ сторонъ къ Гуровичу доходили жалобы и сѣтованія на безконтрольность дѣйствій лицъ, стоящихъ во главѣ погребальныхъ братствъ, на произвольно взимаемую имъ плату за погребеніе и, главное, на отсутствіе всякой отчетности. Это и побудило Гуровича, на ряду со включеніемъ въ свои записки нѣкоторыхъ данныхъ, рисующихъ дѣятельность братствъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ и послужившихъ для высшей администраціи основаніемъ къ принятію возможныхъ мѣръ въ смыслѣ огражденія бѣдной еврейской массы отъ эксплуатаціи и обирательства, приступить къ выработкѣ проекта нормальнаго устава для всѣхъ еврейскихъ погребальныхъ братствъ въ Россіи. Проектъ этотъ, въ свое время, детально разсмотрѣнный бывшимъ новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ А. Г. Строгановымъ и снабженный вѣскими поправками послѣдняго, былъ препровожденъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и въ теченіе многихъ лѣтъ ничего о немъ не слышно. Только возникшее въ 1862 году „дѣло“ о существующемъ въ Херсонѣ братствѣ послужило поводомъ къ тому, что генералъ-губернаторъ П. Е. Коцебу

вспомнилъ о давно выработанномъ проектѣ и вошелъ съ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ о возможно скоромъ утвержденіи общаго устава для всѣхъ погребальныхъ братствъ. О самомъ-же „дѣлѣ“, носившемъ характеръ гражданской тяжбы, прошедшей всѣ низшія судебныя инстанціи, и свидѣтельствовавшемъ о томъ, что заправилы братствъ не останавливались даже предъ захватомъ чужого имущества, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія:

„По поводу жалобъ колонистки Лозаковой — пишетъ въ представленіи своемъ отъ 14 декабря 1862 года на имя ген.-адъютанта П. Е. Коцебу исправлявшій должность херсонскаго губернатора баронъ Веліо —о самоправномъ присвоеніи херсонскимъ купцомъ Мукомелемъ имущества умершаго ея родственника, о чемъ заведенное по иску Лозаковой дѣло рѣшено уже въ херсонскомъ городовомъ магистратѣ, сдѣлалось извѣстнымъ, что Мукомель въ дѣлѣ этомъ дѣйствовалъ какъ представитель общества еврейскаго братства, въ пользу котораго поступило имущество родственника Лозаковой, взятое Мукомелемъ. По собраннымъ вслѣдствіе этого подробнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ Херсонѣ съ давняго времени существуетъ между-евреями общество подъ названіемъ „Священное братство“ безъ разрѣшенія правительства; оно открыто въ Херсонѣ на третій годъ послѣ основанія этого города. Уставъ его (Пинкосъ), составленный въ 1781 году, и теперь хранится у здѣшняго братства. Глава „Священнаго братства“ избирается однажды на всю жизнь, а правленіе образуется изъ членовъ, ежегодно избираемыхъ по баллотировкѣ. Съ 1839 г. по 1859 г. находилось членовъ „Священнаго братства“ 93 человѣка. Хотя на основаніи 164, 166, 168 и 169 ст. ст. XIV т. уст. о пред. и прес. прест. противъ обществ. порядка никакія общества и братства, безъ утвержденія ихъ правительствомъ, нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ существовать не должны, почему слѣдовало-бы воспретить и означенное еврейское братство, но принимая во вниманіе благодѣтельную цѣль, для которой составилось это братство, и что оно существуетъ съ давняго времени, совершенно безвредно

для общественнаго порядка, губернское правленіе находитъ возможнымъ допустить существованіе онаго и на дальнѣйшее время на тѣхъ же самыхъ началахъ и основаніяхъ, какія изложены въ уставѣ общества, но съ тѣмъ, однакоже, чтобы оно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по исполненію устава находилось подъ контрольнымъ наблюденіемъ херсонскаго раввина и чтобы о всѣхъ избираемыхъ членахъ и главѣ общества были доставляемы своевременно полиціи свѣдѣнія".

„Считаю долгомъ сообщить вашему превосходительству — пишетъ ген.-адъютантъ П. Е. Коцебу по поводу приведеннаго выше представленія барона Веліо, — что „Священное братство" изъ евреевъ въ Херсонѣ, какъ видно изъ самого устава его и по отзыву состоящаго при мнѣ для исполненія порученій по дѣламъ еврейскаго закона почетнаго гражданина Маркуса Гуровича, есть ничто иное какъ погребальное общество, существованіе коего допускается закономъ (1074 ст. XI т. ч. I уст. духовн. дѣлъ евреевъ). При обозрѣніи Гуровичемъ въ 1854 г. еврейскихъ учрежденій въ Херсонѣ, онъ нашелъ, что общество погребателей въ этомъ городѣ не состоитъ ни въ чьемъ завѣдываніи и указанными въ законѣ правилами вовсе не руководствуется. То же самое Гуровичъ доносилъ и по обозрѣніи имъ сказанныхъ учрежденій въ 1861 г., именно, что погребальное общество въ Херсонѣ не состоитъ въ вѣдѣніи ни синагоги, ни думы, вопреки 1074 ст. Объ этомъ со стороны генералъ-губернатора сообщено начальнику херсонской губерніи, съ тѣмъ, чтобы погребальное общество, согласно вышеозначенному закону, подчинено было правленію одной изъ синагогъ и городской думѣ. При чемъ неизлишнимъ считаю присовокупить, что Гуровичъ составилъ проектъ устава погребальнаго общества, который и представленъ на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ".

Обращаясь къ самому проекту Гуровича, довольно обширному по размѣрамъ и дающему намъ, поэтому, возможность привести in extenso лишь главныя основанія его, слѣдуетъ замѣтить, что

авторъ поставилъ себѣ задачей не только упорядочить самый способъ погребенія умершихъ евреевъ, но и ввести въ еврейскую общинную жизнь твердыя правила и понятія, обязательныя для культурныхъ людей. Погребальнымъ обществомъ, по опредѣленію Гуровича, должно быть признано собраніе лицъ, „принимающихъ на себя по религіознымъ побужденіямъ своимъ святой долгъ погребать умершихъ“,—долгъ, считающійся у евреевъ особенно важнымъ, „ибо они придерживаются того убѣжденія, что за благодѣянія, оказываемыя живымъ, можно ожидать вознагражденія, тогда какъ благодѣяніе, дѣлаемое умершимъ, не можетъ быть уже вознаграждено въ этой жизни и потому имѣетъ гораздо большее значеніе“. Общество это, состоящее изъ неограниченнаго числа членовъ, вносящихъ установленную годичную плату, раздѣленную на три разряда и доходящую въ губернскихъ городахъ и Одессѣ до 25 р., и выбывающихъ только послѣ двухлѣтней неуплаты обязательныхъ взносовъ, должно, независимо отъ фактическаго завѣдыванія мѣстнымъ еврейскимъ кладбищемъ, заботиться, между прочимъ, и о посѣщеніи каждаго опаснаго больного, объ исполненіи надъ умирающимъ установленныхъ напутственныхъ обрядовъ, равно и впослѣдствіи всѣхъ религіозныхъ церемоній во время похоронъ, а также и о снаряженіи изъ среды своихъ членовъ десяти человѣкъ для сопровожденія тѣла умершаго въ мѣсто вѣчнаго упокоенія и для регулярнаго совершенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ въ домѣ родственниковъ умершаго въ теченіе первыхъ семи дней траура. Во главѣ общества должны находиться избираемые на три года изъ почетныхъ лицъ общины завѣдывающій и три помощника, чередующіеся между собою понедѣльно и собирающіеся только въ особо важныхъ случаяхъ для общихъ совѣщаній и не менѣе одного раза въ мѣсяцъ для провѣрки поступающихъ въ пользу общества суммъ и послѣднимъ израсходуемыхъ, согласно приходо-расходнымъ книгамъ. На суммы эти должны содержаться кладбища, огражденныя каменной стѣною, равно и существующія при нихъ молельни для отпѣванія покойниковъ, а также особый

штатъ служащихъ, въ составъ которыхъ входятъ какъ могильщики и сторожа, такъ и достаточное количество набожныхъ и свѣдущихъ въ дѣлахъ религіи евреевъ, на которыхъ возлагается по очереди дежурство въ квартирахъ опасныхъ больныхъ и исполненіе разныхъ требъ при погребеніи. Заслуживаетъ вниманія проводимый Гуровичемъ принципъ равенства, въ силу котораго полотно для savановъ и простые деревянные гробы должны отпускаться непосредственно погребальнымъ обществомъ для всѣхъ классовъ населенія, не исключая и богатыхъ и не взирая на крупные даже размѣры оставляемыхъ ими легатовъ или дѣлаемыхъ ихъ семействами приношеній. Церемоніалъ похоронныхъ шествій, опредѣленіе маршрута послѣднихъ по улицамъ города, внесеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ гробовъ въ одну изъ мѣстныхъ синагогъ, предварительный просмотръ произносимыхъ надгробныхъ рѣчей, одобреніе чертежей и плановъ сооружаемыхъ памятниковъ,—все это предоставляется всецѣло завѣдывающему дѣлами общества или его помощникамъ, которые должны, помимо исполненія постановленій еврейской вѣры, заботиться и о строгомъ соблюденіи порядка и благочинія въ предѣлахъ существующихъ государственныхъ законовъ. Урегулированъ уставомъ также вопросъ объ устраненіи скопленія нищихъ при выносѣ тѣла, и послѣднимъ, во избѣжаніе безпорядковъ, воспрещается собираться въ день похоронъ возлѣ дома умершаго или на кладбищѣ для полученія подаянія, а дозволяется имъ являться на слѣдующій день въ помѣщеніе общества, или въ особо устраиваемые дома призрѣнія, гдѣ подаянія будутъ раздаваться по мѣрѣ поступленія. Плата за погребеніе колеблется между 30 руб. и 3 руб., смотря по состоянію и средствамъ умершаго или его родныхъ; уставомъ допускается, однакоже, исключеніе для ученыхъ, учителей и артистовъ, которые должны быть похоронены на общественный счетъ. Уставъ предоставляетъ обществу право отчуждать кладбищенскія мѣста для устройства фамильныхъ склеповъ по особой таксѣ. Оригинальными являются параграфы устава, относящіеся къ вымороченнымъ имуще-

ствамъ. „Если кто либо—говорится по этому поводу въ § 31—оставитъ послѣ своей смерти имущество, не сдѣлавши духовнаго завѣщанія, а между тѣмъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ это лицо умираетъ, не будетъ никого изъ его родственниковъ, то въ отношеніи къ такому имуществу должно наблюдать слѣдуюшія правила: а) если умершее лицо принадлежитъ къ членамъ погребальнаго общества того мѣста, гдѣ его смерть настигла, то завѣдывающіе дѣлаютъ на основаніи законовъ вызовъ наслѣдниковъ къ оставшемуся имуществу, и если въ теченіе двухгодичнаго срока никто не явится за полученіемъ имущества, то затѣмъ оно поступаетъ въ полную собственность общества; при явкѣ же законныхъ наслѣдниковъ таковые получаютъ оставшееся имущество, но обязаны предоставить 5% со всего наслѣдства въ пользу погребальнаго общества; б) если-же умершее лицо не принадлежитъ къ членамъ погребальнаго общества, то съ его имуществомъ слѣдуетъ поступить на основаніи общихъ государственныхъ законовъ съ тѣмъ только различіемъ, что если въ теченіи 2-хъ лѣтъ со дня публикаціи о вызовѣ наслѣдниковъ никто не явится за полученіемъ наслѣдства, то оно поступаетъ въ пользу богоугодныхъ заведеній какъ еврейскихъ, такъ и христіанскихъ, съ удержаніемъ 10% стоимости всего имущества въ пользу мѣстнаго погребальнаго общества“. Проектъ вмѣняетъ погребальнымъ обществамъ также въ обязанность организовать, на проценты и доходы съ разныхъ легатовъ или на особо для сей цѣли жертвуемыя суммы, постоянную медицинскую помощь для неимущихъ больныхъ, равно и учреждать разныя богоугодныя заведенія, особливо сиротскіе дома съ соотвѣтствующими учебными классами для дѣтей обоего пола и пріюты для старцевъ.

Представивъ выработанный Гуровичемъ проектъ на усмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ и признавъ его въ принципѣ весьма полезнымъ и желательнымъ, графъ А. Г. Строгановъ счелъ, однако, необходимымъ высказать свои замѣчанія въ особой запискѣ. „Общества эти—пишетъ графъ—находятся во всѣхъ

мѣстахъ осѣдлости евреевъ, но завѣдывающіе оными, не имѣя никакихъ правилъ для руководства, дѣйствуютъ очень часто произвольно, и суммы, получаемыя отъ погребенія умершихъ, не приносятъ обществу никакой пользы, тогда какъ онѣ въ многолюдныхъ городахъ, населенныхъ евреями, очень значительны. Поэтому я вполнѣ одобряю мысль о подчиненіи погребальныхъ обществъ опредѣлительнымъ правиламъ и полагаю, что составленный Гуровичемъ проектъ устава для нихъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи вниманія начальства. Съ своей стороны я полагалъ бы необходимымъ допустить нѣкоторыя измѣненія по слѣдующимъ §§ проекта. По § 5 опредѣляется количество сбора денегъ за право быть членомъ общества, по § 25 назначается размѣръ платы за погребеніе умершихъ, а по § 35 размѣръ платы въ пользу общества за постановку родственниками памятниковъ надъ могилами. Такъ какъ по городамъ и мѣстечкамъ, въ коихъ проживаютъ евреи, средства ихъ неодинаковы, и та плата, которая можетъ быть вносима, напримѣръ, въ Одессѣ безъ отягощенія для евреевъ, будетъ обременительна для евреевъ-жителей г. Дубоссаръ, то слѣдуетъ предоставить самимъ еврейскимъ обществамъ, при введеніи у нихъ въ дѣйствіе сказаннаго устава, приговорами опредѣлить количество сборовъ съ членовъ погребальнаго общества за погребеніе умершихъ и за постановку памятниковъ". Останавливаясь далѣе на приведенномъ нами выше § 31 проекта, относящемся къ порядку завѣдыванія погребальными обществами въ нѣкоторыхъ случаяхъ наслѣдственнымъ имуществомъ и исполненію ими надлежащихъ охранительныхъ функцій, графъ А. Г. Строгановъ высказывается отрицательно, мотивируя свой взглядъ тѣмъ, что „цѣль погребальныхъ обществъ есть чисто религіозная—заботиться о погребеніи умершихъ, и потому совершенно неудобно возлагать на нихъ заботы объ имуществѣ, что можетъ повести иногда къ злоупотребленіямъ и процессамъ". По этому соображенію графъ А. Г. Строгановъ находитъ необходимымъ вовсе исключить этотъ параграфъ изъ проекта и обязанности погребальныхъ обществъ

ограничить исполненіемъ принимаемаго членами ихъ на себя религіознаго долга, предоставивъ имъ только одно попеченіе о сохраненіи оставшагося имущества впредь до явки наслѣдниковъ, на общихъ правахъ хранителей. Въ заключеніе графъ А. Г. Строгановъ настаиваетъ на исключеніи изъ проекта и тѣхъ параграфовъ, въ которыхъ предполагается подвергать сбору въ пользу погребальныхъ обществъ и мраморщиковъ за постановку памятниковъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что разъ за постановку памятника обязаны отдѣльно платить родственники, ставящіе оный, то облагать сборомъ еще и мраморщиковъ вовсе не слѣдуетъ, такъ какъ послѣдніе, уже не говоря о томъ, что многіе изъ нихъ христіане, съ которыхъ неумѣстно взимать плату въ пользу еврейскихъ учрежденій, будутъ во всякомъ случаѣ платить не изъ своего кармана, а соразмѣрно увеличатъ плату за работу, и такимъ образомъ заказчикамъ придется уплачивать двойные налоги.

Въ разсмотрѣнномъ нами архивномъ дѣлѣ, заканчивающемся на 1864 году, нѣтъ свѣдѣній о постигшей проектъ Гуровича судьбѣ, но смѣло можно сказать, что если когда нибудь наступитъ очередь вопросу о болѣе правильной организаціи еврейскихъ погребальныхъ обществъ, то трудъ Гуровича, одобренный главными начальниками Новороссійскаго края, графомъ А. Г. Строгановымъ и генералъ-адъютантомъ П. Е. Коцебу, принесетъ несомнѣнную пользу.

Еврейскій судъ.

Стремленіе къ возможному парализованію анти-общественныхъ теченій въ жизни русскихъ евреевъ, начатая борьба съ явленіями, способствовавшими дальнѣйшему преобладанію еврейской обособленности въ ущербъ цѣлому ряду предпринятыхъ реформъ и улучшеній,—все это привело къ тому, что правительство рѣ-

шилось болѣе подробно и основательно ознакомиться съ еврейскими учрежденіями, съ ихъ устройствомъ и назначеніемъ и, главное, съ тѣми жизненными условіями, которыя поддерживаютъ ихъ существованіе. Явилась, понятно, необходимость въ изслѣдованіи сущности специальнаго еврейскаго суда, какъ института, дѣйствующаго въ процессуальномъ отношеніи внѣ всякаго контроля, безъ соблюденія общихъ судебныхъ порядковъ, и лишеннаго, поэтому, тѣхъ гарантій, которыя предоставляютъ тяжущимся признаваемыя государствомъ судебныя учрежденія.

Еврейскій судъ, не перестававшій функціонировать со дня потери евреями своей политической самостоятельности и состоявшій всегда изъ трехчленной коллегіи раввиновъ и другихъ свѣдущихъ въ талмудическомъ ученіи лицъ, не принадлежитъ къ числу уничтоженныхъ закономъ 19-го декабря 1844 года кагальныхъ организацій, преслѣдовавшихъ, какъ извѣстно, узкія національныя задачи и проявлявшихъ свою тлетворную дѣятельность съ особенной силой въ моменты гоненій, когда народу—скитальцу казалось, что только тайное противодѣйствіе всякимъ внѣшнимъ вѣяніямъ и вліяніямъ спасетъ и сохранитъ надолго его самобытность. Судъ этотъ дѣйствовалъ открыто и даже признавался государственной властью тѣхъ странъ, въ которыхъ евреи находили пріютъ. Еще въ Юстиніановомъ кодексѣ мы находимъ нѣсколько эдиктовъ римскихъ императоровъ, разрѣшающихъ евреямъ судиться у своихъ раввиновъ. Такимъ же правомъ пользовались евреи въ прежніе вѣка въ Германіи, и въ одной изъ грамотъ Генриха III, относящейся къ 1090 году, упоминается о томъ, что „если евреи будутъ имѣть между собою тяжбу для разбирательства, то они должны быть судимы и разбираемы равными себѣ, а не чужими“. И во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой, какъ основательно указываетъ Леонтовичъ въ своемъ „Историческомъ изслѣдованіи о правахъ литовско-русскихъ евреевъ“, короли польскіе санкціонировали существованіе особаго суда для евреевъ изъ избираемыхъ послѣдними судей и раввиновъ. И еврейскій судъ, какъ объ

этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя сохранившіяся производства XVII и XVIII столѣтій, стоялъ всегда, къ удовольствію лицъ, обращавшихся къ его услугамъ, на высотѣ своей задачи, отличаясь довольно своеобразной чертою, выражавшейся въ преобладаніи мирового принципа, такъ какъ судъ этотъ всячески избѣгалъ постановленія понудительныхъ рѣшеній, занимался преимущественно склоненіемъ противниковъ къ миру и взаимнымъ уступкамъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда безусловная правота одной стороны и несомнѣнная виновность другой не давали повода къ разногласію между судьями. Это оригинальное воззрѣніе на цѣли правосудія покойный Оршанскій, посвятившій еврейскому суду нѣсколько прекрасныхъ страницъ своего капитальнаго труда „Евреи въ Россіи“, пытается объяснить всѣмъ характеромъ еврейскаго права, не признающаго строгаго отдѣленія основъ закона отъ требованія морали въ интересахъ высшей правды и справедливости.

Таковъ былъ еврейскій судъ и у насъ въ Россіи какъ въ началѣ истекшаго девятнадцатаго вѣка, когда Державинъ въ своей извѣстной запискѣ о евреяхъ впервые заговорилъ о нежелательности допущенія особаго еврейскаго суда, услугами котораго пользуются и „маломысленные христіане“, такъ и полстолѣтія спустя, когда въ пятидесятыхъ годахъ правительство выдвинуло на очередь вопросъ о цѣлесообразности недоступнаго всему остальному населенію трибунала, могущаго, пожалуй, если не прямо, то косвенно, поощрять еврейскую замкнутость. И министерство внутреннихъ дѣлъ признало необходимымъ собрать точныя свѣдѣнія о еврейскомъ судѣ, обратившись для этой цѣли съ циркулярнымъ запросомъ къ надлежащимъ губернскимъ властямъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. „Высочайше утвержденнымъ 9 декабря 1804 года Положеніемъ объ устройствѣ евреевъ,—говорится въ сообщеніи министра внутреннихъ дѣлъ на имя новороссійскаго генералъ-губернатора графа А. Г. Строганова отъ 7 ноября 1856 года, —между прочимъ, постановлено имъ вѣдаться по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ въ обыкновенныхъ присутственныхъ мѣ-

стахъ, а Положеніемъ, удостоеннымъ 19 декабря 1844 года также Высочайшаго утвержденія, евреи въ городахъ и уѣздахъ подчинены общему управленію съ уничтоженіемъ еврейскихъ кагаловъ. По смыслу сихъ двухъ Положеній, въ еврейскомъ народѣ не должно существовать никакого собственнаго судебнаго или полицейскаго учрежденія, а между тѣмъ не только въ дѣлахъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, но и въ самомъ сводѣ законовъ (уст. рекрут. ст. 788, зак. о сост. ст. 1271, 1273 и др.) встрѣчаются выраженія „Бесъ-Динъ“, что означаетъ „еврейскій судъ“. Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство сдѣлать распоряженіе о доставленіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ, если можно въ непродолжительномъ времени, слѣдующихъ свѣдѣній: 1) Существуетъ-ли дѣйствительно между евреями ввѣреннаго вамъ края означенный судъ „Бесъ-Динъ“ и если существуетъ, то изъ какихъ именно лицъ, въ чемъ заключается цѣль сего суда, имѣетъ-ли онъ характеръ постояннаго учрежденія или же собирается лишь временно, и въ семъ послѣднемъ случаѣ—въ силу-ли какихъ либо еврейскихъ постановленій, или же по желанію частныхъ лицъ для миролюбиваго разбирательства. 2) Въ какихъ отношеніяхъ судъ этотъ состоитъ къ обыкновеннымъ судебнымъ мѣстамъ, и признается-ли мѣстнымъ начальствомъ существенно полезнымъ для евреевъ дальнѣйшее его существованіе“.

Запросъ этотъ, сообщенный новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ всѣмъ подвѣдомственнымъ ему губернаторамъ и градоначальникамъ, вызвалъ цѣлый рядъ отвѣтовъ, подробно мотивированныхъ и дающихъ полную возможность опредѣлить значеніе еврейскаго суда не только съ теоретической, но и съ практической стороны.

Изъ поступившаго первымъ рапорта управляющаго керчьеникальскимъ градоначальствомъ видно, что у мѣстныхъ евреевъ существуетъ судъ „Бесъ-Динъ“, неимѣющій, однакожъ, ни оффиціальнаго характера, ни какихъ либо отношеній къ обыкновеннымъ

судебнымъ мѣстамъ. „Судъ сей составляется по временамъ изъ раввина и двухъ его помощниковъ для миролюбиваго разбора возникающихъ между евреями споровъ, по добровольному желанію спорящихъ сторонъ, а не вслѣдствіе какихъ либо особыхъ еврейскихъ постановленій; нѣтъ сомнѣнія при этомъ, что предметами подобнаго домашняго разбирательства бываютъ только маловажные споры, возникающіе большей частью между лицами бѣднѣйшаго класса, и потому существующее между евреями обыкновеніе прибѣгать къ своему раввину и его помощникамъ съ просьбою рѣшать ихъ споры—должно быть названо безспорно полезнымъ для евреевъ въ томъ отношеніи, что можетъ избавлять бѣдныхъ людей отъ издержекъ, сопряженныхъ съ хожденіемъ по дѣлу въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ, нисколько не мѣшая имъ между тѣмъ, если пожелаютъ, предъявлять свои иски полицейскому начальству или обыкновеннымъ судебнымъ мѣстамъ по установленному порядку“.

Далѣе слѣдуетъ сообщеніе одесскаго градоначальника, основанное на обстоятельномъ донесеніи одесской городской думы. Въ этомъ сообщеніи указывается на то, что „Бесъ-Динъ“, существующій и въ Одессѣ и неимѣющій характера постояннаго учрежденія, а временно сформировываемый въ составѣ мѣстнаго раввина и двухъ его помощниковъ, собирается лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда возникаютъ вопросы касательно способовъ убоя скота и заготовленія пищи по обрядамъ еврейской религіи; 2) когда требуется примирить супруговъ или лицъ, вступающихъ въ бракъ, и опредѣлить ихъ имущественныя отношенія на основаніи брачныхъ договоровъ (ксуба) или предварительныхъ условій (тноимъ); 3) при совершеніи актовъ развода, когда участіе „Бесъ-Дина“ въ полномъ составѣ необходимо для склоненія духовно-нравственнымъ вліяніемъ своимъ супруговъ къ миру и предотвращенія ихъ разлученія; 4) при совершеніи обряда „Халицы“, освобождающаго бездѣтную вдову отъ обязанности вступить въ бракъ съ братомъ умершаго мужа; 5) при совершеніи въ судный

день молитвы объ отпущеніи. Къ этому дума присовокупляетъ, что нѣкоторые евреи добровольно обращаются къ членамъ раввината для разбирательства ихъ споровъ и что въ этихъ случаяхъ миролюбивыя функціи „Бесъ-Дина" отклоняютъ многихъ отъ формальныхъ тяжбъ. Все это приводитъ одесскаго градоначальника къ заключенію, что „Бесъ-Динъ" не имѣетъ никакихъ отношеній къ обыкновеннымъ судебнымъ мѣстамъ и что существованіе его должно быть признано полезнымъ.

Въ такомъ-же смыслѣ высказывается и таганрогскій градоначальникъ, по словамъ котораго, между евреями, проживающими въ Таганрогѣ и Маріуполѣ, судъ „Бесъ-Динъ" составляется временно въ тѣхъ случаяхъ, когда они предоставляютъ сему суду разрѣшить споръ между собою въ гражданскомъ дѣлѣ, для чего стороны назначаютъ, по своему желанію, по одному посреднику и болѣе и даютъ имъ право, при участіи раввина, разрѣшить возникшій споръ. „Судъ этотъ,—заканчиваетъ свой рапортъ таганрогскій градоначальникъ,—введенный у евреевъ на основаніи ихъ обычаевъ, не имѣетъ никакого отношенія къ нашимъ судамъ и, нося характеръ мирового разбирательства, по мнѣнію моему, весьма полезенъ для разбора между ними гражданскихъ дѣлъ, потому что рѣшаетъ дѣла скоро, безъ особенныхъ формальностей, соблюдаемыхъ при производствѣ такихъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ и неизбѣжно требующихъ иногда продолжительнаго движенія.

Нѣсколько иначе относится къ еврейскому суду таврическое губернское правленіе, которое, усмотрѣвъ изъ донесеній полицейскихъ органовъ, что „Бесъ-Динъ" существуетъ только въ Мелитополѣ, Алешкахъ и Евпаторіи и что евреи, населяющіе остальные уѣзды, ведутъ свои дѣла безъ исключенія въ общихъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, становится на формальную почву и проектируетъ въ особомъ журнальномъ постановленіи ограниченіе функцій „Бесъ-Дина" въ точныхъ предѣлахъ закона, въ силу котораго роль этого суда, или, вѣрнѣе, собранія

трехъ „ученыхъ евреевъ“, сводится къ одному лишь присутствованію при приводѣ къ присягѣ рекрутъ и избираемыхъ обществомъ раввиновъ.

За то діаметрально противоположнымъ оказывается мнѣніе екатеринославскаго губернатора, находящаго, что „Бесъ-Динъ“, по организаціи своей и по отношеніямъ своимъ къ обыкновеннымъ судебнымъ мѣстамъ, долженъ быть сравненъ съ судомъ словеснымъ, и энергически поддерживающаго мысль о присвоеніи опредѣленіямъ „Бесъ-Дина“ той-же судебной силы, которую имѣютъ рѣшенія словеснаго суда, „ибо тогда всякіе споры между евреями, даже и въ личныхъ обидахъ, съ которыми только не сопряжены уголовныя преступленія, прекращались-бы миролюбивымъ разбирательствомъ“.

О желательности упорядоченія еврейскаго суда въ смыслѣ присвоенія его распоряженіямъ и дѣйствіямъ обязательной законной силы—упоминается вскользь и въ рапортѣ херсонскаго губернатора. Фактическая часть этого пространнаго рапорта, посвященная обзору дѣятельности „Бесъ-Дина“, исчерпывается донесеніями херсонскаго полиціймейстера, елисаветградской думы и бериславской ратуши. Содержащіяся въ этихъ донесеніяхъ свѣдѣнія сводятся къ тому, что „Бесъ-Динъ“ является наслѣдіемъ того времени, когда до присоединенія кагаловъ къ думамъ у евреевъ существовали спеціальные суды или управленія, что въ настоящее время „Бесъ-Динъ“ не имѣетъ уже характера постояннаго учрежденія и собирается лишь временно, безъ всякихъ постановленій, по желанію частныхъ лицъ, для миролюбиваго разбирательства ихъ споровъ, что въ составъ „Бесъ-Дина“ входятъ избираемые сторонами посредники изъ числа свѣдущихъ въ еврейскомъ законѣ лицъ, что въ отношеніи къ обыкновеннымъ судебнымъ мѣстамъ „Бесъ-Динъ“, значительно способствующій искорененію ябедничества въ еврейскомъ населеніи, является судомъ третейскимъ, всегда примиряющимъ тяжущихся и избавляющимъ ихъ отъ необходимости приносить жалобы присутственнымъ мѣстамъ и началь-

ствующимъ лицамъ. Резюмируя всѣ эти свѣдѣнія, херсонскій губернаторъ признаетъ „Бесъ-Динъ“ необходимымъ для евреевъ съ точки зрѣнія обсужденія религіозныхъ вопросовъ и полезнымъ для разбора частныхъ споровъ, когда евреи, во избѣжаніе тяжбъ, по взаимному согласію поручаютъ „Бесъ-Дину“ устраненіе возникающихъ между ними недоразумѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ къ заключенію, что необходимо было бы, впрочемъ, „указаніе по закону точной опредѣлительности этого суда“.

На сколько еврейскій судъ лишенъ „точной опредѣлительности“—объ этомъ свидѣтельствуетъ сообщеніе бессарабскаго областного правленія, сдѣлавшаго, очевидно, серьезную попытку къ собиранію о „Бесъ-Динѣ“ самыхъ тщательныхъ свѣдѣній при посредствѣ городской и земской полиціи и изображающаго, между тѣмъ, устройство и судопроизводство „Бесъ-Дина“ въ разныхъ мѣстностяхъ области далеко не въ одинаковомъ видѣ. Такъ, напримѣръ, областное правленіе констатируетъ, что въ Аккерманѣ существуетъ „Бесъ-Динъ“, состоящій изъ *одного* раввина и *двухъ* членовъ, избираемыхъ обществомъ на *трехлѣтіе*, что судъ этотъ имѣетъ характеръ *постояннаго* учрежденія и сносится съ присутственными мѣстами отъ имени раввина, и что *жалобы* на его рѣшенія приносятся бендерскому раввину. Но тутъ же сообщается со словъ земской полиціи, что въ м. Фолештахъ „Бесъ-Динъ“ состоитъ всего изъ *двухъ* лицъ, избираемыхъ обществомъ на *неопредѣленное* время, и что рѣшенія его признаются тяжущимися *безаппелляціонными*. Относительно же кишиневскаго „Бесъ-Дина“ замѣчается, что къ обязанностямъ послѣдняго присоединяются также исполненіе порученій и повелѣній начальства и направленіе евреевъ къ повиновенію властямъ и сохраненію общественнаго спокойствія, что придаетъ „Бесъ-Дину“ характеръ административнаго учрежденія. Такія противорѣчивыя свѣдѣнія объясняются, конечно, отсутствіемъ у „Бесъ-Дина“ правильной организаціи. И какая, въ самомъ дѣлѣ, организація можетъ быть у суда, вершающаго дѣла безъ всякаго письменнаго производства? Неудиви-

тельно, что когда областное правленіе заинтересовалось статистическими данными о движеніи дѣлъ во всѣхъ „Бесъ-Динахъ“ Бессарабіи, хотя-бы за одинъ послѣдній 1856 годъ, то данныя эти не могли быть собраны за оссутствіемъ надлежащихъ протоколовъ и какихъ бы то ни было документовъ. Тѣмъ не менѣе, бессарабское областное правленіе нашло существованіе „Бесъ-Дина“ не только безвреднымъ и закону непротивнымъ, но даже полезнымъ въ смыслѣ уменьшенія количества мелкихъ дѣлъ въ общихъ судахъ и „избавленія присутственныхъ мѣстъ отъ излишней переписки“.

Объ историческомъ значеніи „Бесъ-Дина“ представилъ, впрочемъ, объемистую записку состоявшій при новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ ученый еврей Маркусъ Гуровичъ. „Бесъ-Динъ“ — говорится въ этой запискѣ — принадлежитъ къ древнѣйшимъ религіознымъ учрежденіямъ евреевъ. Великіе первосвященники во время существованія еврейскаго государства очень часто забывали о своемъ призваніи, предавались роскоши и заботились не столько о чистотѣ религіи, сколько о пріобрѣтеніи власти и вліянія на дѣла государственныя. Поэтому, ревнители благочестія, для пресѣченія злоупотребленій со стороны первосвященниковъ, учредили въ Іерусалимѣ верховное религіозное судилище подъ именемъ „Великаго Синедріона“, состоявшее изъ 71 лица. Кромѣ того, и въ другихъ мѣстахъ, смотря по числу жителей, учреждены были для религіозныхъ цѣлей „Малые Синедріоны“ изъ 23 лицъ и мѣстные суды „Бесъ-Динъ“ изъ трехъ лицъ. Засѣданія Синедріона происходили всегда въ Іерусалимскомъ храмѣ, а въ особыхъ случаяхъ—во дворцѣ первосвященника. Вѣдѣнію Великаго Синедріона подлежали всѣ важнѣйшія государственныя и религіозныя дѣла, а также истолкованіе догматовъ вѣры примѣнительно къ условіямъ даннаго времени. Впослѣдствіи, когда Іудея подпала подъ власть римлянъ, Синедріонъ утратилъ политическое значеніе и остался только высшимъ учрежденіемъ для разрѣшенія религіозныхъ вопросовъ. Съ разрушеніемъ-же Іеруса-

лима уничтожился Великій Синедріонъ. Малый Синедріонъ занимался разсмотрѣніемъ неважныхъ гражданскихъ споровъ, а „Бесъ-Динъ" разрѣшалъ вопросы по спорамъ при денежныхъ расчетахъ, о нанесеніи вреда однимъ лицомъ другому, о бракосочетаніи, разводахъ и халицѣ. Въ случаѣ недоумѣнія при разрѣшеніи религіознаго вопроса, судьи „Бесъ-Дина" спрашивали мнѣнія другихъ законниковъ, а когда и послѣдніе не могли разрѣшить предложенныхъ имъ вопросовъ, то вопросы эти восходили на обсужденіе Малаго и, наконецъ, Великаго Синедріона. Рѣшеніе послѣдняго было окончательное и обязательное для всѣхъ". Изъ сдѣланной, такимъ образомъ, авторомъ характеристики видно, что „Бесъ-Динъ" до паденія іудейскаго царства составлялъ низшую инстанцію религіознаго суда и считался постояннымъ учрежденіемъ. „Въ настоящее время,—говоритъ Гуровичъ въ заключительной части своей записки,—когда евреи подчинены законамъ того государства, въ которомъ они живутъ, „Бесъ-Динъ" не существуетъ въ смыслѣ постояннаго религіознаго учрежденія. Раввинъ самъ, или по указанію обращающихся къ нему лицъ, приглашаетъ двухъ постороннихъ евреевъ для составленія съ ними временнаго „Бесъ-Дина". Для этого не всегда даже избираются одни и тѣ же лица. Такимъ образомъ, нынѣ „Бесъ-Динъ" не можетъ имѣть характера постояннаго религіознаго учрежденія, потому что онъ не подчиненъ высшимъ религіознымъ инстанціямъ, которыхъ между евреями нѣтъ, и не состоитъ ни въ какой связи съ нашими правительственными учрежденіями. Въ денежныхъ спорныхъ дѣлахъ тяжущіеся обыкновенно сами избираютъ двухъ или трехъ лицъ для составленія „Бесъ-Дина", и къ этому примирительному суду охотно прибѣгаютъ какъ богатые, такъ и бѣдные для избѣжанія формальностей процесса. Поэтому „Бесъ-Динъ" оказываетъ существенную пользу какъ въ спорныхъ дѣлахъ, такъ равно и при разрѣшеніи религіозныхъ вопросовъ и совершеніи нѣкоторыхъ обрядовъ".

Сгруппировавъ всѣ собранные объ особомъ еврейскомъ судѣ

данныя и присовокупивъ къ этому, что подобный судъ, вызванный къ жизни духовными и экономическими потребностями еврейскаго населенія, не служитъ ни поощренію фанатизма, ни интересамъ какой либо вредной секты, новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ А. Г. Строгановъ довелъ до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, что съ своей стороны онъ не встрѣчаетъ препятствій къ дальнѣйшему существованію „Бесъ-Дина".

Коробочный сборъ.

Коробочный сборъ, вызванный къ жизни еще въ 1844 году и до настоящаго времени служащій единственнымъ источникомъ для удовлетворенія нуждъ еврейскихъ общинъ и содержанія спеціально для евреевъ существующихъ благотворительныхъ учрежденій, распадается, какъ извѣстно, на двѣ части: на сборъ общій или повсемѣстный, распространяемый на убой скота, рѣзаніе птицы и приготовленіе мяса по установленіямъ еврейской религіи, и на сборъ частный или вспомогательный, имѣющій характеръ подоходнаго налога съ торговли и промышленности евреевъ. Вспомогательнымъ сборомъ облагаются доходы отъ отдачи въ наемъ принадлежащихъ евреямъ домовъ, лавокъ и амбаровъ и отъ эксплоатаціи разныхъ фабрикъ и заводовъ, арендуемыхъ евреями или принадлежащихъ послѣднимъ на правахъ собственности, содержимые евреями гурты рогатаго скота и овецъ, равно и денежные капиталы, остающіеся послѣ умершихъ евреевъ. Общій сборъ представляетъ собою, какъ извѣстно, одинъ изъ наиболѣе тяжкихъ для бѣдныхъ классовъ еврейскаго населенія налоговъ. Налогъ этотъ крайне печально отзывается на физическомъ состояніи еврейской массы, лишенной предмета первой необходимости — мяса. Отъ еврейскихъ обществъ зависѣло бы, конечно, сдѣлать этотъ сборъ менѣе тягостнымъ, принявъ надлежащія мѣры къ

обезпеченію болѣе правильнаго поступленія вспомогательнаго сбора и равномѣрнаго обложенія всѣхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, принадлежащихъ, во всякомъ случаѣ, лицамъ состоятельнымъ. На дѣлѣ мы видимъ, однакожъ, что общества эти съ перваго же момента введенія коробочнаго сбора находили возможнымъ совершенно игнорировать вспомогательный сборъ и сосредоточивали все свое вниманіе на одномъ общемъ, освобождая, такимъ образомъ, имущихъ евреевъ отъ соотвѣтствующаго ихъ состоянію участія въ расходахъ на нужды общины. Образчикомъ подобныхъ отношеній къ коробочному сбору можетъ служить возникшая въ 1856 году переписка о введеніи въ Одессѣ вспомогательнаго сбора.

Въ началѣ 1856 года состоявшій въ штатѣ чиновниковъ новороссійскаго генералъ-губернатора ст. сов. Бирилевичъ, обревизовавъ еврейскій столъ, учрежденный при одесской городской думѣ, натолкнулся на довольно странное явленіе. Не смотря на то, что коробочный сборъ взимался въ Одессѣ уже болѣе десяти лѣтъ, дума не позаботилась о введеніи также вспомогательнаго сбора, одинаково для еврейскаго общества обязательнаго. Дума—пишетъ Бирилевичъ въ своемъ рапортѣ на имя графа А Г. Строганова—упустила изъ виду вовсе весь вспомогательный сборъ и ограничилась опредѣленіемъ одного общаго коробочнаго сбора, который, состоя въ акцизѣ за употребляемое въ пищу мясо, птицу и пр., падаетъ по большей части на евреевъ средняго и бѣднаго состоянія. Это отсутствіе впомогательнаго сбора было причиною, что акцизъ на означенные предметы общаго сбора былъ довольно высокъ, особенно по обращенію на тотъ же источникъ и свѣчного сбора,—акцизъ этотъ составлялъ на фунтъ мяса 3 коп. сер. и дѣлалъ для многихъ бѣдняковъ недоступнымъ этотъ предметъ одной изъ первѣйшихъ потребностей. „Я обязалъ думу—говоритъ далѣе Бирилевичъ—обложить установленнымъ для сего порядкомъ существующіе въ Одессѣ предметы вспомогательнаго коробочнаго сбора, изъ коихъ дома, лавки, магазины, переходъ капиталовъ послѣ умершихъ евреевъ, а отчасти гурты рогатаго

скота и овецъ, при строгомъ наблюденіи за неутайкой цѣнности ихъ, должны дать здѣсь довольно большой доходъ, особенно въ послѣдующія четырехлѣтія, когда къ сему роду сбора привыкнутъ, и отъ высшаго начальства будетъ зависѣть наблюсти, дабы при первомъ обложеніи предметовъ вспомогательнаго сбора не былъ назначенъ думою слишкомъ несоразмѣрно малый на оные процентъ. Новизна въ Одессѣ налога и участіе при постановленіи о семъ думы, какъ въ положеніи сказано, зажиточнѣйшихъ членовъ еврейскаго общества, т. е. тѣхъ именно, которые будутъ подлежать большему противъ другихъ налогу, возбуждаютъ мои въ этомъ случаѣ опасенія. Опредѣленію вашего сіятельства, какъ главнаго начальника края, подлежитъ количество штрафа, который взимать должно за утайку котораго либо изъ предметовъ, за кои должно платить въ коробочный сборъ извѣстный процентъ. Дабы имѣть право безъ упрека взимать этотъ штрафъ, должно, по моему мнѣнію, сдѣлать сперва подробно извѣстными требованія закона, ибо если даже само начальство не знало, или съ 1844 года, по неприведенію закона въ дѣйствіе, забыло о немъ, то весьма естественно, что частныя лица еврейскаго населенія, будучи неизвѣстны о правилахъ, могутъ добросовѣстно, по одному лишь невѣдѣнію, нарушить оныя. Для отвращенія сего полезно было-бы, по опредѣленіи думою, разсмотрѣніи начальствомъ города и утвержденіи вашимъ сіятельствомъ количества процента, который за каждый изъ предметовъ слѣдуетъ платить въ коробочный сборъ, а равно штрафа за утайку, напечатать о семъ по-русски съ переводомъ на еврейскій языкъ отдѣльныя объявленія, которыя черезъ раввиновъ сдѣлать извѣстными всѣмъ одесскимъ, овидіопольскимъ и живущимъ въ уѣздѣ евреямъ, предваривъ ихъ, что виновные въ утайкѣ будутъ съ 1-го января 1857 года подвергаемы неминуемо взысканію штрафа“.

Указанія ст. сов. Бирилевича не прошли, понятно, безслѣдно. Одесское общественное управленіе спохватилось, сознавая, что дѣйствительно имъ уже черезъ чуръ долго игнорировалось поло-

женіе о коробочномъ сборѣ. Къ тому-же и высшая администрація сдѣлала безотлагательное распоряженіе о точномъ соблюденіи закона. И вотъ 17 января 1856 г. городской думой посвящено было возникшему вопросу особое засѣданіе, при участіи „зажиточныхъ купцовъ и мѣщанъ-евреевъ“, приглашенныхъ въ качествѣ представителей и защитниковъ интересовъ своихъ единовѣрцевъ. Но „зажиточные евреи“ обнаружили совсѣмъ своеобразный взглядъ на дѣло и въ представленномъ ими письменномъ заключеніи высказались категорически противъ введенія въ Одессѣ невыгоднаго для нихъ вспомогательнаго сбора. Какъ ни старались, конечно, „зажиточные евреи“ замаскировать свои настоящія побужденія, тенденція ихъ все-же рѣзко бросалась въ глаза и свидѣтельствовала объ усердномъ желаніи взвалить всю тяжесть налога на плечи своихъ неимущихъ соплеменниковъ. „Вспомогательный сборъ —говорится въ любопытномъ докладѣ „зажиточныхъ евреевъ“— отнюдь не долженъ существовать въ Одессѣ, потому что въ здѣшнемъ еврейскомъ обществѣ таковой сборъ никогда не существовалъ, и не было надобности въ тяготительной для общества мѣрѣ“. Сознавая, однако, что приводимый доводъ мало убѣдителенъ, авторы доклада прибѣгаютъ къ оригинальному толкованію юридическаго смысла Положенія. Хотя законъ ясно гласитъ, что сборы общій и вспомогательный одинаково обязательны для еврейскихъ обществъ и должны быть ими вводимы одновременно, тѣмъ не менѣе они полагаютъ, что обществамъ этимъ предоставлено право соображаться съ настоящими способами означенныхъ сборовъ, дѣйствительной надобностью и доходами, отъ нихъ ожидаемыми. Слѣдовательно, разсуждаютъ „зажиточные евреи“, обществу не возбраняется избрать лучшее, многолѣтнимъ опытомъ дознанное; сборъ вспомогательный есть частный, неповсемѣстный, а поэтому онъ можетъ быть вовсе не учреждаемъ тамъ, гдѣ нѣтъ въ немъ надобности. „Самое названіе этого сбора вспомогательнымъ—говорится въ заключительной части доклада—доказываетъ, что онъ только въ тѣхъ мѣстахъ неминуемо долженъ быть вводимъ, гдѣ предви-

дится недостатокъ для покрытія расходовъ, или гдѣ числятся на обществѣ значительныя недоимки податей и другихъ повинностей". Что же касается мнѣнія ст. сов. Бирилевича о томъ, что общій сборъ обременяетъ бѣдный классъ евреевъ, то составители доклада нѣсколько иронизируютъ, замѣчая, что испомогательный сборъ окажется еще болѣе обременительнымъ для бѣднаго класса, къ которому они причисляютъ и домовладѣльцевъ, такъ какъ „въ Одессѣ по большей части дома заложены въ приказѣ и въ частныхъ рукахъ и кромѣ уплаты процентовъ въ городской доходъ они обложены постоями и другими повинностями, такъ что иные домохозяева гораздо бѣднѣе тѣхъ, которые осѣдлости не имѣютъ".

Донесеніе это было, конечно, оставлено безъ послѣдствій начальникомъ края, со стороны котораго снова послѣдовало предписаніе о неукоснительномъ введеніи вспомогательнаго сбора. Къ этому времени поступила къ графу А. Г. Строганову дополнительная записка ст. сов. Бирилевича, остановившагося еще на одномъ ненормальномъ явленіи, указывающемъ на неравномѣрное распредѣленіе налоговъ между одесскими евреями. „Другое отступленіе,—говоритъ Бирилевичъ въ своей запискѣ,—не менѣе важное, найдено мною въ отношеніи свѣчного сбора. Въ § 9 Положенія о короб. сборѣ постановлено, что свѣчной сборъ возстановляется попрежнему и назначается исключительно на устройство еврейскихъ училищъ, а въ § 67 сказано: „для устройства еврейскихъ училищъ, составляющаго отдѣльный предметъ расхода, возстановляется, согласно собственному желанію евреевъ, сборъ съ шабашныхъ свѣчей и представляется въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Что касается до образа взиманія этого сбора, то оный также имѣетъ быть отдаваемъ въ откупное содержаніе по опредѣленной таксѣ съ раздѣленіемъ оной на четыре класса, но особою статьею, по распоряженіямъ, какія будутъ сдѣланы о семъ предметѣ по взаимному сношенію министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ". На этомъ основаніи составлены еще графомъ Уваровымъ правила по сему предмету, но въ

1851 году дѣло это было внесено на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и Высочайше утвержденнымъ 31 декабря того года мнѣніемъ онаго опредѣленъ постоянный свѣчный сборъ со всѣхъ губерній, гдѣ дозволено жительство евреямъ, въ 236,000 р., и министерству внутреннихъ дѣлъ предоставлено распредѣленіе онаго по губерніямъ и градоначальствамъ, смотря по обстоятельствамъ, въ коихъ части эти находятся. Министерство такъ добросовѣстно исполняетъ свои обязанности въ этомъ отношеніи, что даже безъ ходатайства мѣстнаго начальства (отсутствіе коего приписываетъ занятію дѣлами по военнымъ обстоятельствамъ) само исключило изъ раскладки на 1856 годъ керченское градоначальство и уѣзды крымскаго полуострова, а слѣдовавшую съ одесскихъ евреевъ сумму убавило на половину противъ предыдущихъ годовъ, разложивъ уменьшенныя такимъ образомъ суммы на другія губерніи. Распредѣленіе по обществамъ исчисленной на губерніи суммы предоставляется губернскимъ начальствамъ, а внутренняя раскладка по каждому обществу избираемымъ онымъ въ нечетномъ числѣ выборнымъ, причемъ изъ постановленія, министерствомъ даннаго, видно, что налагаемая на каждое семейство сумма должна быть соразмѣряема не съ числомъ душъ онаго, но съ его средствами и состояніемъ, такъ что на одно или двухъ-душное купеческое семейство можетъ быть наложенъ платежъ за 10 душъ, а напротивъ бѣдное семейство, изъ 4 или 5 душъ состоящее, можетъ платить только за одну душу и т. д. Эти справедливыя указанія, соразмѣряющія платежъ свѣчного сбора (подобно тому, какъ это было и въ правилахъ, графомъ Уваровымъ составленныхъ, да прежде всегда и вездѣ существовало) съ состояніемъ каждаго еврея, не могли понравиться аристократической части одесскаго еврейскаго населенія, на которую бы палъ платежъ довольно значительной части ежегодно назначаемыхъ на градоначальство 10,000 р. свѣчного сбора, а потому, изыскивая средства избѣгнуть сего, они обратились къ бывшему градоначальнику съ предложеніемъ замѣнить производство свѣчного сбора добавкою оклада на общій коробочный

сборъ, который падаетъ почти исключительно на бѣдныхъ и средняго состоянія евреевъ. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ обратилъ вниманіе не на эту, а на другую возникшую при исполненіи этой мѣры несправедливость, именно ту, что при просимомъ переложеніи свѣчного сбора въ общій коробочный въ платежѣ онаго будутъ участвовать и посторонніе проживающіе въ Одессѣ евреи, но городская дума, которую это переложеніе избавляло отъ огромныхъ хлопотъ по взысканію свѣчного сбора съ семействъ, расчетовъ съ ними и понужденій начальства, настаивала на приведеніи въ исполненіе означеннаго предложенія, и по положенію комитета министровъ, Высочайше утвержденному 3 мая 1855 года, разрѣшено сдѣлать это по 1-ое января 1857 года въ видѣ опыта. Такимъ образомъ, мясо и птица, и безъ того дорогія въ Одессѣ въ сравненіи съ другими сосѣдними городами, достаются бѣдному классу еврейскаго населенія—первые тремя копѣйками на фунтъ, а послѣдняя—почти вдвое дороже, нежели христіанамъ, богатые же евреи освобождены какъ отъ всѣхъ слѣдующихъ съ нихъ по положенію о коробочномъ сборѣ вспомогательныхъ окладовъ, такъ и слѣдующаго соразмѣрно состоянію ихъ свѣчного сбора, а платятъ оба сбора въ одинаковой степени съ бѣдными. Эти обстоятельства заслуживаютъ особеннаго вниманія вашего сіятельства, и справедливость требуетъ настоятельнаго отвращенія оныхъ при предстоящемъ нынѣ составленіи и утвержденіи смѣты коробочнаго сбора на четырехлѣтіе съ 1857—1861 г.г.“.

Записка ст. сов. Бирилевича имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что представленныя въ іюнѣ 1856 года градской думой мѣроположенія о коробочномъ сборѣ, но опять таки безъ всякаго упоминанія о вспомогательномъ сборѣ, были оставлены безъ утвержденія, при чемъ графъ А. Г. Строгановъ предложилъ военному губернатору принять энергическія мѣры къ исполненію его неоднократныхъ распоряженій относительно одновременнаго введенія обоихъ сборовъ, выразивъ надежду, что „мѣра эта поведетъ къ

уменьшенію акциза на употребляемыя евреями въ пищу кошерное мясо и птицу“.

Но и на этотъ разъ требованіе высшей администраціи не достигло цѣли. Опять состоялось общее собраніе членовъ думы и совѣщательной коммиссіи изъ „зажиточныхъ евреевъ“, и снова были выдвинуты прежніе аргументы, среди которыхъ главное мѣсто занимало то соображеніе, что всѣ общественныя нужды съ избыткомъ покрываются коробочнымъ сборомъ и что нѣтъ надобности обременять мѣстныхъ евреевъ, достаточно пострадавшихъ во время войны, новыми налогами, для того только, чтобы собранная сумма хранилась безъ употребленія. Соображеніе это—говорится въ рапортѣ градской думы отъ 13 іюля 1851 года на имя одесскаго градоначальника графа Алопеуса—общее присутствіе вполнѣ раздѣляетъ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ еврейскіе дома, лавки и магазины,—единственный, можно сказать, источникъ, на который въ Одессѣ по закону долженъ пасть вспомогательный сборъ,—заложены въ приказѣ и у частныхъ лицъ, и домовладѣльцы не въ состояніи уплачивать даже процентовъ за занятыя суммы, и что, по всей вѣроятности, нужно немалое время, пока владѣльцы выйдутъ изъ подъ вліянія столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Кромѣ того, если въ видахъ осуществленія вспомогательнаго сбора допустить самое ничтожное уменьшеніе акциза съ покупаемаго евреями кошернаго мяса, то это уменьшеніе почти ничѣмъ не облегчитъ евреевъ, не имѣющихъ недвижимости, тогда какъ для осѣдлыхъ евреевъ вспомогательный сборъ будетъ слишкомъ ощутителенъ, тѣмъ болѣе, что не всѣхъ же евреевъ, владѣющихъ домами, можно назвать безъ исключенія зажиточными, равнымъ образомъ нельзя назвать исключительно бѣднымъ классомъ тѣхъ евреевъ, кои не имѣютъ недвижимости, потому что въ числѣ сихъ евреевъ очень много такихъ, которые имѣютъ значительные наличные капиталы и производятъ обширную торговлю. Наконецъ, при введеніи вспомогательнаго сбора и, слѣдовательно, при обложеніи домовладѣльцевъ извѣстнымъ процентомъ съ доходовъ зда-

ній, сборъ этотъ можетъ падать косвеннымъ образомъ и на христіанъ, потому что въ еврейскихъ домахъ живутъ и христіане, а при взысканіи съ доходовъ сихъ домовъ опредѣленнаго процента на вспомогательный сборъ домовладѣльцы, заботясь о возмѣщеніи увеличивающихся расходовъ, по необходимости будутъ дѣлать надбавки наемныхъ цѣнъ Что же относится до взысканія процентовъ съ капиталовъ, остающихся послѣ умершихъ евреевъ, то сборъ этотъ, какъ случайный, малозначительный и неудобоисполнимый , по затрудненію въ приведеніи въ извѣстность степени капиталовъ, остающихся послѣ умершихъ евреевъ, не представляетъ собою надежнаго пособія для коробочнаго сбора. По симъ соображеніямъ полагалось бы справедливымъ вспомогательный сборъ въ Одессѣ, если не навсегда оставить безъ введенія, то по крайней мѣрѣ отложить установленіе онаго до существенной въ томъ надобности или вообще до лучшихъ обстоятельствъ времени".

Рапортъ думы былъ детально разсмотрѣнъ графомъ А. Г. Строгановымъ, который въ предложеніи своемъ на имя военнаго губернатора отъ 10 августа 1856 года поставилъ думѣ на видъ неимовѣрно высокую плату, взимаемую откупщикомъ въ размѣрѣ 10—12 коп. съ рѣзки птицы, которой евреи преимущественно питаются по субботамъ и праздничнымъ днямъ, прибавивъ, что главнымъ основаніемъ для требуемаго имъ установленія вспомогательнаго сбора служитъ то обстоятельство, что „черезъ отсутствіе таковаго акцизъ по общему коробочному сбору бываетъ довольно высокъ и дѣлаетъ для недостаточныхъ евреевъ недоступными употребляемое въ пищу мясо, птицу и прочіе предметы жизненныхъ потребностей". Настаивая поэтому на немедленномъ составленіи думою мѣроположеній о вспомогательномъ сборѣ, графъ А. Г. Строгановъ присовокупляетъ, что сборъ этотъ установленъ во всѣхъ другихъ еврейскихъ обществахъ новороссійскаго края, „черезъ что оказывается возможность назначать самый незначительный акцизъ на предметы первой необходимости", и что „ни одна дума или ратуша не объясняетъ затрудненій ко взысканію въ вспомогатель-

ный коробочный сборъ процентовъ съ капиталовъ, остающихся послѣ умершихъ евреевъ".

Послѣ такого настойчиваго требованія генералъ-губернатора дума приступила, наконецъ, къ приготовительнымъ дѣйствіямъ по введенію вспомогательнаго сбора, и въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" появилось 12 сентября 1856 года объявленіе, въ силу котораго евреи, владѣющіе недвижимой собственностью въ предѣлахъ одесскаго градоначальства, приглашались доставлять удостовѣренныя полиціей свѣдѣнія о своихъ доходахъ, а евреямъ, къ которымъ переходятъ по наслѣдству денежные капиталы, предлагалось сообщить думѣ о размѣрѣ наслѣдуемыхъ ими суммъ. Кромѣ того, дума предложила полиціи имѣть строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ евреями требованій закона касательно вспомогательнаго коробочнаго сбора.

Дальше этихъ приготовительныхъ дѣйствій дѣло, однако, не пошло. 14 октября 1856 года состоялось засѣданіе думы подъ предсѣдательствомъ откомандированнаго генералъ - губернаторомъ „для содѣйствія скорѣйшему и успѣшному разрѣшенію вопроса" ст. сов. Велихова и при участіи „зажиточныхъ евреевъ". И все пошло опять по старому. Представители еврейскаго общества, какъ удостовѣряетъ протоколъ засѣданія, „встрѣтили съ полной душевной признательностью переданную имъ заботливость графа А. Г. Строганова объ обезпеченіи продовольствія людей еврейскаго сословія, въ особенности бѣднѣйшаго класса, посредствомъ уменьшенія акциза на кошерное мясо и за рѣзаніе птицы, съ тѣмъ, чтобы для покрытія расходовъ по еврейскому обществу былъ введенъ вспомогательный сборъ", но при этомъ они единогласно объявили, что „введеніе вспомогательнаго сбора представляетъ много трудностей по той системѣ, которая указана въ Положеніи о коробочномъ сборѣ, не говоря уже о томъ, что для приведенія въ исполненіе этой мѣры требуется немалое время, тогда какъ къ 1 января 1857 года должны быть непремѣнно подготовлены положительныя денежныя средства для покрытія нуждъ

общества". На этомъ основанiи дума опять таки признала возможнымъ оставить по-прежнему одинъ общiй коробочный сборъ съ уменьшенiемъ только акциза на мясо въ размѣрѣ 1/2 коп. съ фунта изъ уваженiя къ благодѣтельной цѣли и стремленiю высшаго начальства „къ облегченiю положенiя людей недостаточнаго состоянiя".

Такимъ образомъ, вспомогательный коробочный сборъ, несмотря на длившуюся цѣлый годъ переписку и на оказанное начальникомъ края содѣйствiе „скорѣйшему и успѣшному разрѣшенiю вопроса", такъ и остался невведеннымъ въ Одессѣ.

Объ устройствѣ еврейскаго народа въ Россiи.

Въ 1830 году правительствомъ учрежденъ былъ особый комитетъ для опредѣленiя мѣръ кореннаго преобразованiя евреевъ, обитающихъ въ Россiи. Комитетъ этотъ, функцiонировавшiй въ теченiи двѣнадцати лѣтъ, поставилъ себѣ задачей всесторонне изслѣдовать бытъ евреевъ съ экономической и духовной стороны и въ предѣлахъ своей задачи выработалъ записку „объ устройствѣ еврейскаго народа въ Россiи". Матерiаломъ для составленiя этой записки, разосланной въ 1841 году всѣмъ генералъ-губернаторамъ вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ о цѣлесообразности принятiя нѣкоторыхъ поощрительныхъ и ограничительныхъ мѣръ, направленныхъ къ обезпеченiю намѣченныхъ правительствомъ реформъ, служили, между прочимъ, труды привлеченныхъ комитетомъ къ участiю въ его работахъ ученыхъ евреевъ, изъ которыхъ часто упоминаются имена директора одесскаго еврейскаго училища Штерна и учителя варшавской еврейской школы Гезеановскаго. Нечего говорить, что въ настоящее время записка комитета, нигдѣ еще не появившаяся въ печати, должна быть признана чрезвычайно

интереснымъ документомъ, важнымъ, при томъ, не только по историческому своему значенію, но и потому, что онъ даетъ возможность болѣе или менѣе безошибочно судить, какіе плоды принесли заботы правительства о внесеніи новой струи въ жизнь русскаго еврейства. У составителей записки не было никакихъ предвзятыхъ взглядовъ. Всѣ ихъ сужденія основаны на донесеніяхъ компетентныхъ лицъ и подкрѣплены массою ссылокъ на научные источники. Нельзя, поэтому, сомнѣваться въ томъ, что въ запискѣ вполнѣ вѣрно обрисованъ бытъ русскихъ евреевъ въ началѣ истекшаго столѣтія. Тѣмъ любопытнѣе посмотрѣть да посравнить „вѣкъ нынѣшній съ вѣкомъ минувшимъ“, и эти невольно напрашивающіяся сопоставленія и размышленія о томъ, что достигнуто въ теченіи семидесяти лѣтъ, побуждаютъ насъ посвятить содержанію записки, представляющей собою огромный фоліантъ, изъ котораго намъ приходится, конечно, заимствовать только наиболѣе существенныя мѣста, настоящій очеркъ.

Считаемъ, однакожъ, необходимымъ оговориться и обратить вниманіе читателей на то, что въ настоящемъ очеркѣ, какъ въ большинствѣ нашихъ статей, основанныхъ на архивныхъ данныхъ, рѣчь идетъ о *прошломъ*, а не о *настоящемъ*. Такъ, напримѣръ, авторы записки останавливаются главнымъ образомъ на связи, замѣчаемой ими между соціальной и духовной жизнью русскихъ евреевъ, и приходятъ къ заключенію, что эта неприглядная жизнь является результатомъ основъ ихъ вѣроученія. Для этой цѣли они и посвящаютъ значительную часть своего труда характеристикѣ талмуда и вліянія его на еврейскую массу. Но тутъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ сгруппированныя въ запискѣ свѣдѣнія, представляя глубокій историческій интересъ, могутъ служить лишь матеріаломъ для изслѣдованія памятной эпохи, когда правительство проявило столько заботливости и попеченія о судьбѣ еврейскаго населенія въ Россіи. Судить-же по этимъ свѣдѣніямъ о настоящемъ положеніи евреевъ—нѣтъ положительно никакой возможности, такъ какъ за истекшіе семьдесятъ лѣвъ евреи не только

на западѣ Европы, но и въ Россіи успѣли пріобщиться къ общечеловѣческой культурѣ, и умственно-нравственная физіономія ихъ значительно измѣнилась. Достаточно вспомнить, съ какимъ трудомъ сіонизмъ, это искусственное движеніе въ сферахъ современнаго еврейства, пролагаетъ себѣ путь въ еврейскую массу, чтобы придти къ убѣжденію, что если сепаратизмъ и составляетъ главную тенденцію талмудическаго ученія, то ученіе это само по себѣ уже не имѣетъ въ глазахъ массы прежняго авторитетнаго значенія. Такимъ образомъ мы видимъ, что духъ времени и прогрессъ взяли свое и что если сужденія авторовъ записки отличаются правдивостью и обоснованностью, то и вызванныя этими сужденіями правительственныя мѣропріятія не остались безрезультатными.

Но обратимся къ содержанію записки.

I.

Отсутствіе между евреями—говорится въ введеніи—всякаго полезнаго труда и вредныя занятія ихъ мелочной промышленностью, сопровождаемой всякаго рода обманами и хитростями, вынуждали правительство употреблять противъ евреевъ разныя частныя мѣры ограниченія или поощренія къ земледѣлію и другимъ полезнымъ занятіямъ, но мѣры сіи, при недостаткѣ общаго плана кореннаго преобразованія еврейскаго народа, не имѣли успѣха, и евреи по прежнему остаются въ состояніи бродяжническомъ и вредномъ для государственнаго благоустройства. Почему, дабы со всей основательностью достигнуть устройства еврейскаго народа, необходимо изслѣдовать коренныя причины упорнаго отчужденія его отъ общаго гражданскаго быта и на сихъ изслѣдованіяхъ основать систему полнаго преобразованія сего народа соотвѣтственно намѣреніямъ правительства.

Обращаясь къ основнымъ началамъ религіознаго ученія евреевъ, въ которыхъ кроются причины ихъ отчужденности и замкнутости, составители записки указываютъ на то, что ожиданіе пришествія Мессіи всегда составляло главный догматъ еврейской

вѣры, основаніе политическаго и гражданскаго устройства еврейскаго народа, оплотъ и надежду его во всѣхъ несчастныхъ переворотахъ Іудеи. По разрушеніи Іерусалимскаго храма, когда самостоятельности евреевъ угрожали, съ одной стороны, возникающее христіанство, а съ другой—могущество Рима, еврейскіе раввины, желая сохранить національный духъ своего народа, разсѣяннаго тогда по всему пространству римской монархіи, и не имѣя возможности дѣйствовать открытой силою, рѣшились распространить ученіе, которое, утверждая въ евреяхъ надежду на скорое пришествіе Мессіи, долженствовало удержать ихъ отъ соединенія съ христіанами. Изъ сего ученія раввиновъ въ продолженіи первыхъ шести вѣковъ христіанской эры составилась особая священная для евреевъ книга *Талмудъ*.

Талмуду приписывается божественное происхожденіе, значеніе сборника религіозныхъ истинъ, объявленныхъ ангелами и составляющихъ слова живого Бога. Ученіе Талмуда, питая въ евреяхъ самое глубочайшее презрѣніе къ народамъ другихъ вѣръ и запрещая всякое съ ними соединеніе, утверждаетъ слѣдующія правила: 1) Евреи должны почитать пребываніе свое во всякой другой землѣ, кромѣ Палестины, плѣномъ. Они будутъ избавлены отъ чуждаго ига и возвращены въ истинное свое отечество пришествіемъ Мессіи, а потому должны обращать всю свою дѣятельность на занятія, которыя, не привязывая ихъ къ чужой землѣ, доставляютъ имъ возможность выйти изъ нея со всѣми плодами ихъ пріобрѣтеній. 2) Евреи въ самомъ плѣну, составляя первый народъ на землѣ, должны заниматься тѣми предметами дѣятельности, которые, не заключая въ себѣ труда, даютъ болѣе средствъ къ господству надъ прочими, какъ въ промышленности, такъ и по торговлѣ. 3) Евреи, какъ первый народъ въ политическомъ отношеніи, составляютъ на всей землѣ одно общество; они должны питать презрѣніе ко всякому знанію, кромѣ знанія своихъ обрядовъ и законовъ, внушающихъ имъ, вмѣсто правильныхъ свѣдѣній, хитрости и обманы. 4) Евреи обязаны повиноваться болѣе

своей собственной власти, нежели органамъ правительства, почитать ближними только своихъ собратій, и потому имъ разрѣшается похищеніе, ложная присяга и другія злоупотребленія закона во вредъ христіанъ. 5) Евреи не должны въ тяжбахъ своихъ разбираться у иновѣрныхъ судей. Нарушающій сей законъ есть злодѣй, котораго еврейскіе судьи могутъ принудить проклятіемъ освободить соперника отъ рукъ иноязычныхъ. 6) Еврея, продающаго личность и имущество собрата своего въ руки иновѣрцевъ, дозволяется убить. Кто сдѣлаетъ доносъ на цѣлое еврейское общество, того дозволяется оклеветать предъ язычниками.

Таковы основныя положенія талмуда, подкрѣпляемыя въ запискѣ массою цитатъ. Неудивительно, конечно, что, по заключенію составителей записки, „въ вѣрѣ евреевъ заключаются всѣ основанія того необыкновеннаго характера, который, отдѣляя ихъ отъ людей другихъ вѣръ въ началахъ, родѣ и оборотахъ промышленности и въ образѣ жизни общественной и домашней, служитъ главнымъ источникомъ безпорядковъ, причиняющихъ вредъ какъ самимъ евреямъ, такъ и прочимъ подданнымъ государства“. Въ запискѣ, между прочимъ, указывается на то, что, по собственному сознанію нѣкоторыхъ евреевъ, всѣ несчастія ихъ народа, отверженнаго отъ гражданскихъ обществъ, происходятъ отъ суевѣрія и фанатизма, внушаемаго талмудомъ, который, будучи составленъ въ видахъ и намѣреніяхъ противуборствовать разрушенію самостоятельности Іудеи во времена римлянъ, не можетъ существовать въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ безъ обоюднаго вреда и для евреевъ и для другихъ народовъ. „Но если суевѣріе евреевъ-талмудистовъ полагаетъ имъ препятствіе къ гражданскому соединенію, то секта изувѣровъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *хасидимовъ*, основывающихъ вѣру и познанія на кабаллистикѣ (наукѣ чиселъ и фигуръ), поставляетъ рѣшительную преграду гражданскому устройству“.

II.

Во время гоненія евреевъ въ Испаніи, Италіи и Германіи большое число сего народа перешло во владѣніе Польши. Съ возвращеніемъ отъ Польши отторженныхъ русскихъ областей присоединены были къ числу подданныхъ Россіи и евреи, въ сихъ областяхъ обитавшіе. Въ концѣ XVIII столѣтія число евреевъ въ Россіи увеличилось вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ правительствами сосѣдственныхъ государствъ къ удаленію евреевъ, неимѣющихъ осѣдлости и средствъ существованія. Всѣ эти бродяжничествующія толпы разсѣялись въ пограничныхъ нашихъ губерніяхъ.

Любопытны приводимыя въ запискѣ цифры, относящіяся къ 1830 году и основанныя на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ существовавшимъ тогда департаментомъ разныхъ податей и сборовъ. Нынѣ—говорятъ составители записки—общее число евреевъ въ Россіи, кромѣ Царства Польскаго, простирается до 542,501 души мужскаго пола, въ томъ числѣ купцовъ 14,248, мѣщанъ и цеховыхъ 523,025 и земледѣльцевъ 3,483. „Впрочемъ, исчисленія сего нельзя считать вѣрнымъ: евреи скрываютъ настоящее число своего населенія. Такъ, въ 1814 г., въ одной Волынской губерніи открыто утаенныхъ 64,324 души мѣщанъ и 215 купцовъ. Въ 1818 г., при повѣркѣ ревизіи, въ новомъ счетѣ прибавилось 112,000 душъ, но дѣла показали, что и сіе число не было истиннымъ.

Евреи, жительствующіе въ Россіи, сохраняютъ постоянно всѣ правила религіозныхъ своихъ заблужденій и, не переставая почитать пребываніе свое здѣсь временнымъ плѣномъ, строго исполняютъ всѣ обряды, въ семъ духѣ установленные, и въ праздникъ Исхода совершаютъ молитвы о благословеніи плодородіемъ отечественной земли ихъ—Палестины.

Религіозныя заблужденія, отдѣляющія евреевъ отъ общаго гражданскаго быта въ Россіи, поддерживаются разными обстоя-

тельствами и учрежденіями. Прежде всего подлежитъ отнести сюда способъ образованія юношества. Каждое дитя мужскаго пола, начиная съ четырехлѣтняго возраста, ввѣряется одному изъ наставниковъ, составляющихъ многочисленный классъ домашнихъ учителей, погруженныхъ въ глубочайшее невѣжество и суевѣріе. Подъ вліяніемъ сихъ фанатиковъ дѣти получаютъ всѣ вредныя и разрушительныя понятія о нетерпимости къ другимъ народамъ. Второе важнѣйшее препятствіе къ сближенію евреевъ съ христіанами есть *кагалы*. Они учреждены собственно по предметамъ сборовъ и повинностей, но евреи, желая сохранить собственный судъ подъ названіемъ *„Бесъ-Динъ“*, скрываютъ его подъ общимъ именемъ кагала. Сверхъ того законъ о третейскихъ судахъ даетъ евреямъ возможность прибѣгать въ дѣлахъ всякаго рода къ кагалу, который они по числу членовъ могутъ называть судомъ третейскимъ. Такимъ образомъ, кагалы, захвативъ въ свои руки всѣ части внутренняго управленія, полицейскаго, хозяйственнаго и судебнаго, и дѣйствуя по законамъ еврейскимъ, признаваемымъ за законы божественные, пріобрѣли неограниченную власть надъ евреями, уничтожили вліяніе раввиновъ, устраняютъ всякое предпріятіе къ распространенію образованія и въ личныхъ своихъ интересахъ удерживаютъ народъ въ подобострастіи до такой степени, что бѣдные евреи, опасаясь мщенія, не осмѣливаются обнаружить тайныхъ своихъ желаній къ устройству своего быта. Могущество кагаловъ дало поводъ думать однимъ, что они есть орудіе сильнѣйшихъ членовъ еврейскаго общества, пользующихся плодами предосудительной промышленности бѣдныхъ евреевъ, а другимъ, что надъ кагалами существуетъ между евреями тайное судилище, дѣйствію котораго приписываютъ случающіяся между евреями убійства съ истязаніями. Третье, не менѣе важное препятствіе, какъ по свойству своему, такъ и по зависимости отъ кагаловъ, есть учрежденіе такъ называемаго коробочнаго сбора. По собственному отзыву евреевъ (тутъ авторы записки ссылаются на доставленное въ Государственную Канцелярію въ 1833 году Базиліусомъ Штерномъ

черезъ графа М. С. Воронцова исчисленіе и другимъ свѣдѣніямъ, коробочный сборъ въ общей сложности долженъ простираться до 20 р. и болѣе съ души, но правительство не имѣетъ положительныхъ свѣдѣній о сихъ суммахъ. Извѣстно только, что въ Царствѣ Польскомъ сборъ сей показывается не болѣе 4 р. 50 к. Такимъ образомъ, употребленіе огромныхъ суммъ, собираемыхъ въ коробку, составляетъ тайну кагаловъ, которые, пользуясь средствами коробочнаго сбора, пріобрѣтаютъ еще болѣе силы къ удержанію массы народа въ своей зависимости, отвращая всякое вліяніе правительства. Наконецъ. въ четвертыхъ, самая одежда евреевъ, отдаляетъ ихъ отъ соединенія съ коренными жителями; между тѣмъ, не имѣя ничего общаго съ ихъ религіозными учрежденіями. одежда сія есть древняя польская, которую поляки, измѣнивъ во время разныхъ политическихъ переворотовъ, сохранили евреямъ для отличія ихъ отъ господствовавшаго народа. Сіе вредное отличіе въ одеждѣ полагаетъ рѣзкую черту между коренными жителями и евреями и, такъ сказать, отталкиваетъ ихъ, какъ народъ презрѣнный, отъ всякаго сообщенія съ христіанами.

Останавливаясь далѣе на печальномъ состояніи еврейской массы, на господствующемъ среди послѣдней пауперизмѣ, составители записки замѣчаютъ, что если есть богатые между ними, то „сіе происходитъ болѣе отъ удачныхъ случаевъ въ ихъ смѣлыхъ предпріятіяхъ, нежели отъ основательныхъ разсчетовъ“. Тутъ же, въ подтвержденіе того, что еврейская предпріимчивость весьма мало способствовала лѣтъ 70 назадъ правильному развитію торговли, указывается на то, что „усилія правительства открыть на берегахъ Чернаго моря полезную для государства торговлю—не имѣли успѣха, какого надлежало ожидать, главнѣйше отъ той причины, что евреи, обладая промышленностью въ западныхъ губерніяхъ, раздѣлили и держатъ ее въ такихъ мелкихъ частяхъ, что она не можетъ собрать силъ для предпріятій и оборотовъ въ большомъ видѣ“.

III.

Правительство,—говорится въ той части записки, которая относится къ разрѣшенію вопроса о цѣлесообразности нѣкоторыхъ принимавшихся въ разныя времена мѣръ противъ евреевъ,—получая безпрестанно донесенія о вредныхъ дѣйствіяхъ евреевъ, прибѣгало, между прочимъ, и къ ограниченію правъ послѣднихъ, а также свободы ихъ передвиженія. Все это оказалось, однако, безуспѣшнымъ, и въ 1804 году издано было особое положеніе, имѣющее цѣлью обратить евреевъ къ правильной промышленности, мануфактурной, ремесленной и земледѣльческой. „Сколько цѣль эта ни была полезна, но избранное для сего средство, заключающееся преимущественно въ удаленіи евреевъ изъ селеній, не могло быть приведено въ дѣйствіе, а потому и виды правительства остались неисполненными". Въ 1809 году былъ составленъ новый комитетъ для пересмотра положенія 1804 года, но въ теченіи 6 лѣтъ оставался въ бездѣйствіи и, наконецъ, въ 1818 году закрылся. Вскорѣ жалобы на злоупотребленія евреевъ стали повторяться, и правительство вновь обратило вниманіе на устройство еврейскаго народа. Два комитета послѣдовательно занимались еврейскимъ вопросомъ. Предварительная заготовка матеріаловъ была возложена на комитетъ, состоявшій изъ директоровъ департаментовъ, а главную работу принялъ на себя комитетъ, въ составъ котораго вошли министры внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ и народнаго просвѣщенія. Послѣднему комитету и удалось привести къ окончанію проектъ новаго положенія о евреяхъ, удостоеннаго 13 апрѣля 1836 года Высочайшаго утвержденія.

„Разсматривая положеніе 1835 года,—говорятъ составители записки,—нельзя не согласиться, что оно обнимаетъ только внѣшнее устройство евреевъ, не касаясь уничтоженія коренныхъ причинъ, изъ которыхъ проистекаетъ зло настоящаго ихъ состоянія. Три главные предметы составляютъ положеніе: 1) *Общее поли-*

цейское устройство евреевъ, какъ-то: назначеніе ихъ мѣстопребыванія, правила объ отлучкѣ изъ мѣстожительствъ, постановленія относительно наружнаго богослуженія и т. п. Здѣсь большей частью подтвержденъ порядокъ, уже существовавшій, безъ особаго измѣненія. 2) *Переходъ евреевъ въ земледѣльческое состояніе*. Въ семъ случаѣ дается евреямъ только *дозволеніе* съ нѣкоторыми льготами, но безъ всякаго нравственнаго побужденія ихъ ко вступленію въ сіе сословіе и къ прочной земледѣльческой осѣдлости. Ясно, что евреи, имѣя глубокое отвращеніе, по своимъ религіознымъ правиламъ, отъ сего рода жизни, какъ привязывающей къ осѣдлости, никогда-бы не воспользовались симъ дозволеніемъ, что и доказывается на опытѣ малымъ числомъ доселѣ вступившихъ въ земледѣльческій классъ. Въ особенности дозволеніе сіе не могло произвести ожидаемыхъ послѣдствій потому, что тѣмъ же самымъ положеніемъ предоставляется евреямъ полное право на вступленіе въ мѣщане и, слѣдовательно, дается возможность оставаться при той же мелочной промышленности, которой они до сего занимались и которая согласна и съ ихъ религіозными заблужденіями. Хотя же съ симъ вмѣстѣ открывается для евреевъ возможность устраивать фабрики и заводы, но здѣсь опять слѣдуетъ повторить, что дозволеніе ничего не значитъ, когда не возбуждаетъ въ народѣ собственнаго стремленія воспользоваться даруемымъ ему правомъ. Должно при семъ замѣтить, что евреямъ и прежде не былъ закрытъ путь дѣлаться добрыми и полезными гражданами, но въ томъ и заключается все затрудненіе, чтобы побудить ихъ идти по сему пути мѣрами дѣйствительными. 3) *Образованіе еврейскаго юношества*. Здѣсь также дается токмо дозволеніе евреямъ отдавать своихъ дѣтей въ общія христіанскія училища Имперіи съ правомъ пользоваться ихъ преимуществами; но какъ сіе дозволеніе находится въ полномъ противорѣчіи съ религіознымъ фанатизмомъ евреевъ, возбуждая въ нихъ, особенно въ кагалахъ, прямое опасеніе что правительство желаетъ поколебать въ еврейскомъ юношествѣ нынѣшнія ихъ понятія и

правила, то мѣра сія еще менѣе имѣла успѣха, нежели всѣ прочія“.

Тутъ, впрочемъ, въ запискѣ упоминается о функціонировавшихъ въ то время трехъ еврейскихъ школахъ въ Одессѣ, Умани и Кишиневѣ, но указывается на то, что первыя два заведенія возникли еще до изданія положенія, по частной иниціативѣ ревнителей просвѣщенія и при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ тѣ, въ которыя были поставлены прочія еврейскія общины въ Россіи.

Переходя затѣмъ къ изданнымъ въ 1839 году правиламъ о коробочномъ сборѣ и констатируя явныя злоупотребленія этимъ сборомъ со стороны кагаловъ, составители записки приходятъ къ заключенію, что „законодательство наше, дѣйствуя мѣрами полицейскихъ ограниченій или поощреній, не достигаетъ своей цѣли“. „Мѣры ограниченій—разсуждаютъ они далѣе—всегда представляли величайшія затрудненія, и если были исполнены по губерніямъ Витебской и Могилевской, то не оправдали ожиданій: евреи, выведенные тамъ изъ селъ и деревень, разорились, а состояніе поселянъ не улучшилось. Мѣра поощренія къ фабричной промышленности и земледѣлію также не имѣла значительнаго успѣха: изъ 542.000 евреевъ только 3483 перешли въ земледѣльческое состояніе, но и изъ нихъ нѣкоторые возвращаются въ прежній свой бытъ“. Все это приводитъ авторовъ записки къ убѣжденію, что частныя или полицейскія ограниченія недостаточны для обращенія сего многочисленнаго класса людей къ полезнымъ занятіямъ. „Евреи съ мученическимъ терпѣніемъ переносили самыя жестокія гоненія въ западной Европѣ и сохранили типъ своей національности неизмѣнно, доколѣ правительства не приняли на себя труда глубже изслѣдовать причины, отдѣляющія евреевъ отъ общаго гражданскаго устройства, дабы дѣйствовать на сіи причины въ самомъ ихъ основаніи“.

IV.

Значительная часть разсматриваемой записки трактуетъ о мѣрахъ, принятыхъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ для преобразованія экономическаго и духовнаго состоянія евреевъ, и о достигнутыхъ результатахъ.

Въ *Австріи* императоръ Іосифъ II, убѣдясь въ невозможности исправить закоренѣлое суевѣріе евреевъ, обратилъ все свое вниманіе на образованіе еврейскаго юношества. Для этой цѣли предписано было подготовить въ христіанскихъ училищахъ цѣлый штатъ еврейскихъ преподавателей, затѣмъ учредить особыя еврейскія школы, а для парализованія вреднаго вліянія Талмуда предоставить самимъ евреямъ составить для своихъ нуждъ, подъ контролемъ высшей правительственной власти, учебныя книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы отъ лицъ, желающихъ вступить въ бракъ, требовали представленія свидѣтельствъ объ окончаніи курса въ одной изъ спеціально открытыхъ для евреевъ школъ. Австрійское правительство сдѣлало также попытку замѣнить коробочный сборъ общей государственной податью, но замѣна эта оказалась неудачной по нѣкоторымъ финансовымъ соображеніямъ, среди которыхъ, конечно, не послѣднюю роль играла обременительность налога для еврейскаго населенія и отсутствіе, какъ впослѣдствіи и въ Россіи, должнаго контроля.

Въ *Баваріи* и великомъ герцогствѣ *Баденскомъ* преобразованіе евреевъ начато было съ вмѣненія еврейскимъ дѣтямъ въ обязанность посѣщать обще-государственныя учебныя заведенія. Открытіе спеціальныхъ еврейскихъ школъ поставлено было въ зависимость отъ утвержденія правительствомъ учительскаго персонала. Программа подобныхъ школъ была ограничена преподаваніемъ лишь пятикнижія и пророковъ.

Въ *Пруссіи* ограниченіе правъ евреевъ выразилось въ изданномъ 17 апрѣля 1797 года положеніи, въ силу котораго

прусскіе евреи раздѣлены были на два разряда: 1) имѣющіе средства къ существованію и 2) бродяги и нищіе. Первые удостоены были покровительства закона и оставлены на жительствѣ въ городахъ и деревняхъ съ правомъ заниматься свойственными ихъ состоянію промыслами и ремеслами. Кромѣ того особенно поощрялись евреи-земледѣльцы, которымъ дозволялось въ первые три года водворенія, въ интересахъ ознакомленія съ хлѣбопашествомъ, нанимать работниковъ изъ христіанъ. Бродяги же и нищіе были прямо высланы изъ предѣловъ королевства и цѣлыми массами поселились въ Польшѣ. Для образованія еврейскаго юношества были учреждены въ главныхъ городахъ Пруссіи особыя школы, въ которыхъ преподавались, сверхъ еврейскаго закона, нѣмецкій и польскій языки и ариѳметика. Учителя назначались правительствомъ и получали содержаніе отъ казны. Въ эти школы евреи обязаны были посылать своихъ дѣтей, и только въ деревняхъ и маленькихъ мѣстечкахъ имъ дозволено было пользоваться услугами домашнихъ наставниковъ. Для обученія же дѣтей правиламъ вѣры была составлена на нѣмецкомъ языкѣ особая книга, въ которой объяснялись обязанности еврея не только предъ своими единовѣрцами, но и въ отношеніи согражданъ другихъ исповѣданій и пріютившей его страны.

Во *Франціи* коренное преобразованіе евреевъ было ввѣрено императоромъ Наполеономъ I собраннымъ въ Парижѣ представителямъ всѣхъ еврейскихъ общинъ французской имперіи и итальянскаго королевства. Собраніе это носило названіе *великаго Синедріона*. Сознавая всю важность перевоспитанія подростающаго поколѣнія, правительство возложило на членовъ Синедріона обязанность опредѣлить, какія именно наставленія или истолкованія еврейскаго закона, сообразныя съ законами гражданскими, могутъ быть предметомъ преподаванія. Подъ наблюденіемъ Синедріона образована была въ каждомъ департаментѣ консисторія, а въ Парижѣ—центральная консисторія. Главная задача всѣхъ консисторій заключалась въ строгой провѣркѣ дѣйствій раввиновъ и въ на-

правленіи евреевъ къ полезнымъ занятіямъ и производительному труду. Члены консисторій считались на государственной службѣ и, такимъ образомъ, высшее духовенство евреевъ сдѣлалось орудіемъ въ рукахъ правительства и по мѣрѣ силъ способствовало осуществленію всѣхъ его намѣреній и предначертаній. Тѣмъ не менѣе, въ достаточно ограниченномъ правовомъ положеніи французскихъ евреевъ не послѣдовало на первыхъ порахъ никакихъ измѣненій. Напротивъ, тремя декретами отъ 17 марта 1808 года были оставлены на десять лѣтъ всѣ раньше изданныя законоположенія о евреяхъ съ правомъ продлить ихъ дѣйствіе на дальнѣйшее время, покуда не выяснятся практическія послѣдствія задуманной реформы.

Приводя всѣ эти свѣдѣнія и констатируя сравнительно быстрое сліяніе евреевъ на западѣ Европы съ кореннымъ населеніемъ, составители записки выдвигаютъ просвѣщеніе, какъ наиболѣе испытанное средство, могущее окончательно искоренить вредное вліяніе евреевъ, и настойчиво рекомендуютъ принятіе радикальныхъ мѣръ, такъ какъ „иностранныя государства, улучшая состояніе евреевъ, удалили отъ себя бродягъ и нищихъ“, а между тѣмъ „люди сіи переходомъ въ Россію умножили токмо массу бродяжничающихъ евреевъ и увеличили затрудненія, съ пребываніемъ сего народа въ западномъ краѣ сопряженныя“.

V.

Всѣ эти свѣдѣнія приводятъ составителей записки къ убѣжденію, что дѣйствія правительства должны быть обращены къ двумъ главнѣйшимъ предметамъ: 1) къ нравственно-религіозному образованію еврейскаго народа, согласно съ цѣлью общихъ гражданскихъ установленій, и 2) къ уничтоженію или ослабленію существующихъ спеціально еврейскихъ административныхъ и финансовыхъ учрежденій, отдѣляющихъ евреевъ отъ гражданскаго устройства.

Въ недавнее еще время—объясняютъ авторы записки горячо пропагандируемую ими необходимость законодательнаго урегулированія вопроса о духовныхъ интересахъ инородцевъ—христіанскія правительства почитали дѣйствіемъ вреднымъ всякое вмѣшательство въ дѣло устройства или исправленія религіозныхъ учрежденій евреевъ. Но религіи народной нельзя уничтожить ни равнодушіемъ, ни гоненіемъ со стороны правительства. Нельзя также отрицать и той истины, что правительство, открывъ въ народѣ какую либо особую моральную силу, на него дѣйствующую, не должно разрушать оной, ибо она можетъ служить надежнымъ средствомъ для пользы самого правительства. Такъ поступили недавно въ Австріи, Пруссіи и Франціи, употребивъ религію орудіемъ для устройства евреевъ. Посему, дабы произвести съ успѣхомъ нравственно-религіозное преобразованіе еврейскаго народа, слѣдуетъ опредѣлить положительныя для всѣхъ евреевъ мѣры образованія будущаго ихъ поколѣнія, согласно съ общими началами гражданскаго устройства, и соотвѣтственно съ симъ направить и самыя дѣйствія еврейскаго духовенства.

Въ предѣлахъ этой программы составители записки рекомендуютъ слѣдующія мѣропріятія: 1) Не закрывая пути для образованія евреевъ въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, учредить для нихъ особыя еврейскія училища во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ постояннаго ихъ пребыванія. 2) Обратить особое вниманіе на обученіе евреевъ русской исторіи и русскому языку, ибо ничто такъ не соединяетъ чужія племена съ народомъ господствующимъ, какъ распространеніе свѣдѣній о его исторіи и словесности. 3) Дабы отклонить вредное ученіе Талмуда, не уничтожая на первый разъ сей книги, къ которой евреи питаютъ высокое почтеніе, какъ къ закону Божьему, предоставить раввинамъ для преподаванія въ училищахъ составить и представить на утвержденіе главнаго училищнаго начальства краткій катехизисъ или наставленіе, на основаніи положенія ихъ вѣры, но сообразуясь съ общими гражданскими установленіями объ обязанностяхъ къ Государю и

отечеству и направляя понятія учениковъ къ полезному и честному труду по всѣмъ отраслямъ промышленности торговой и земледѣльческой, какъ сіе теперь наблюдается въ училищахъ, учрежденныхъ въ Одессѣ и Умани. 4) Учителей въ еврейскія училища опредѣлять изъ евреевъ по избранію училищнаго начальства, выписывая нѣкоторое число таковыхъ изъ евреевъ, получившихъ образованіе въ Пруссіи и Австріи. Польза сей послѣдней мѣры доказана уже примѣромъ Уманскаго училища, гдѣ выписанный изъ Австріи учитель, не смотря на требованія евреевъ, ввелъ преподаваніе еврейскаго закона въ духѣ общихъ гражданскихъ постановленій. 5) Домашнее преподаваніе дозволить не иначе какъ посредствомъ экзаменованныхъ учителей на общемъ основаніи о домашнихъ учителяхъ и наставникахъ. 6) Для привлеченія евреевъ въ училище постановить правиломъ, что черезъ 20 лѣтъ со дня обнародованія положенія никто не можетъ быть избранъ въ раввины, наставники и ни въ какія общественныя должности безъ аттестата объ окончаніи курса наукъ въ училищѣ или же, слѣдуя примѣру австрійскаго правительства, опредѣлить, что черезъ пятнадцать лѣтъ никто изъ евреевъ не можетъ получить дозволенія на бракъ, если не предъявитъ свидѣтельства въ томъ, что онъ обучался въ общихъ народныхъ или во вновь учрежденныхъ еврейскихъ училищахъ. 7) Для обузданія раввиновъ въ ихъ фанатизмѣ и вообще для направленія дѣйствій ихъ сообразно съ видами правительства, учредить, по примѣру еврейскихъ консисторій во Франціи, институтъ еврейскихъ губернскихъ раввиновъ. Въ семъ случаѣ принять во вниманіе представленную генералъ-лейтенантомъ Бибиковымъ мысль о губернскихъ раввинахъ, а между тѣмъ возложить на обязанность министерства народнаго просвѣщенія приготовленіе надежныхъ людей въ раввины и списки о таковыхъ доставлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ для опредѣленія ихъ къ должностямъ. 8) Какъ еврейская одежда не имѣетъ никакой связи съ религіозными установленіями, то предписать, чтобы евреи въ теченіе опредѣленнаго срока перемѣнили сію одежду

на общую, въ государствѣ употребляемую, сообразно съ состоянiемъ, къ которому они принадлежатъ. 9) По приведенiи въ дѣйствiе сихъ предположенiй, слѣдить за успѣхами ихъ и сообразно съ обстоятельствами принимать дальнѣйшiя мѣры.

VI.

На ряду съ проектируемыми нововведенiями въ запискѣ отводится не мало мѣста предложенiю объ уничтоженiи кагаловъ и измѣненiи основанной на коробочномъ сборѣ системѣ взиманiя съ евреевъ податей.

Кагалы—мотивируютъ свое мнѣнiе составители записки—составляютъ главнѣйшую силу, удерживающую евреевъ въ суевѣрiи и отчужденiи отъ общаго гражданскаго устройства. Они истребляютъ сѣмена образованiя и вѣротерпимости и ложнымъ примѣненiемъ Талмуда порабощаютъ евреевъ въ такой мѣрѣ, что бѣднѣйшiе классы, страшась мести, не смѣютъ обнаруживать тайныхъ своихъ желанiй въ пользу соединенiя подъ одни гражданскiе законы. Въ другихъ государствахъ кагалы уничтожены и этимъ только средствомъ правительства достигли благопрiятныхъ послѣдствiй въ преобразованiи еврейскаго народа. Эти соображенiя говорятъ въ пользу упраздненiя кагаловъ всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, а впослѣдствiи и въ мѣстечкахъ, передачи дѣлъ ихъ по хозяйственной части въ вѣдомство городскихъ думъ и ратушъ и назначенiя особыхъ сборщиковъ податей. „Что же касается способа взиманiя податей,—разсуждаютъ авторы записки,—то по общимъ законамъ, хотя евреи и обложены личной податью по окладу мѣщанскому, однакожъ, извѣстно, что подати сiи большей частью выплачиваются, по распоряженiю кагаловъ, изъ коробочнаго сбора. Не оспаривая удобства сего налога, посредствомъ котораго значительныя потребности евреевъ удовлетворяются косвеннымъ сборомъ съ предметовъ потребленiя и роскоши, слѣдуетъ, однакожъ, замѣтить, что коробочный сборъ, съ од-

ной сторны, даетъ кагаламъ всю власть удерживать евреевъ въ своей неограниченной зависимости, а съ другой—служитъ причиной безпечности евреевъ, ибо еврейскія общества, не обязанныя, по примѣру христіанскихъ, круговымъ ручательствомъ за исправный взносъ, не препятствуютъ членамъ своимъ вести бродячую жизнь, зная, что подати за нихъ будутъ уплачены изъ коробки". Становясь, такимъ образомъ, на сторонѣ введенія для евреевъ общей податной системы и сохраненія коробочнаго сбора лишь для духовныхъ нуждъ еврейскихъ общинъ, составители записки переходятъ къ другимъ мѣрамъ, которыя „могли бы содѣйствовать видамъ правительства и силою общественныхъ выгодъ и побужденій заставить евреевъ обратиться къ полезному труду". Мѣры эти сводятся къ слѣдующему: 1) Раздѣливъ евреевъ-мѣщанъ на два разряда, имѣющихъ осѣдлость и недвижимую собственность и необладающихъ такимъ имущественнымъ цензомъ, предоставить первымъ оставаться въ мѣщанскомъ званіи наравнѣ съ цеховыми, но безъ права жить въ селахъ и деревняхъ, гдѣ могутъ поселиться только ремесленники, а вторымъ назначить пятилѣтній срокъ для избранія постояннаго рода жизни и поступленія въ сословіе купеческое, ремесленное или земледѣльческое. 2) Приглашать состоятельныхъ евреевъ къ учрежденію фабрикъ для своихъ единовѣрцевъ, предоставивъ имъ, кромѣ существующихъ для заводской промышленности льготъ, пособія ссудами изъ коробочнаго сбора, безъ процентовъ, соразмѣрно съ обширностью заведеній и количествомъ рабочихъ. 3) Для поощренія евреевъ, поступающихъ въ земледѣльческое сословіе, сверхъ раньше уже установленныхъ для нихъ преимуществъ, опредѣлить пособіе на счетъ коробочнаго сбора, дозволивъ имъ въ первые три года, до ознакомленія съ условіями своего новаго занятія, нанимать работниковъ изъ христіанъ. Сверхъ сего на участкахъ евреевъ, поселившихся на казенныхъ земляхъ, развести, при посредствѣ управленія государственныхъ имуществъ, въ пользу евреевъ, плантаціи выгоднѣйшихъ красильныхъ растеній. 4) Для пособія евреямъ-земледѣльцамъ учредить

особыя сельскія вспомогательныя кассы по примѣру учрежденныхъ нынѣ для государственныхъ крестьянъ, отдѣливъ для сего изъ коробочнаго сбора потребную сумму. 5) По истеченіи пятилѣтняго срока, всѣхъ евреевъ, которые, не имѣя осѣдлости, не избрали ни одного изъ вышеозначенныхъ состояній, подвергнуть строжайшимъ мѣрамъ, стѣсняя ихъ, съ одной стороны, въ правахъ и способахъ привычной ихъ бродяжнической жизни и промышленности, а съ другой—учреждая съ нихъ усиленные наборы рекрутъ, съ сокращеннымъ срокомъ службы, дабы, употребляя ихъ въ арміи и флотѣ, преимущественно въ разныхъ мастерствахъ, обращать потомъ, согласно съ желаніемъ ихъ, въ цеховые ремесленники или въ состояніе земледѣльцевъ, и такимъ образомъ содѣйствовать увеличенію класса полезныхъ евреевъ, уменьшая въ то же время число безполезныхъ и вредныхъ.

Этими мѣропріятіями исчерпываются предлагаемыя въ запискѣ средства, направленныя къ устройству евреевъ, „если не скорымъ, то, по крайней мѣрѣ, надежнымъ способомъ“.

VII.

Мы уже упомянули о томъ, что главныя основанія проекта, выработаннаго особымъ комитетомъ, были сообщены генералъ-губернаторамъ, отъ которыхъ министерство внутреннихъ дѣлъ потребовало вмѣстѣ съ тѣмъ детальнаго обсужденія способовъ проведенія намѣченной реформы сообразно мѣстнымъ условіямъ. Въ этомъ смыслѣ былъ сдѣланъ запросъ графу М. С. Воронцову, какъ главному начальнику новороссійскаго края. Отвѣтъ графа является весьма интереснымъ по гуманнымъ воззрѣніямъ этого сановника, прекрасно знавшаго еврейскій бытъ и старавшагося избѣгать всего, что такъ или иначе носитъ характеръ репресалій.

Въ виду предстоявшаго упраздненія кагаловъ и передачи дѣлъ ихъ въ думы, предполагалось вмѣстѣ съ тѣмъ произвести провѣрку ревизскихъ сказокъ и рекрутскихъ очередныхъ списковъ. Тутъ возникла мысль о томъ, что подобная провѣрка ни къ чему не

поведетъ, если евреямъ не воспрещено будетъ называться нѣсколькими именами, во избѣжаніе злоупотребленій съ ихъ стороны. По этому поводу гр. М. С. Воронцовъ высказываетъ свое мнѣніе, что представляется дѣйствительно необходимымъ устранить встрѣчающіяся у евреевъ частыя перемѣны именъ и прозваній. Но такъ какъ опытъ показываетъ, что перемѣны эти происходятъ не отъ одного злоупотребленія евреевъ, а большей частью вслѣдствіе незнакомства канцелярій судебныхъ и административныхъ мѣстъ съ настоящей номенклатурой евреевъ, то онъ находитъ цѣлесообразнымъ изданіе алфавитнаго списка всѣхъ еврейскихъ именъ на русскомъ и еврейскомъ языкахъ для однообразнаго означенія этихъ именъ въ оффиціальныхъ актахъ. Къ сожалѣнію, предложенная гр. М. С. Воронцовымъ мѣра не была осуществлена, и это обстоятельство отражается и въ настоящее время довольно печальнымъ образомъ на правильной регистраціи еврейскаго населенія и даетъ себя особенно чувствовать при составленіи призывныхъ списковъ для евреевъ, отбывающихъ воинскую повинность.

Обращаясь къ дѣятельности органовъ общественнаго управленія, замѣняющихъ кагалы, гр. М. С. Воронцовъ указываетъ на то, что такъ какъ съ возложеніемъ ближайшаго управленія дѣлами еврейскихъ общинъ на думъ - послѣднимъ во многихъ случаяхъ необходимо будетъ имѣть самыя точныя и подробныя свѣдѣнія объ общественныхъ потребностяхъ евреевъ, соединенныхъ отчасти съ предметами ихъ религіи, съ которыми, конечно, гласные-христіане совершенно незнакомы, то необходимо, чтобы въ составъ городскихъ думъ вошли также и гласные-евреи.

На поставленный министерствомъ вопросъ о томъ, какіе низшіе чины земскаго суда желательны для наблюденія за евреями, гр. М. С. Воронцовъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Я нахожу, что въ мѣстахъ, гдѣ еврейскихъ жителей мало, или же гдѣ они, хотя въ значительномъ числѣ, разсѣяны среди христіанъ, наблюденіе земскаго суда по разнымъ предметамъ, къ евреямъ относя-

шимся, может быть производимо посредством старшин, сотских и десятских, назначаемых из христіан. За то там, гдѣ имѣется большое количество евреев, или же они живут отдѣльно тѣсными массами, необходимо для поддержанія порядка и для содѣйствія земской полиции замѣстить должности старшин, сотских и десятских только евреями, и в сем послѣднем случаѣ, относительно их назначенія, числа, срока службы и обязанностей, слѣдовать общим правилам, о подобных лицах вообще установленным, при чем желательно предоставлять эти должности преимущественно отставным или находящимся в безсрочном отпуску солдатам из евреев".

Большой интерес представляет взгляд графа М. С. Воронцова на значеніе раввината и на отношенія послѣдняго к духовным нуждам евреев и к числу синагог и молитвенных школ. Дѣло в том, что особый комитет, полагая, что во главѣ каждаго еврейскаго молитвеннаго учрежденія находится самостоятельное духовное лицо, внес предложеніе о значительном сокращении числа синагог и школ для того, чтобы при недостаточности достойных кандидатов общинам приходилось избирать меньше раввинов и чтобы таким путем явилась возможность болѣе упорядочить еврейское духовенство. В этих видах и было предложено поручить одному раввину нѣсколько молитвенных учрежденій с тѣм, чтобы при каждой синагогѣ находилось не болѣе двух, а при каждой молитвенной школѣ—не болѣе одного раввинскаго помощника. Такое предложеніе свидѣтельствовало, конечно, о поверхностном знакомствѣ членов комитета с строем духовной жизни евреев и с порядками их богослуженія. Этот пробѣл и взялся пополнить граф М. С. Воронцов. Раввинов,—разъясняет он в своем подробно мотивированном отвѣтѣ,—по правилам вѣры евреев и их обычаям, должно считать собственно не духовными лицами, а религіозными наставниками. Не будучи введены в это званіе каким либо обрядом вѣры, который-бы преимущественно им предостав-

лялъ власть дѣйствовать духовнымъ образомъ по домашнему или публичному служенію, раввины суть ничто иное, какъ лица, которыя, по признанному въ нихъ знанію догматовъ еврейской вѣры, опредѣляются въ обществѣ съ той цѣлью, чтобы разрѣшать несвѣдущимъ евреямъ вопросы по части религіи. За симъ они ни въ чемъ не отличаются отъ прочихъ евреевъ, которые, по правиламъ ихъ вѣры, всѣ могутъ исполнять обряды вѣнчанія, обрѣзанія, расторженія брака и погребенія. Если же вѣнчаніе и расторженіе брака исполняются большей частью самыми раввинами, то это дѣлается по принятому обыкновенію, а отчасти и потому, что обряды сіи не могутъ совершаться безъ предварительнаго о томъ донесенія раввинамъ для внесенія надлежащихъ записей въ метрическія книги. Что же касается до отправленія молитвъ публично въ синагогахъ или молитвенныхъ домахъ, то это не имѣетъ никакого отношенія къ званію раввиновъ и ихъ помощниковъ. Въ хозяйственномъ отношеніи синагоги управляются старостами (габаимъ) при помощи прислужниковъ (шамашимъ), молитвы же совершаются канторомъ (хазенъ) при участіи чтеца (коре), провозглашающаго на амвонѣ нѣсколько главъ изъ пятикнижія Моисея. „Изъ этого слѣдуетъ, что уменьшеніе числа синагогъ или молитвенныхъ домовъ не имѣетъ ничего общаго съ желаемымъ уменьшеніемъ раввиновъ. Но и безъ сего это уменьшеніе не можетъ имѣть мѣста, потому что и теперь не существуетъ ни въ какомъ еврейскомъ обществѣ въ Имперіи болѣе одного раввина“.

По существу вопроса гр. М. С. Воронцовъ присоединяется, однакожъ, къ мнѣнію комитета и высказывается также за сокращеніе числа еврейскихъ молитвенныхъ учрежденій. Основываетъ графъ свое заключеніе на томъ соображеніи, что зданія, въ которыхъ отправляются евреями общественныя молитвы, суть: 1) *синагоги* (Бесъ-гакнесесъ), опредѣленныя исключительно для молитвенныхъ собраній евреевъ и запираемыя каждый разъ по окончаніи богослуженія; 2) *общественные учебные дома* (Бесъ-гамидрашъ), назначаемые, главнымъ образомъ, для изученія Талмуда

и другихъ раввинскихъ книгъ, снабженные, поэтому, соотвѣтствующей библіотекой и доступные всѣмъ во всякое время дня и ночи, и 3) *частныя молельни* (Миньянъ), содержимыя частными лицами въ своихъ домахъ и по задачамъ своимъ представляющія собою смѣсь синагогъ и учебныхъ домовъ. „Собственно, синагоги —говоритъ гр. М. С. Воронцовъ въ заключительной части своей записки—можно всѣ оставить и даже дозволить устройство новыхъ, смотря по надобности въ нихъ обществъ. Что же касается учебныхъ домовъ и частныхъ молелень, то я ихъ нахожу вредными. Учебные дома, вмѣсто прямого своего назначенія—доставить ученымъ евреямъ средства къ усовершенствованію въ догматахъ ихъ вѣры, служатъ лишь мѣстомъ собранія для всѣхъ праздныхъ мечтателей, которые тамъ проводятъ все своё время, питая пустыми разговорами одинъ въ другомъ суевѣріе, фанатизмъ и любовь къ праздности: здѣсь-то молодые евреи, окончившіе ученіе въ школахъ, но не могущіе еще заниматься торговлею, завлекаются хасидами въ извѣстную ихъ секту, ко вреду своему и общества. Частныя молельни споспѣшествуютъ тому же дурному направленію, и дозволеніемъ евреямъ имѣть въ своихъ домахъ молельни дается отчасти начальникамъ секты хасидовъ средство устраивать собранія и распространять суевѣрное свое ученіе между евреями".

Какъ извѣстно, мнѣніе графа М. С. Воронцова было принято комитетомъ лишь въ извѣстной части и этимъ, пожалуй, слѣдуетъ объяснить то, что вопросъ о болѣе правильной организаціи еврейскихъ молитвенныхъ учрежденій остается понынѣ открытымъ.

Евреи - крымчаки.

Среди русскихъ евреевъ, улучшеніе быта и духовно-нравственное возрожденіе которыхъ составляли въ сороковыхъ годахъ,

какъ извѣстно, одну изъ главнѣйшихъ задачъ нашего правительства и предметъ особыхъ заботъ со стороны мудраго и просвѣщеннаго графа М. С. Воронцова, крымчаки, или такъ называемые турецкіе евреи, занимали совершенно изолированное мѣсто и если чѣмъ нибудь выдѣлялись, то только тѣмъ, что они съ особымъ упорствомъ отстаивали свою самобытность и понынѣ ведутъ замкнутую жизнь, чуждую всѣмъ преобразовательнымъ теченіямъ первой половины истекшаго вѣка. Эти крымчаки, метрополіей которыхъ является Карасубазаръ, одинъ изъ многолюднѣйшихъ уѣздныхъ городовъ таврической губерніи, до сихъ поръ составляютъ самостоятельную общину, успѣвшую сохранить свою оригинальную физіономію—смѣсь іудейскаго и татарскаго элементовъ. Оставаясь вѣрными религіознымъ началамъ еврейства и принципамъ талмудическаго ученія, крымчаки на столько слились съ населяющими крымскій полуостровъ татарами, что не только во всей внѣшней жизни этихъ двухъ національностей, но даже въ обычаяхъ и обрядахъ, имѣющихъ, конечно, извѣстную связь и съ религіей, не замѣчается рѣшительно никакой разницы.

Когда собственно крымчаки поселились въ Крыму—съ точностью опредѣлить трудно. Сами крымчаки относятъ время своего поселенія въ Крыму къ шестому вѣку. Существуетъ между ними преданіе о рукописномъ молитвенникѣ, переходившемъ въ теченіе двѣнадцати столѣтій отъ поколѣнія къ поколѣнію и постоянно хранившемся, какъ народная святыня, въ ихъ синагогѣ. Молитвенникъ этотъ, увѣряютъ крымчаки, былъ составленъ въ Кіевѣ и привезенъ въ Крымъ нѣкоторыми еврейскими семействами, къ которымъ впослѣдствіи примкнули и кавказскіе евреи, до сихъ поръ извѣстные подъ кличкою „быковъ", и которые вмѣстѣ съ крымчаками положили основаніе цѣлой общинѣ, быстро ассимилировавшейся съ господствовавшимъ татарскимъ населеніемъ. Легенды не могутъ, конечно, служить достаточнымъ историческимъ матеріаломъ, но уже одно то, что молитвенникъ, до сихъ поръ употребляемый въ синагогахъ карасубазарской еврейско-турецкой общины, былъ напе-

чатанъ въ одной изъ первыхъ еврейскихъ типографій въ Евпаторіи, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, указываетъ на то, что крымчаки, позабстившіеся еще двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ объ удовлетвореніи своихъ духовныхъ нуждъ, не считались уже тогда пришельцами и, очевидно, признавались коренными крымскими жителями. И, дѣйствительно, извѣстный крымскій судья Сумароковъ, посвятившій въ 1801 г. крымчакамъ особый очеркъ, упоминаетъ о томъ, что переселеніе ихъ изъ Константинополя началось въ четырнадцатомъ вѣкѣ, когда Карасубазаръ былъ столицею крымскихъ хановъ. Быть можетъ, у Сумарокова рѣчь идетъ о турецкихъ выходцахъ—евреяхъ, присоединившихся къ своимъ кіевскимъ и кавказскимъ единоплеменникамъ, считавшимся уже въ то время крымскими аборигенами. Во всякомъ случаѣ, крымчаки принадлежатъ къ числу наиболѣе древнихъ обитателей крымскаго полуострова.

Крымчаки всѣхъ возрастовъ носятъ татарскій костюмъ, надѣвая сверху преимущественно синій архалукъ, стянутый широкимъ поясомъ съ серебряными украшеніями, независимо отъ небольшого кинжала или мѣдной чернильницы со всѣми принадлежностями письма. Женщины и дѣвушки ходятъ въ широкихъ шароварахъ яркихъ цвѣтовъ и въ узенькихъ цвѣтныхъ туфляхъ, головной-же уборъ ихъ напоминаетъ турецкую чалму. Отъ татаръ, впрочемъ, крымчаки отличаются тѣмъ, что изъ нихъ ни мужчины, ни женщины головъ не брѣютъ, но стригутъ очень коротко, при чемъ мужчины отпускаютъ длинныя старательно завиваемыя кудры, принимающія у висковъ видъ пейсиковъ, а дѣвушки изъ подъ красной и усыпанной разными монетами фески выпускаютъ множество мелкихъ косичекъ. Крымчаки всѣ почти высокаго роста, худощавые, но въ большинствѣ случаевъ ихъ еврейское происхожденіе выдаетъ золотисто-рыжій цвѣтъ волосъ, рѣдко встрѣчаемый среди другихъ семитическихъ племенъ. Женщины болѣе сохранили строгій еврейскій типъ, выдаваясь довольно оригинальной красотою, нѣжнымъ цвѣтомъ лица и черными выразительными глазами. Под-

ражая татаркамъ, онѣ красятъ красно-желтою краскою ногти и ладони рукъ, употребляютъ въ изобиліи бѣлила и румяна и подкрашиваютъ брови. На улицахъ-же онѣ не иначе появляются, какъ закутавшись наглухо въ бѣлыя покрывала. Спиртные напитки крымчаками не употребляются; многіе изъ нихъ воздерживаются и отъ вина, не смотря на то, что въ Крыму продуктъ этотъ и дешевый и доброкачественный.

Дома у крымчаковъ устроены на татарскій манеръ, а обстановка комнатъ отличается чистотою и опрятностью. Кромѣ ковровъ и подушекъ у нихъ другой мебели нѣтъ; обѣдаютъ они сидя на полу кругомъ низенькихъ столиковъ. Среди нихъ господствуютъ патріархальные нравы, воля главы семьи считается священной для всѣхъ членовъ. Говорятъ крымчаки на чистѣйшемъ татарскомъ языкѣ, но въ письмѣ прибѣгаютъ къ еврейскому алфавиту. Въ этомъ отношеніи они нѣкоторымъ образомъ напоминаютъ караимовъ, у которыхъ, какъ извѣстно, существуетъ цѣлая еврейско-татарская литература.

Сумароковъ, описывая подробно нравы крымчаковъ, увѣряетъ, что между ними было раньше сильно развито многоженство, которое къ концу восемнадцатаго вѣка совершенно прекратилось. За то они при совершеніи браковъ сохранили всѣ обычаи восточныхъ народовъ. Брачныя церемоніи начинаются за два—три дня до свадьбы торжественнымъ перенесеніемъ гардероба невѣсты въ домъ жениха. Вѣнчаніе у нихъ происходитъ рано утромъ. Наканунѣ женихъ съ музыкою и въ сопровожденіи своихъ близкихъ родственниковъ отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ пированіе продолжается до разсвѣта. Съ наступленіемъ зари свадебный кортежъ направляется къ синагогѣ, гдѣ во время благословенія брака раввиномъ дружки съ пѣтухами въ рукахъ обходятъ молодыхъ семь разъ. По окончаніи обряда новобрачные обязаны оставаться семь дней въ своей комнатѣ, куда посторонніе уже не допускаются.

Интересенъ отзывъ о крымчакахъ, посланный 27 апрѣля 1841 года графомъ М. С. Воронцовымъ министру внутреннихъ

дѣлъ. „Въ дополненіе—говорится въ этомъ отзывѣ—къ отношенію моему отъ 14 апрѣля съ мѣстными свѣдѣніями и соображеніями для составленія проекта преобразованія въ Россіи еврейскаго народа, честь имѣю представить вашему сіятельству нѣкоторыя данныя о такъ называемыхъ крымскихъ евреяхъ-талмудистахъ: 1) Крымскіе евреи-талмудисты, которыхъ не должно смѣшивать съ евреями-караимами, проживаютъ въ г. Карасубазарѣ, таврической губерніи; они поступили въ подданство Россіи при присоединеніи Крыма къ Имперіи, сохраняютъ обычаи своихъ предковъ, говорятъ нарѣчіемъ татарскаго языка и носятъ обыкновенную одежду крымскихъ татаръ. 2) Крымскіе евреи неохотно сближаются съ прочими евреями, которыхъ называютъ „польскими"; догматы вѣры ихъ одинаковыя, книги Священнаго Писанія и Талмуда тѣ-же, но они имѣютъ у себя особыя молитвенныя школы, въ которыхъ сохраняютъ при молебствіи благочестіе, чуждое такъ называемымъ ими польскимъ евреямъ; въ чтеніи книгъ на древнемъ еврейскомъ языкѣ они сохраняютъ выговоръ испанскихъ евреевъ и потому не понимаютъ чтенія книгъ Св. Писанія евреями польскими, имѣющими германскій выговоръ; сверхъ того у сихъ послѣднихъ молитвенныя книги (сиддуръ) расположены нѣсколько отлично отъ книгъ евреевъ крымскихъ, сохранившихъ, по ихъ мнѣнію, старый порядокъ въ молитвословіи, подобный сохраняемому такъ называемыми испанскими евреями. 3) Крымскіе евреи ведутъ образъ жизни тихій, занимаются большей частью ремеслами, дѣлаютъ сѣдла, шьютъ шапки, очищаютъ хлопчатую бумагу и т. п., торговлей занимаются немногіе, поведенія вообще честнаго и въ домашнемъ быту благоустроены. 4) Коробочный сборъ сего еврейскаго общества, о чемъ сообщено уже мною вашему сіятельству, простирается до 600 руб. серебромъ. Они имѣютъ четыре молитвенныхъ школы и четырехъ раввиновъ, училищъ для воспитанія дѣтей нѣтъ, а обученіемъ чтенію книгъ Священнаго Писанія занимаются ихъ раввины".

Всѣ эти свѣдѣнія, равно и болѣе позднія, не идущія, одна-

кожъ, далѣе семидесятыхъ годовъ, указываютъ, конечно на то, что жизнь крымчаковъ должна быть признана совершенно некультурной. Тѣмъ не менѣе, приходится въ этой жизни отмѣтить одну специфическую черту, которая, къ сожалѣнію, далеко не встрѣчается въ нашихъ современныхъ благоустроенныхъ еврейскихъ общинахъ. Мы говоримъ о борьбѣ крымчаковъ съ пауперизмомъ, вслѣдствіе чего среди нихъ совсѣмъ нѣтъ профессіональныхъ нищихъ. Дѣло въ томъ, что крымчаки уже давно установили, по общему между собою согласію, денежный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ, дающій ежегодно свыше 1000 руб. Этотъ добровольный налогъ далъ возможность скопить къ 1860 году сумму въ 30,000 руб. На эти деньги былъ купленъ домъ, доходы котораго предназначены для поддержанія немощныхъ, невольно оторванныхъ отъ труда, и больныхъ. Кромѣ того у нихъ имѣется спеціальный благотворительный капиталъ, образовавшійся изъ легатовъ, оставленныхъ состоятельными крымчаками, и приращаемый доходами, приносимыми общественными лавками, пекарнями и постоялыми дворами. Этотъ капиталъ идетъ преимущественно на похороны бѣдныхъ и на содержаніе вдовъ и сиротъ. Изъ этого же капитала выдаются приданное дочерямъ несостоятельныхъ родителей, а также безпроцентныя ссуды лицамъ, временно находящимся въ матеріальномъ затрудненіи. Бѣднякп, которымъ ведутся особые списки и которые, вслѣдствіе этого, лишены возможности прибѣгать къ прошенію милостыни, получаютъ еженедѣльно пособіе деньгами, дровами и углемъ.

Такая разумная и успѣшная борьба съ нищенствомъ возможна, конечно, только въ малочисленной общинѣ, но, во всякомъ случаѣ, правильная постановка вопроса о благотворительности заслуживаетъ вниманія и говоритъ въ пользу малокультурныхъ крымчаковъ.

Слѣдуетъ еще добавить, что крымчаки всегда пользовались покровительствомъ и вниманіемъ не только мѣстныхъ властей, но и высшей администраціи края. Когда въ 1860 году возникъ во-

просъ о воспрещеніи крымчакамъ, въ виду существующихъ для евреевъ ограниченій, пріобрѣтать поземельную собственность въ Крыму отъ переходящихъ татаръ и въ подлежащихъ министерствахъ было признано нужнымъ затребовать по этому предмету заключенія новороссійскаго генералъ-губернатора, графъ А. Г. Строгановъ не замедлилъ представить подробно мотивированный отзывъ въ самомъ симпатичномъ для крымчаковъ духѣ. „Предположеніе,—говорится, между прочимъ, въ этомъ отзывѣ,—что евреи сами не займутся земледѣліемъ, не есть еще достаточный поводъ къ ограниченію правъ ихъ въ семъ краѣ, ибо если допустить даже, что земли, закупленныя евреями, не будутъ ими обрабатываемы, то во всякомъ случаѣ другими лицами, кои будутъ оброкодержателями. Повторяю истину, освященную уже наукою: чѣмъ болѣе требованій на землю, тѣмъ выше цѣна за оную, а чѣмъ цѣна выше, тѣмъ земледѣліе дѣлаетъ больше успѣховъ. Въ виду такого заключенія новороссійкаго генералъ-губернатора, послѣдовало 3 октября 1861 года по положенію комитета министровъ Высочайшее соизволеніе: дозволить евреямъ, по прежнему пріобрѣсти поземельную собственность въ Крыму, на точномъ основаніи 1368 ст. зак. о сост. IX т. св. зак.

Такое отношеніе правительства къ крымчакамъ въ вопросѣ крайне важномъ и вызывавшемъ всегда нѣкоторыя опасенія на счетъ захвата земли инородческимъ элементомъ—служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что эта маленькая горсть евреевъ своей простой незатѣйливой жизнью и стремленіемъ къ производительному труду успѣла въ достаточной степени обезпечить себѣ симпатіи властей и населенія.

Увозъ дѣвушекъ.

Въ 1868 году возникло въ Одессѣ очень громкое дѣло объ увозѣ евреями молодыхъ женщинъ заграницу, преимущественно въ

Константинополь, для продажи на невольничьихъ рынкахъ въ гаремы или публичные дома. Дѣло это, начатое по инициативѣ шефа жандармовъ князя В. А. Долгорукова, на основанiи полученныхъ въ Петербургѣ свѣдѣнiй о жалкой участи, постигшей въ Турцiи нѣкоторыхъ обманомъ увезенныхъ русскихъ женщинъ, вызвало необходимость въ учрежденiи въ Одессѣ особой слѣдственной коммиссiи, въ составъ которой вошли поочередно нѣкоторые изъ состоявшихъ при новороссiйскомъ генералъ-губернаторѣ чиновниковъ, а также одинъ изъ мѣстныхъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ. Коммиссiи этой было поручено всестороннее разъясненiе обстоятельствъ, указывающихъ на появленiе въ Одессѣ „новаго противузаконнаго промысла, состоящаго въ томъ, что евреи, завлекая въ свои сѣти молодыхъ дѣвушекъ, подвергшихся обольщенiю и оставленныхъ своими обольстителями, довершаютъ несчастье сихъ дѣвушекъ, дѣлая ихъ предметомъ удовлетворенiя своей алчности къ деньгамъ, и для этой цѣли вывозятъ ихъ въ Константинополь и публично продаютъ тамъ промышляющимъ развратомъ“.

Заинтересовавшiйся настоящимъ дѣломъ графъ А. Г. Строгановъ пытался собрать черезъ посредство представителя русской миссiи въ Константинополѣ нѣкоторыя свѣдѣнiя, которыя могли бы пролить свѣтъ на дѣятельность задержанныхъ въ Одессѣ лицъ, заподозрѣнныхъ въ профессiональной торговлѣ „живыми душами“. Попытки эти не увѣнчались, однако, успѣхомъ. Еще до послѣдней войны—пишетъ генеральный консулъ ст. сов. Черняевъ въ донесенiи своемъ отъ 15 октября 1858 года—извѣстно уже стало, что здѣшнiе евреи обманомъ успѣваютъ привозить изъ Одессы въ Константинополь молодыхъ дѣвушекъ и продаютъ ихъ въ развратные дома. По заключенiи мира, промыселъ сей, какъ кажется, развился еще въ большихъ размѣрахъ. Обольщенныя дѣвушки, по стыду, или изъ нежеланiя быть отправленными въ Россiю, гдѣ онѣ опасаются подвергнуться наказанiю отъ полицiи или отъ родственниковъ, доселѣ старались избѣгать всякихъ сношенiй съ русскими властями. Предмѣстнику моему д. с. с. Пизани удалось,

однакожъ, уговорить нѣкоторыхъ изъ сихъ несчастныхъ возвратиться въ Россію. Со времени же открытія генеральнаго консульства представились только два случая, когда соблазненныя еврейки обратились ко мнѣ съ просьбою оказать имъ покровительство въ денежныхъ спорахъ съ ихъ содержателями. Когда же имъ было объяснено, что консульство не можетъ входить въ разбирательство подобныхъ дѣлъ, но готово способствовать возврату самихъ просительницъ въ Одессу, буде онѣ раскаются, тогда онѣ удалились, не объявляя своихъ именъ, и предпочитали оставаться въ Константинополѣ. Вообще надобно замѣтить, что завезенныя обманомъ сюда женщины находятся совершенно внѣ всякой зависимости отъ консульства, поимѣющаго при томъ чиновниковъ, которымъ возможно бы было поручить розыски подобнаго рода дѣлъ, и лишеннаго поэтому средствъ собрать свѣдѣнія о числѣ женщинъ русско-подданныхъ, находящихся здѣсь въ развратныхъ домахъ.

Скоро, однако, случай помогъ, и 8 ноября, при содѣйствіи управляющаго русской миссіей въ Константинополѣ д. т. с. Бутенева, были отправлены пароходомъ въ Одессу въ распоряженіе мѣстной администраціи малоканка Александра Петрова и еврейка Малка Кристальясъ. Эти двѣ жертвы и дали слѣдственной коммиссіи подробныя указанія относительно нѣкоторыхъ изъ своихъ сестеръ по несчастію, которыя также желали-бы возвратиться въ Россію, но лишены возможности и мечтать о спасеніи, такъ какъ за ними зорко слѣдятъ и никуда не выпускаютъ. Дѣвушки эти ясно означили имена и адреса своихъ подругъ и, между прочимъ, разсказали, что за малѣйшую попытку вырваться изъ омута разврата несчастныя жертвы подвергаются жестокимъ побоямъ и истязаніямъ. По ихъ словамъ, содержатель публичнаго дома Блюмъ, узнавъ о томъ, что купленная имъ еврейка Рухля изъ Одессы собирается писать своимъ роднымъ и извѣстить о бѣдственномъ своемъ положеніи, избилъ ее до полусмерти и сломалъ руку. Началась опять переписка съ консульствомъ, но переписка

эта ни къ чему не привела, такъ какъ генеральный консулъ по прежнему сослался на безсиліе свое, на отсутствіе у него всякихъ средствъ для борьбы съ преступными элементами столицы Оттоманской имперіи и, главное, на продажность турецкой полиціи, не только отказывающей въ защитѣ бѣднымъ невольницамъ, но принимающей прямо подъ свое покровительство ихъ безсердечныхъ угнетателей. Такимъ образомъ, голосъ потерпѣвшихъ оказался вопіющимъ въ пустынѣ, и смѣло можно сказать, что еслибъ одни только показанія возвращенныхъ двухъ дѣвушекъ легли въ основаніи слѣдственнаго производства, то дѣло, конечно, заглохло-бы въ самомъ началѣ. Но, къ счастью, въ рукахъ мѣстныхъ властей еще раньше находились всѣ нити совершеннаго преступленія. Правда, трудно было обнаружить главныхъ участниковъ, въ руки слѣдственной коммиссіи попали преимущественно лица, игравшія въ дѣлѣ объ увозѣ женщинъ болѣе пассивную роль, но за то удалось выяснить тѣ условія, которыя способствовали позорному промыслу, и принять цѣлый рядъ мѣръ къ парализованію зла.

14 іюня 1858 года были препровождены капитаномъ надъ одесскимъ карантиннымъ портомъ въ городскую полицію „для содержанія подъ арестомъ впредь до особаго распоряженія“ три еврейки, два еврея и одинъ христіанинъ, намѣревавшіеся пробраться на пароходъ „Мина“, отправлявшійся въ тотъ день въ Константинополь, по одному чужому паспорту, выданному двумъ лицамъ, а именно турецко-подданной Ривкѣ-Бинтѣ Хаимъ и дочери ея Ханѣ. Эти двѣ женщины, настоящія владѣтельницы паспорта, какъ оказалось, успѣли выѣхать изъ Одессы моремъ еще 10 мая, но паспортъ ихъ очутился въ рукахъ задержанныхъ лицъ, пытавшихся выдавать себя за Ривку, Бинту, Хаю и Хаима и увѣрить таможенную власть въ томъ, что въ паспортѣ значится семья, состоящая изъ 4 душъ. Несообразность эта, понятно, должна была рѣзко броситься въ глаза. Хотя полиція, благодаря оплошности, вызвавшей потомъ особое разслѣдованіе и повлекшей для нѣкоторыхъ ея чиновъ цѣлый рядъ дисциплинарныхъ взысканій,

скоро освободила арестованныхъ и дала имъ возможность скрыться, тѣмъ не менѣе, администрація напала уже на слѣдъ шайки, занимавшейся продажей женщинъ. Если коноводы и разбѣжались, то все же властямъ не трудно было разслѣдовать всѣ обстоятельства дѣла и установить, въ чемъ собственно заключался успѣхъ операцій этой шайки. Въ результатѣ появились слѣдующія мѣропріятія.

„Въ канцеляріи моей — пишетъ графъ А. Г. Строгановъ конторѣ Русскаго общества пароходства и торговли — имѣются положительныя свѣдѣнія о томъ, что нѣкоторые евреи-иностранцы при отъѣздѣ изъ Одессы, вступивъ на пароходъ, тайно передаютъ выданные имъ мѣстнымъ начальствомъ паспорта на обратный проѣздъ заграницу, какъ ненужные уже имъ, остающимся здѣсь евреямъ и, такимъ образомъ, по однимъ и тѣмъ же паспортамъ вторично выѣзжаютъ отсюда другія лица. Въ устраненіе этого злоупотребленія, я покорнѣйше прошу контору сдѣлать распоряженіе, чтобы командиры пароходовъ повѣряли бы паспорта пассажировъ въ то время, когда судно готово уже къ отплытію и когда никого кромѣ пассажировъ не остается на пароходѣ, а затѣмъ лицъ, оказавшихся безъ узаконенныхъ русскихъ паспортовъ, передавать бы въ распоряженіе одесской полиціи“. Какъ выяснилось, однако, изъ донесенія константинопольскаго агента общества барона Штейгера, и предложенныя гр. Строгановымъ мѣры не принесли желанныхъ результатовъ, такъ какъ турецкое правительство требовало доставленія ему всѣхъ паспортовъ, которые затѣмъ систематически передавались новымъ лицамъ и пересылались въ Одессу для дальнѣйшихъ злоупотребленій при нелегальномъ проѣздѣ заграницу“.

Администрація обратила также вниманіе на обиліе браковъ совершаемыхъ въ Одессѣ между еврейскими дѣвушками—русскоподданными и иностранными евреями, проживающими большей частью по чужимъ паспортамъ, тѣмъ болѣе, что слѣдствіе выяснило истинный характеръ этихъ браковъ, служащихъ прикрытіемъ для увоза женщинъ заграницу. Легкость устройства подобныхъ браковъ объяснилась отчасти небрежностью раввината, ограничи-

вавшагося въ отношенiи установленiя самоличности жениховъ показанiями случайныхъ свидѣтелей изъ числа совершенно ему неизвѣстныхъ лицъ. Для устраненiя такого нежелательнаго явленiя была у городового раввина отобрана подписка въ томъ смыслѣ, чтобы при разрѣшенiи браковъ иностранныхъ евреевъ было произведено установленное удостовѣренiе объ этихъ лицахъ не иначе какъ чрез мѣстныхъ жителей, лично извѣстныхъ еврейскому духовенству. Вмѣстѣ съ тѣмъ одесскiй градоначальникъ баронъ Месмахеръ, принявъ въ соображенiе отсутствiе всякой регистрацiи для пребывающихъ въ Одессѣ евреевъ-иностранцевъ и полное игнорированiе мѣстной полицiей установленныхъ для послѣднихъ въ законѣ правилъ, вслѣдствiе чего былъ даже констатированъ фактъ проживательства одного австрiйско-подданнаго еврея безъ приписки въ теченiе двадцати лѣтъ, да кромѣ того практиковалось въ самомъ широкомъ размѣрѣ умышленное преграждение евреямъ выѣзда заграницу на основанiи фиктивныхъ жалобъ и исковъ, призналъ необходимымъ „предписать полицiи безотлагательно собрать положительныя и точныя свѣдѣнiя о всѣхъ иностранныхъ евреяхъ, проживающихъ здѣсь, и тѣхъ изъ нихъ, которыхъ иностранное подданство не полежитъ сомнѣнiю и которые не имѣютъ здѣсь никакихъ торговыхъ и тяжебныхъ дѣлъ и вообще не представятъ законныхъ правъ на жительство въ Россiи, понудить немедленно къ выѣзду заграницу, за исключенiемъ, разумѣется, прикосновенныхъ къ какимъ-либо заведеннымъ уже дѣламъ, которые должны оставаться до окончанiя этихъ дѣлъ; о евреяхъ же, иностранное подданство которыхъ подлежитъ основательному сомнѣнiю, немедленно произвести законныя слѣдствiя къ обнаруженiю подлога, если объ этихъ евреяхъ еще до сего времени не заведено надлежащихъ дѣлъ, и, наконецъ, въ отношенiи иностранныхъ евреевъ, дѣйствительно имѣющихъ законное право на временное пребыванiе въ Россiи, проживательство ихъ здѣсь облечь въ законныя формы и условiя и наблюсти за исходатайствованiемъ ими себѣ установленныхъ русскихъ видовъ“. Независимо отъ этого баронъ Мес-

махеръ вмѣнилъ полиціи въ обязанность „на будущее время“ не допускать ни подъ какимъ предлогомъ проживательства въ Одессѣ иностранныхъ евреевъ, хотя бы и кратковременнаго, безъ установленнаго русскаго вида и подвергать отвѣтственности всѣхъ хозяевъ, допустившихъ проживательство этихъ евреевъ безъ заявленія ихъ паспортовъ въ полицію; въ случаѣ представленія иностраннымъ евреемъ при прошеніи о выдачѣ ему свидѣтельства на безпрепятственное полученіе русскаго вида на обратный проѣздъ заграницу одного только національнаго своего паспорта, непремѣнно повѣрять примѣты просителя и сличить подпись его съ примѣтами и подписью въ его паспортѣ.

Мѣропріятія эти, имѣвшія въ сущности задачей своей возстановленіе силы дѣйствующихъ узаконеній, вызвали, однако, дипломатическую переписку съ иностранными державами. Съ одной стороны, евреи турецко-подданные, не встрѣчавшіе раньше никакихъ стѣсненій и имѣвшіе основаніе сѣтовать на новые порядки, обратились къ своему правительству съ жалобой на то, что они въ Россіи поставлены въ несравненно худшія условія, чѣмъ другіе евреи-иностранцы. Послѣдовало вмѣшательство турецкаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ, и графу А. Г. Строганову ничего болѣе не осталось какъ выяснить настоящія побужденія администраціи, обреченной на тяжелую и даже непосильную борьбу съ такимъ зломъ, какъ увозъ женщинъ, и указать на то, что законъ одинаково примѣняется ко всѣмъ евреямъ-иностранцамъ безъ исключенія. Съ другой стороны, новороссійскій генералъ-губернаторъ, убѣдившись въ томъ, что многіе евреи-иностранцы, пользуясь неозначеніемъ ихъ вѣроисповѣданія въ выданныхъ имъ при отлучкѣ изъ отечества паспортахъ, проживаютъ свободно въ Одессѣ въ видѣ христіанъ, возбудилъ вопросъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ о склоненіи нѣкоторыхъ европейскихъ державъ къ измѣненію существующихъ у нихъ паспортныхъ правилъ. О желательности такого измѣненія заявилъ также русскій консулъ въ Штетинѣ, ссылаясь на встрѣчаемыя имъ затрудненія

„къ точному исполненію предписаннаго порядка свидѣтельствованія иностраннымъ евреямъ паспортовъ на проѣздъ въ наши предѣлы по случаю неозначенія, большей частью въ прусскихъ паспортахъ, вѣроисповѣданія лицъ, коимъ они выдаются“. Но главный начальникъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, отъ которой зависѣло направленіе дѣла въ установленномъ порядкѣ, „нашелъ неудобнымъ входить въ сношеніе съ заграничными правительствами о томъ, чтобы въ паспортахъ ихъ подданныхъ, отправляющихся въ Россію, непремѣнно означалась религія предъявителей, такъ какъ это имѣло-бы видъ вмѣшательства со стороны нашей во внутренній порядокъ иностранныхъ державъ. Дипломатическія наши консульства и миссіи при явкѣ въ оныя иностранцевъ для засвидѣтельствованія ихъ паспортовъ, въ случаѣ если встрѣтятъ сомнѣнія на счетъ вѣроисповѣданія тѣхъ лицъ, могутъ требовать отъ нихъ удостовѣренія, а за неудовлетворительностью таковаго предупредить ихъ о существующихъ въ Россіи постановленіяхъ на счетъ иностранныхъ евреевъ. Ближайшаго же наставленія по сему предмету дать невозможно, и соблюденіе вышесказаннаго представляется даже достаточнымъ по проекту новыхъ паспортныхъ правилъ, допускающему изъятіе изъ общаго запрещенія иностраннымъ евреямъ пріѣздъ въ Россію въ пользу банкировъ, представителей значительныхъ торговыхъ домовъ, извѣстныхъ художниковъ, артистовъ и ученыхъ“.

Тѣмъ временемъ слѣдственное дѣло шло своимъ чередомъ. Но хотя коммиссія привлекла въ качествѣ обвиняемыхъ 20 человѣкъ, изъ коихъ 3 содержались даже въ тюрьмѣ, тѣмъ не менѣе она успѣла собрать лишь косвенныя и довольно слабыя улики. „Произведеннымъ слѣдствіемъ—пишетъ 12 іюля 1859 года графъ А. Г. Строгановъ въ предложеніи своемъ на имя одесскаго градоначальника—открыто только нѣсколько случаевъ увоза изъ Одессы въ Константинополь дѣвушекъ развратнаго поведенія для наполненія тамъ непотребныхъ домовъ. Самый увозъ производится большей частью при содѣйствіи содержательницъ непотребныхъ въ

Одессѣ домовъ, которыя, увлекаясь прибыткомъ, подговаривали къ выѣзду въ Константинополь съ иностранными евреями женщинъ, бывшихъ уже въ ихъ заведеніяхъ. Нѣкоторыя же изъ женщинъ, сколько можно судить по фактамъ, имѣющимся въ дѣлѣ, увезены были въ Константинополь послѣ вступленія въ бракъ съ иностранными евреями, или же увлекаясь обѣщаніемъ этихъ евреевъ жениться на нихъ въ Константинополѣ. Вывозъ этихъ женщинъ въ Константинополь евреи производили слѣдующими способами. Въ національныхъ паспортахъ нѣкоторыхъ изъ евреевъ показаны были слѣдовавшими за ними ихъ жены и дочери, хотя они прибыли въ Одессу изъ заграницы сами, безъ семействъ своихъ. Найдя въ Одессѣ дѣвушекъ, готовыхъ отправиться съ ними въ Константинополь, они успѣвали часто въ исходатайствованіи для этихъ дѣвушекъ заграничныхъ паспортовъ подъ именемъ показанныхъ въ національныхъ видахъ женъ и дочерей. Нѣкоторые же, при выѣздѣ изъ Одессы въ Константинополь, взойдя на пароходъ, тайно передавали свои русскіе паспорты, какъ ненужные уже имъ, остающимся здѣсь евреямъ, по которымъ отправлялись въ Константинополь новыя лица“. Останавливаясь болѣе подробно на разныхъ упущеніяхъ со стороны полиціи и одобряя принятыя одесскимъ градоначальникомъ мѣры, направленныя къ точному и неукоснительному соблюденію закона, могущаго служить единственной гарантіей противъ злоупотребленій евреевъ-иностранцевъ, графъ А. Г. Строгановъ указываетъ на то, что, съ одной стороны, слѣдствіемъ не обнаружено, чтобы дѣвушекъ, число которыхъ, во всякомъ случаѣ, до сотенъ не доходило, какъ это раньше предполагалось, вывозили изъ Одессы обманомъ безъ ихъ согласія, и что съ другой—во всѣхъ портовыхъ городахъ вывозятся и привозятся иностранныя женщины для развратныхъ и терпимыхъ закономъ домовъ. И гр. А. Г. Строгановъ резюмируетъ свое предложеніе заключеніемъ о необходимости прекращенія начатаго дѣла и освобожденія задержанныхъ лицъ изъ подъ стражи.

Заключеніе это удостоилось Высочайшаго утвержденія. „По

всеподданнѣйшему докладу,—сообщаетъ 29 октября 1859 года шефъ жандармовъ князь В. А. Долгоруковъ графу А. Г. Строганову,—вслѣдствіе отношенія вашего сіятельства, обстоятельствъ дѣла объ увозѣ изъ Одессы въ Константинополь дѣвушекъ развратнаго поведенія и по представленіи при томъ Его Величеству, что вашимъ сіятельствомъ приняты должныя мѣры къ предупрежденію этого зла на будущее время и что дѣло о безпорядкахъ, бывшихъ причиною этого зла, передано вами на законное распоряженіе—Государь Императоръ на оставленіе безъ послѣдствій дѣла, производившагося собственно объ увозѣ помянутыхъ женщинъ и за увольненіе заграницу иностранныхъ евреевъ, которые были прикосновены къ этому дѣлу, Высочайше соизволилъ".

Изъ матеріаловъ слѣдственнаго производства по этому сильно раздутому дѣлу обращаетъ на себя вниманіе составленный коммиссіей списокъ иностраннымъ евреямъ, прибывшимъ въ Одессу съ 1 сентября 1858 г. по 1 декабря 1859 г. „вопреки дѣйствующимъ узаконеніямъ,' не имѣя права пріѣзда въ Россію". Изъ этого списка видно, что всего прибыло 294 еврея, изъ коихъ 237 значатся безъ всякихъ занятій, а среди остальныхъ преобладаетъ ремесленный элементъ—портные и сапожники. Характерно, что въ рубрикѣ профессій нѣкоторыхъ лицъ значится, что прибыли они „для свиданія съ знакомыми". Необходимо замѣтить, что количество прибывшихъ евреевъ турецко-подданныхъ составляетъ 155. Эти цифры крайне любопытныя. И если вспомнимъ, что довольно значительное число иностранныхъ евреевъ могло свободно проживать въ Одессѣ какъ разъ въ такое неблагопріятное для нихъ время, когда возникло дѣло объ увозѣ женщинъ и когда портовымъ начальствомъ были приняты самыя энергичныя мѣры къ провѣркѣ правъ евреевъ, прибывающихъ въ Россію Чернымъ моремъ, то не станемъ, конечно, удивляться тому, что въ прежніе годы Одесса признавалась Калифорніей для людей безъ опредѣленныхъ занятій и что частыя „свиданія съ знакомыми" имѣли тѣсную связь съ „увозомъ женщинъ" въ Турцію.

Евреи - иностранцы.

Лѣсная промышленность, игравшая въ жизни Новороссійскаго края въ началѣ истекшаго столѣтія не послѣднюю роль, обязана своимъ широкимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ однимъ евреямъ-иностранцамъ. Правительство, не смотря на обнародованное 29 іюля 1824 года положеніе комитета министровъ, воспрещавшее водвореніе въ Россіи иностранныхъ евреевъ и требовавшее даже обратной высылки за границу тѣхъ изъ нихъ, которые успѣли уже вступить въ русское подданство, оказывало этимъ піонерамъ новой коммерческой отрасли широкую поддержку, имѣя въ виду какъ поощреніе отечественной торговли, такъ и то, что починъ евреевъ-иностранцевъ можетъ служить примѣромъ для ихъ русскихъ единовѣрцевъ въ смыслѣ замѣны мелкихъ торгашескихъ дѣлъ болѣе солидными и общеполезными предпріятіями. Этимъ только и слѣдуетъ объяснить то сочувствіе, которое встрѣтило въ высшихъ правительственныхъ сферахъ ходатайство австрійскихъ евреевъ о разрѣшеніи имъ торговли сплавляемымъ по Днѣстру и Пруту лѣсомъ, начатое въ 1840 году, какъ разъ въ то время, когда все вниманіе работавшаго въ Петербургѣ особаго комитета было поглощено вопросомъ объ обращеніи евреевъ къ производительному труду.

Въ началѣ 1840 года восемь австрійскихъ евреевъ обратились на Высочайшее Имя съ прошеніемъ о дозволеніи имъ продавать въ розницу по всему теченію Днѣстра людямъ всѣхъ состояній сплавляемый по этой рѣкѣ лѣсной товаръ и о предоставленіи имъ права, въ случаѣ обязательности выборки лѣсными промышленниками гильдейскихъ свидѣтельствъ, производить свою торговлю съ запискою въ нисшую гильдію. Прошеніе это поступило къ министру финансовъ, который въ свою очередь потребовалъ заключенія по данному вопросу новороссійскаго генералъ-губерна-

тора. „Разсмотрѣвъ это прошеніе,—пишетъ стоявшій тогда во главѣ министерства финансовъ графъ Канкринъ графу М. С. Воронцову въ отношеніи своемъ отъ 26 декабря 1840 года,—я нахожу, что по существующимъ постановленіямъ нельзя дозволить австрійскимъ евреямъ продавать въ розницу сплавляемый ими по рѣкѣ Днѣстру лѣсъ, такъ какъ по статьямъ 130, 140 и 144 уст. торг. иностраннымъ заѣзжимъ купцамъ дозволено продавать привозимые ими товары только при биржѣ или въ чертѣ таможенной и то не иначе какъ оптомъ россійскимъ купцамъ первыхъ двухъ гильдій, и что равномѣрно нельзя дозволить просителямъ производить торгъ лѣсомъ съ запискою въ нисшую гильдію, поелику заграничный торгъ дозволяется только купцамъ первыхъ двухъ гильдій, и при томъ иностраннымъ евреямъ запрещена осѣдлость въ Имперіи, а дозволено пріѣзжать только на правѣ временно заѣзжихъ иностранныхъ купцовъ, и то только въ тѣ мѣста, гдѣ постоянное пребываніе евреевъ допускается. Но принимая въ уваженіе, что губерніи, чрезъ которыя протекаетъ Днѣстръ, нуждаются въ лѣсѣ, я покорнѣйше прошу ваше сіятельство увѣдомить меня, не изволите-ли вы находить полезнымъ сдѣлать изъ существующихъ постановленій изъятіе для иностранныхъ лѣсныхъ промышленниковъ, сплавляющихъ лѣсъ по рѣкѣ Днѣстру, дозволивъ имъ продавать лѣсъ сей людямъ всякаго званія по всему теченію Днѣстра, и если не по мелочамъ, то хотя значительными партіями“.

Отвѣтъ графа М. С. Воронцова не замедлилъ, конечно, послѣдовать въ наиболѣе симпатичномъ для просителей смыслѣ. „Вообще—пишетъ графъ въ представленіи своемъ на имя министра финансовъ отъ 21 марта 1840 года—по недостаточному состоянію лѣсовъ почти по всему теченію Днѣстра отъ австрійской границы до впаденія этой рѣки въ Черное море и въ особенности по совершенному неимѣнію лѣса на лѣвомъ берегу, отдѣляющемъ херсонскую губернію отъ Бессарабіи, жители первой дѣйствительно терпятъ чувствительный недостатокъ въ этомъ предметѣ, и хотя

ежегодно доставляется сюда изъ Австріи значительное количество лѣса, но оно не удовлетворяетъ всей потребности, и они платятъ за оный очень дорого. Сіе неблагопріятное для здѣшняго края обстоятельство я давно уже имѣлъ въ виду, но доселѣ не находилъ способовъ къ отвращенію онаго при существующемъ въ законахъ воспрещеніи производить продажу заграничныхъ товаровъ въ розницу и купцамъ нисшей гильдіи,—почему и оставлялъ всякое по сему предмету мѣропріятіе до удобнаго времени. Нынѣ, пользуясь милостивымъ участіемъ вашего сіятельства къ отвращенію недостатка лѣсовъ въ здѣшнемъ краѣ и благодѣтельной готовностью вашей допустить нѣкоторыя изъятія изъ существующихъ постановленій для иностранныхъ промышленниковъ, сплавляющихъ лѣсъ по р. Днѣстру, я имѣю честь представить на благосклонное уваженіе ваше, что помянутое ходатайство восьми австрійскихъ евреевъ о дозволеніи продавать въ розницу по всему теченію Днѣстра людямъ всѣхъ состояній сплавляемый по сей рѣкѣ изъ заграницы лѣсной товаръ заслуживаетъ полнаго вниманія и снисходительнаго отношенія со стороны нашего правительства, почему я полагалъ-бы дозволить какъ означеннымъ евреямъ, такъ и всѣмъ иностраннымъ лѣснымъ промышленникамъ, сплавляющимъ изъ Австріи по рѣкѣ Днѣстру строевой и всякаго другого сорта и наименованія лѣсъ, продавать оный свободно по всему протяженію означенной рѣки людямъ всѣхъ состояній какъ въ розницу, такъ и значительными партіями на всякую сумму, безъ малѣйшаго ограниченія, обязавъ только этихъ промышленниковъ записываться непремѣнно въ третью гильдію съ тѣмъ, что если количество товара, объявленнаго такимъ промышленникомъ въ таможнѣ въ теченіе года по цѣнѣ, имъ же самимъ назначенной, будетъ превосходить сумму, предоставленную по закону купцамъ третьей гильдіи, то въ такомъ родѣ промышленникъ этотъ долженъ записаться въ высшую гильдію. Изъятіе такое я считалъ-бы справедливымъ распространить и на россійскихъ промышленниковъ, кои пожелали-бы заняться покупкою и сплавомъ лѣса изъ Австріи по рѣкѣ Днѣстру,

и нахожу это даже необходимымъ, дабы не допустить монополіи, если лѣсная торговля останется въ рукахъ однихъ заграничныхъ купцовъ. Сверхъ того свободная торговля сохранитъ имѣющіеся у насъ небольшіе участки лѣсовъ отъ порубки, сколько вредной, столько-же въ теперешнемъ положеніи дѣла неизбѣжной“.

Эти указанія и легли всецѣло въ основаніе положенія комитета министровъ, состоявшагося 30 апрѣля 1840 года и удостоеннаго Высочайшаго утвержденія. Въ видѣ опыта на три года, т. е. по 1843 годъ, разрѣшено было какъ русскимъ подданнымъ всѣхъ состояній, такъ и иностранцамъ, со включеніемъ и иностранныхъ евреевъ, производить по всему теченію Днѣпра совершенно свободно торговлю иностраннымъ лѣснымъ товаромъ не только оптомъ, но и въ розницу, съ подачею отъ своего имени въ таможняхъ объявленій и съ уплатою установленной тарифомъ пошлины.

Успѣхъ перваго ходатайства, которымъ австрійскіе лѣсопромышленники обязаны были, конечно, энергической поддержкѣ новороссійскаго генералъ-губернатора, побудили сейчасъ-же другую группу австрійскихъ евреевъ обратиться непосредственно къ графу М. С. Воронцову съ прошеніемъ объ исходатайствованіи и для нихъ аналогичнаго разрѣшенія относительно такой же торговли лѣсомъ, сплавляемымъ по Пруту. „Восемь человѣкъ австрійскихъ евреевъ изъ Буковины, — пишетъ графъ М. С. Воронцовъ въ представленіи своемъ отъ 28 февраля 1841 года на имя министра финансовъ,—занимающіеся сплавомъ лѣса по р. Пруту и продажей онаго въ пограничномъ мѣстечкѣ нашемъ Новоселицѣ, вошли ко мнѣ съ прошеніемъ объ исходатайствованіи имъ привилегій, подобныхъ дарованнымъ торговцамъ лѣсомъ по р. Днѣстру. По сему прошенію я потребовалъ мнѣнія г. бессарабскаго военнаго губернатора, какъ ближайшаго мѣстнаго начальника. Генералъ-лейтенантъ Федоровъ, заключаетъ, что жители той части бессарабской области, которая прилегаетъ къ р. Пруту, терпятъ большую нужду въ строевомъ лѣсѣ, потому что, будучи удалены

отъ береговъ Днѣстра, не имѣютъ удобства пріобрѣтать лѣсные матеріалы, сплавляемые по этой рѣкѣ, и принуждены покупать оные у новоселицкихъ торговцевъ, которые, не пользуясь правами свободной торговли, подобно таковымъ торговцамъ по Днѣстру, продаютъ лѣсъ свой по цѣнамъ весьма невыгоднымъ для бессарабскихъ жителей, для облегченія необходимыхъ нуждъ которыхъ было бы весьма полезно, еслибы новоселицкіе торговцы лѣсомъ пользовались правами, предоставленными торговцамъ по Днѣстру, и слѣдовательно имѣли средства продавать товаръ свой по цѣнамъ гораздо выгоднѣйшимъ. Признавая и съ своей стороны совершенно основательнымъ мнѣніе г. бессарабскаго военнаго губернатора, что для доставленія жителямъ сѣверной части Бессарабіи возможности къ пріобрѣтенію необходимыхъ для нихъ строительныхъ матеріаловъ по цѣнамъ не такъ высокимъ, какъ нынѣ, весьма полезно-бы было новоселицкимъ торговцамъ лѣсомъ, какъ россійскимъ подданнымъ всѣхъ состояній, такъ и иностранцамъ, со включеніемъ и иностранныхъ евреевъ, предоставить производить въ м. Новоселицахъ совершенно свободную торговлю лѣснымъ товаромъ оптомъ и въ розницу на томъ же самомъ основаніи, какъ дозволено уже по р. Днѣстру, я имѣю честь представить при семъ на благоразсмотрѣніе и уваженіе вашего сіятельства вышеупомянутое прошеніе ко мнѣ австрійскихъ евреевъ".

Министръ финансовъ гр. Канкринъ присоединился къ ходатайству графа М. С. Воронцова, и 15 апрѣля 1841 года послѣдовало, согласно заключенію комитета министровъ, Высочайшее повелѣніе о допущеніи, въ видѣ опыта на два года, свободной торговли лѣсными матеріалами и по р. Пруту. Такое сочувственное отношеніе и содѣйствіе графа М. С. Воронцова къ вопросу, отъ правильнаго разрѣшенія котораго зависѣло благосостояніе австрійскихъ гражданъ, вызвало по адресу графа восторженное благодарственное посланіе со стороны президента королевствъ Галиціи и Ладомеріи.

Благопріятные для края результаты даннаго правительствомъ

разрѣшенія успѣли скоро обнаружиться, и еще 29 сентября 1842 года постановлено было о продленіи права пользованія лѣсопромышленниками льготами еще на четыре года. По наступленіи же 1847 года, тѣ же австрійскіе евреи возобновили свое ходатайство въ прошеніи на Высочайшее Имя, составленномъ на нѣмецкомъ языкѣ и отличающемся витіеватымъ слогомъ. Въ такомъ же стилѣ написана и пространная докладная записка ихъ на имя министра финансовъ. Въ этой запискѣ просители, указывая на то, что данное имъ разрѣшеніе, „столько поощрительное и полезное для торговли, сколько и благодѣтельное для самой страны", вызвало необходимость въ затратѣ всѣхъ наличныхъ ихъ средствъ, ходатайствуютъ, въ случаѣ признанія ихъ первоначальной просьбы относительно дальнѣйшаго дарованія льготъ неподлежащей удовлетворенію, о предоставленіи имъ, по меньшей мѣрѣ, годичнаго срока для ликвидаціи дѣлъ. Министерство финансовъ потребовало опять по данному вопросу заключенія новороссійскаго генералъ-губернатора, и исправлявшій въ то время эту должность ген.-лейтен. Федоровъ, возбудивъ принципіальный вопросъ объ устраненіи нѣкоторыхъ паспортныхъ затрудненій, лишающихъ русскихъ купцовъ и прибережныхъ жителей Прута и Днѣстра возможности заниматься лѣсной промышленностью, призналъ справедливымъ дать по существу самый благопріятный для евреевъ-иностранцевъ отзывъ. „Входя въ подробное разсмотрѣніе этого дѣла,—говорится въ отзывѣ ген.-лейт. Федорова отъ 7 марта 1847 года,—я нахожу, что продолженіе просимой льготы на дальнѣйшее и продолжительнѣйшее время не только полезно, но даже необходимо по благодѣтельному вліянію оной на дешевизну лѣса для всякаго рода употребленій въ безлѣсномъ краѣ. Выгоды продолженія просимой льготы суть слѣдующія: 1) дешевизна въ половину противъ прежней цѣны на строевой лѣсъ всякаго рода и возможность имѣть его, соразмѣрно требованіямъ края, чего прежде не было; 2) облегченіе въ денежныхъ оборотахъ между Бессарабіей и Австріей и, вслѣдствіе того, большое развитіе торговыхъ сношеній въ пользу

нашу; и 3) возможность и необходимость усилить плаванie по Днѣстру, которое со времени дарованiя помянутыхъ льготъ получило чрезвычайное развитie, къ большой пользѣ вывозной нашей торговли, открывъ прибрежнымъ жителямъ Днѣстра и помѣщикамъ средство сплавлять свои продукты даже изъ такихъ мѣстъ, изъ которыхъ къ одесскому порту никогда ничего не доставлялось". Тутъ же указывается на то, что въ 1840 году навигацiонныя средства Днѣстра составляли всего нѣсколько баржъ, а черезъ семь лѣтъ по этой рѣкѣ плавали уже сотнями различной величины и устройства суда, постройка которыхъ ежегодно улучшается.

Соображенiя ген.-лейт. Федорова привели къ тому, что ходатайство австрiйскихъ евреевъ было удовлетворено въ мѣрѣ, превышавшей даже ихъ ожиданiя. „Вслѣдствie отзыва вашего превосходительства—пишетъ министръ финансовъ 26 апрѣля 1847 года ген.-лейт. Федорову—о необходимости продолжать дозволенie производить свободную торговлю иностраннымъ лѣсомъ по рѣкамъ Днѣстру и Пруту, я входилъ съ представленieмъ въ комитетъ министровъ, который нынѣ выпискою изъ журналовъ своихъ отъ 8 и 22 сего апрѣля далъ мнѣ знать, что, имѣя въ виду полезныя послѣдствiя, проистекающiя отъ дозволенiя производить по рѣкамъ Днѣстру и Пруту совершенно свободную торговлю иностраннымъ лѣснымъ товаромъ, и находя, что для поощренiя торговцевъ къ обращенiю капиталовъ своихъ на сiю торговлю необходимо опредѣлить для оной сколь возможно продолжительный срокъ, комитетъ полагалъ означенное дозволенie продолжить на прежнемъ основанiи еще на шесть лѣтъ, т. е. по 1853 годъ, и что таковое положенie Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ".

Этими данными ограничиваются свѣдѣнiя о роли, сыгранной иностранцами-евреями въ развитiи лѣсной промышленности въ новороссiйскомъ краѣ.

Евреи-землевладѣльцы.

I.

Начало царствованія Императора Александра II ознаменовалось для евреевъ значительнымъ расширеніемъ правъ послѣднихъ на пріобрѣтеніе въ отведенной имъ чертѣ осѣдлости земельной собственности и отмѣною раньше существовавшихъ въ этомъ отношеніи ограниченій. Евреи устремились, конечно, на Бессарабію, гдѣ и раньше существовали въ сорокскомъ, ясскомъ, хотинскомъ, кишиневскомъ, оргѣевскомъ и бендерскомъ уѣздахъ 17 еврейскихъ колоній, возникшихъ въ періодъ 1838—1854 гг. и занимавшихъ пространство въ 9305 десятинъ. Колоніи эти (Домбровены, Маркулешты, Вертюжаны-Рогожены, Мерешевка-Ланкауцы, Бригова, Немеровка-Люблинъ, Капрешты, Новые Теленешты, Згурица, Александрены, Валя-Луй-Влади, Ломичанецъ, Константиновка, Чеукарь, Иваносъ-Николаевка, Шибко и Романовка) пользовались въ то время сравнительнымъ благополучіемъ, и это обстоятельство заставило первыхъ піонеровъ еврейскаго землевладѣнія обратить свое главное вниманіе на бессарабскія земли, тѣмъ болѣе, что по Высочайше утвержденному 14 января 1857 года мнѣнію государственнаго совѣта предоставленное евреямъ въ отношеніи землевладѣнія право обусловлено было покупкою исключительно незаселенныхъ земель, а Бессарабія, изобиловавшая огромными имѣніями, заселенными совершенно свободнымъ элементомъ хлѣбопашцевъ—царанами, оказалась тогда единственной областью, соотвѣтствовавшей требованію закона. Первымъ евреемъ-землевладѣльцемъ въ Бессарабіи былъ пот. поч. гражд. Евзель Гинцбургъ, родоначальникъ нынѣшнихъ бароновъ Гинцбурговъ, успѣвшій закупить въ ясскомъ, сорокскомъ, аккерманскомъ и бендерскомъ уѣздахъ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ. Фактъ этотъ послужилъ поводомъ къ двумъ діаметрально противоположнымъ ходатайствамъ,

поступившимъ въ томъ же году къ высшему правительству. Съ одной стороны, цѣлая группа евреевъ-капиталистовъ въ Петербургѣ обратилась къ комитету объ устройствѣ евреевъ съ просьбой о разъясненіи ихъ правъ на владѣніе незаселенными землями въ томъ смыслѣ, „чтобы въ отношеніи пріобрѣтенія и владѣнія землями и имѣніями, заселенными не крѣпостными, а свободными разнаго наименованія людьми, какъ царанами, татарами, мѣщанами и тому подобными, водворенными только по контрактамъ и условіямъ, евреи пользовались одинаковыми правами съ христіанами на всемъ пространствѣ губерній и области, для постоянной ихъ осѣдлости назначенныхъ, не исключая и пятидесятиверстной черты, съ тѣмъ только, чтобы ни сами евреи-владѣльцы, ни другіе ихъ единовѣрцы не проживали и не занимались продажей горячихъ напитковъ въ питейныхъ заведеніяхъ тѣхъ имѣній“. Съ другой стороны, бессарабскими дворянами съ областнымъ предводителемъ дворянства во главѣ подано было на Высочайшее Имя всеподданнѣйшее прошеніе о возстановленіи и подтвержденіи для облегченія мѣстныхъ потребностей края кореннаго молдавскаго узаконенія относительно совершеннаго воспрещенія евреямъ права пріобрѣтать въ Бессарабіи земли вообще какъ населенныя, такъ и не населенныя, „чтобы этимъ средствомъ отклонить такъ быстро развивающійся вредъ отъ обширнаго вліянія евреевъ на бытъ поселянъ, которыхъ благосостояніе неразрывно связано съ бытомъ самихъ помѣщиковъ, каковую мѣру дворяне полагаютъ полезною для Бессарабіи, тѣмъ болѣе, что она есть область пограничная“. Оба эти ходатайства были переданы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на заключеніе новороссійскаго генералъ-губернатора и вызвали со стороны заинтересованныхъ партій огромную и не лишенную страстности переписку, съ содержаніемъ которой мы, пользуясь сохранившимися архивными данными, и познакомимъ нашихъ читателей.

II.

Прежде всего графъ А. Г. Строгановъ поспѣшилъ высказаться въ неблагопріятномъ для просителей смыслѣ. „Хотя помянутые евреи.—говорится въ отзывѣ гр. Строганова на имя министра внутреннихъ дѣлъ, начинающемся ссылкою на 1288 и 1289 ст. ст. IX т. зак. о сост., въ силу которыхъ владѣніе населенными имѣніями евреямъ вовсе воспрещается,—относя приводимыя статьи къ людямъ крѣпостного состоянія, ходатайствуютъ о дозволеніи имъ владѣть землями, заселенными царанами и другими вольными людьми, но, обращаясь къ нынѣ дѣйствующимъ постановленіямъ, нельзя не замѣтить, что правительство, заботясь о переводѣ евреевъ въ классъ земледѣльческій и предоставляя имъ въ этомъ отношеніи разныя льготы и привилегіи, въ то же время старается ограничить всякое вліяніе евреевъ на христіанъ, и потому евреямъ запрещается держать у себя христіанъ для постоянныхъ домашнихъ услугъ, брать въ аренду или посессію имѣнія населенныя, также быть управителями или прикащиками въ сихъ имѣніяхъ, или брать отъ помѣщиковъ на откупъ доходъ отъ крестьянъ ихъ. Евреи допускаются къ содержанію оброчныхъ статей во владѣльческихъ имѣніяхъ, внѣ городовъ или мѣстечекъ, только по формальнымъ контрактамъ, въ которыхъ непремѣнно *включается условіе, что содержатели статей никакого вліянія на продажу горячихъ напитковъ и коммерческія сношенія крестьянъ,* равно постояннаго жительства въ селахъ и деревняхъ имѣть не будутъ. Всѣ эти ограниченія ясно показываютъ, что цѣль закона устранить евреевъ отъ всякаго вліянія на христіанъ. А какъ владѣлецъ всегда можетъ имѣть самое сильное и непосредственное вліяніе не только на коммерческія сношенія, но даже на самый бытъ жителей, на землѣ его поселенныхъ,—воспрещеніе же евреямъ жить въ своихъ имѣніяхъ или посѣщать ихъ—совершенно невозможно,—то я полагаю, что 1288 ст. IX т. и послѣдующія по буквальному ихъ смыслу равно относятся къ землямъ, населен-

нымъ какъ крѣпостными, такъ и свободными людьми. Кромѣ того, допущеніе евреевъ ко владѣнію имѣніями, населенными не только христіанами, но и татарами, какъ въ Крыму, при постоянномъ ихъ стремленіи сдѣлаться помѣщиками, для чего нѣкоторые даже приняли христіанскую вѣру, по мнѣнію моему, можетъ имѣть самое вредное вліяніе по слѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ, евреи, владѣя весьма значительными капиталами, въ такомъ случаѣ, большую часть ихъ, къ ущербу торговли, обратятъ на покупку земель и завладѣютъ огромными пространствами, къ стѣсненію и невыгодамъ мѣстныхъ жителей, какъ земледѣльцевъ, такъ и прочихъ состояній, и можно полагать, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представится случай пріобрѣтать подобныя земли (какъ въ Бессарабіи и Крыму), они вытѣснятъ тамошнихъ владѣльцевъ и, по богатству своему, сдѣлаются господствующими въ краѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Во вторыхъ, правительство, дозволивъ евреямъ покупку незаселенныхъ земель, имѣло въ виду колонизацію евреевъ и предоставило владѣльцамъ земли весьма значительныя для того поощренія; однакожъ, до сего времени немногіе изъ евреевъ, не ожидая вѣрной корысти, воспользовались симъ полезнымъ указаніемъ, а съ дозволеніемъ имъ владѣть заселенными землями— цѣль эта совершенно устранится". Въ виду этихъ соображеній графъ А. Г. Строгановъ нашелъ просьбу евреевъ-капиталистовъ незаслуживающей вниманія. Независимо отъ этого гр. Строгановъ потребовалъ отъ Бессарабскаго областного гражданскаго суда возможно скораго доставленія ему свѣдѣній, на какія именно земли, пустопорожнія и особо отрѣзанныя отъ населенныхъ имѣній, пріобрѣтенныя евреями, совершены въ **1857** *году купчія крѣпости*, кѣмъ и кому тѣ земли проданы, въ какомъ количествѣ и за какую цѣну. Въ то же время гр. Строгановъ сообщилъ бессарабскому военному губернатору, что до его свѣдѣнія дошло, что въ Бессарабіи совершаются крѣпостные акты на продаваемыя евреямъ, какъ ненаселенныя, земли, отрѣзываемыя отъ имѣній, населенныхъ царанами , съ оставленіемъ для послѣднихъ недостаточнаго коли-

чества земли, вслѣдствіе чего онъ и считаетъ необходимымъ обратить на это явленіе вниманіе начальника области, какъ на стѣснительное для поселянъ завладѣніе землею, могущее имѣть самое неблагопріятное вліяніе на населеніе края, и проситъ войти въ разсмотрѣніе, „до какой мѣры прописанныя свѣдѣнія заслуживаютъ вѣроятія". Бессарабскій областной гражданскій судъ препроводилъ въ канцелярію новороссійскаго генералъ-губернатора списокъ всѣмъ совершеннымъ въ этомъ судѣ въ началѣ 1857 года актамъ. Изъ этого списка видно, что 2 марта засвидѣтельствована купчая крѣпость на проданныя молдавскимъ бояромъ Ласкари Богданомъ пот. поч. гр. Евзелю Гинцбургу 7600 фалечъ земли изъ состава вотчины Пилиней и Валя-Царградалуй, въ ясскомъ и сорокскомъ уѣздахъ, за 98,800 р., что 14 марта засвидѣтельствована купчая крѣпость на проданныя тому же Гинцбургу ст. сов. Бальшемъ 3044 десятины въ бендерскомъ уѣздѣ за 41094 р., что 29 марта засвидѣтельствована купчая крѣпость на проданныя Гинцбургу княгиней Гика 6560 десятинъ въ бендерскомъ уѣздѣ за 81475 руб., что 1 апрѣля засвидѣтельствована купчая крѣпость на проданныя Гинцбургу тайн. сов. Фонтономъ 4400 десятинъ въ бендерскомъ уѣздѣ за 66,640 р. и что во всѣхъ этихъ актахъ рѣчь идетъ исключительно о незаселенныхъ участкахъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія. Тѣ-же свѣдѣнія подтвердило въ общихъ чертахъ и бессарабское областное правленіе, добавивъ лишь, что хотя царане, имѣя для своего хлѣбопашества нужное количество земли, не могутъ быть стѣснены пріобрѣтеніемъ евреями по сосѣдству съ ними пустопорожнихъ и неимѣющихъ нынѣ для нихъ никакого значенія участковъ, все же нельзя отрицать, что они могутъ быть стѣснены впослѣдствіи при умноженіи народонаселенія, тѣмъ болѣе, что владѣлецъ, пріобрѣтая землю, занимаемую только царанами, и не имѣя другой земли въ своемъ распоряженіи, лишаетъ этимъ царанъ возможности отбывать въ натурѣ повинности, слѣдуемыя ему за пользованіе землею. Въ этихъ видахъ областное правленіе признало полезнымъ „постановить за

правило, чтобы въ томъ населенномъ имѣніи, отъ коего отчуждается въ продажу евреямъ пустопорожняя земля, оставлено было, кромѣ пропорціи, необходимой для надѣленія наличныхъ царанъ по нормальному положенію, еще 50% съ тѣмъ, чтобы этотъ участокъ земли, служа обезпеченіемъ для царанъ въ будущемъ, былъ обрабатываемъ ими въ размѣрѣ, опредѣленномъ нормальнымъ положеніемъ въ пользу владѣльца за повинности“.

Что же касается запроса, сдѣланнаго бессарабскому военному губернатору, то запросъ этотъ вызвалъ подробно мотивированный рапортъ послѣдняго, сущность котораго сводится главнымъ образомъ къ оцѣнкѣ значенія и основательности всеподданнѣйшаго ходатайства бессарабскихъ дворянъ.

III.

Во вступительной части своего рапорта бессарабскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ М. С. Ильинскій останавливается на тѣхъ исключительныхъ историческихъ и экономическихъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ, по его мнѣнію, еврейское землевладѣніе въ предѣлахъ Бессарабіи особенно нежелательнымъ. Прежде всего указывается на то, что по молдавскому узаконенію, изложенному въ 5 пунктѣ 25 титула книги мѣстныхъ законовъ Донича, евреямъ вовсе не предоставляется права пріобрѣтенія земли въ Бессарабіи, что законъ этотъ подтвержденъ и первымъ русскимъ узаконеніемъ, изданнымъ въ 1818 году во время образованія бессарабской области, что народонаселеніе въ Бессарабіи съ каждымъ годомъ все болѣе увеличивается, вслѣдствіе чего при переходѣ земли къ евреямъ, мѣстные поселяне могутъ встрѣтить недостатокъ въ свободныхъ участкахъ для занятія хлѣбопашествомъ. Такое опасеніе тѣмъ болѣе основательно, что по бывшимъ уже примѣрамъ ненаселенными имѣніями признаются въ Бессарабіи и такія части земли, которыя отрѣзаны изъ состава населенныхъ вотчинъ, гдѣ оставляется только самая необходимая посе-

лянамъ земля. Далѣе указывается на то, что изъ всѣхъ мѣстностей, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости, бессарабскія земли болѣе другихъ привлекаютъ къ себѣ евреевъ, такъ какъ бессарабская область на протяженіи слишкомъ 600 верстъ граничитъ съ Австріей и Молдавіей и населена вольными хлѣбопашцами—царанами, свободными въ своихъ дѣйствіяхъ и могущими входить съ евреями во всякія условія и обязательства. Этимъ объясняется наплывъ евреевъ въ Бессарабію, а также то, что остаются безуспѣшными всѣ дѣлаемые правительствомъ евреямъ вызовы относительно пріобрѣтенія земли и поселенія на земляхъ казенныхъ и частнымъ лицамъ принадлежащихъ. Въ весьма короткое время въ Бессарабіи образовалось 17 колоній и евреи завладѣли внушительнымъ количествомъ, около 100,000 десятинъ земли. Таковы основанія, послужившія дворянству поводомъ къ ходатайству о воспрещеніи евреямъ пріобрѣтать въ Бессарабіи земли. И основанія эти, по мнѣнію ген.-маіора Ильинскаго, уважительны тѣмъ болѣе, что значительная часть евреевъ, занимаясь исключительно спекуляціями, весьма разорительными для земледѣльческаго класса, пріобрѣли въ свои руки капиталы, обратившись въ ростовщиковъ и отнимая всѣ средства не только къ дальнѣйшему развитію, но даже поддержанію сельскаго хозяйства —главнаго источника народнаго богатства бессарабскихъ жителей. „Было много и есть еще между евреями и такіе, которые, отдавая деньги взаймы, берутъ проценты неслыханные. Къ отклоненію же этого вреднаго вліянія евреевъ на сельское хозяйство вообще и на бытъ поселянъ въ особенности —не представляется въ настоящее время никакой возможности потому, что бессарабская область, при совершенномъ отсутствіи капиталовъ у земледѣльческаго класса ея населенія, и понынѣ еще не пользуется правомъ, предоставленнымъ всѣмъ прочимъ губерніямъ Россіи т. е. правомъ займа денегъ изъ кредитныхъ установленій подъ залогъ земель и съ постепеннымъ погашеніемъ самого занятаго капитала, а вслѣдствіе этого какъ помѣщики, такъ и поселяне, встрѣчая надобность въ необ-

ходимыхъ для веденія хозяйства оборотныхъ капиталахъ, вынуждены прибѣгать къ займамъ у единственныхъ въ Бессарабіи капиталистовъ-евреевъ. До недавняго времени евреи пріобрѣтали въ Бессарабіи земли малыми участками и притомъ съ цѣлью населять оныя колонистами евреями-же для пріобрѣтенія законами предоставленныхъ имъ на то правъ и льготъ. Въ послѣднее время, однакожъ, евреи стали пріобрѣтать земли болѣе обширныя и при томъ въ мѣстахъ, которыя уже достаточно населены вольными хлѣбопашцами-царанами, каковы, напримѣръ, уѣзды хотинскій, сорокскій, ясскій, оргѣевскій и кишиневскій. Неминуемымъ послѣдствіемъ этого будетъ то, что поселяне-христіане найдутся вынужденными селиться на земляхъ, принадлежащихъ евреямъ, для занятія хлѣбопашествомъ, во первыхъ, потому, что и евреи-помѣщики и значительнѣйшая часть изъ населенныхъ на ихъ земляхъ колонистовъ-единовѣрцевъ обработываютъ свои поля единственно поселянами, тогда какъ сами они, живя въ городахъ и колоніяхъ, занимаются торговлею, спекуляціями и ростовщичестомъ, и во вторыхъ, что отъ возрастающаго съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе исключительно выгоднаго положенія Бессарабіи для земледѣлія и торговли, сгущенія населенія — сами поселяне должны будутъ переселиться съ мѣстъ нынѣшняго ихъ жительства на мѣста болѣе просторныя, а такими останутся однѣ лишь земли, принадлежащія евреямъ“.

Между доводами, приводимыми генералъ-маіоромъ Ильинскимъ въ пользу ходатайства бессарабскихъ дворянъ, имѣется, впрочемъ, еще указаніе на то, что по закону евреи не могутъ имѣть осѣдлости въ 50-верстномъ разстояніи отъ границы иностранныхъ владѣній. Эта 50-верстная черта, пролегая вдоль всей Бессарабіи параллельно съ границами Австріи и Молдавіи, составляетъ между собою и рѣкою Днѣстромъ часть пространства, которое по прямой линіи отъ черты до Днѣстра въ населенныхъ уѣздахъ имѣетъ самую большую широту только до 60 верстъ, а въ уѣздахъ менѣе населенныхъ это - же пространство опредѣляется въ

88 верстъ. Такимъ образомъ евреи могутъ покупать незаселенныя земли только въ узкой полосѣ Бессарабіи, которая заключается между 50-верстной отъ границы чертою и Днѣстромъ и которая во многихъ мѣстахъ имѣетъ ширины не болѣе какъ отъ 5 до 25 верстъ, а между тѣмъ именно эта часть области, лежащая по берегу Днѣстра, есть самая населенная, вслѣдствіе чего всякое допущеніе покупки тамъ евреями земли неминуемо стѣснитъ поселянъ и послужитъ преградою къ расширенію ихъ хозяйства.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній бессарабскій военный губернаторъ призналъ возможнымъ поддержать ходатайство дворянъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а именно въ смыслѣ ограниченія права пріобрѣтенія евреями въ Бессарабіи земель ненаселенныхъ и пустопорожнихъ исключительно одними лишь тѣми уѣздами, въ которыхъ ограничено и самое народонаселеніе, какъ уѣзды бендерскій и аккерманскій, но съ тѣмъ, однакожъ, чтобы ненаселенными имѣніями признавались именно такія, которыя извѣстны подъ названіемъ пустопорожнихъ, и чтобы ни въ какомъ случаѣ евреи не допускались къ пріобрѣтенію, подъ названіемъ ненаселенныхъ имѣній, такихъ частей земли, которыя отдѣлены изъ состава населенныхъ вотчинъ. „Какъ же уѣзды кишиневскій, оргѣевскій, сорокскій, ясскій и хотинскій уже и нынѣ населены не только достаточно, но даже съ избыткомъ, вслѣдствіе чего всякое новое водвореніе въ сихъ уѣздахъ евреевъ послужитъ явнымъ вредомъ и стѣсненіемъ для коренныхъ обывателей области—поселянъ-христіанъ, то на будущее время ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не допускать евреевъ къ пріобрѣтенію въ сихъ уѣздахъ земель какъ населенныхъ, такъ и ненаселенныхъ, и пустопорожнихъ, дабы, съ одной стороны, отстранить вредное вліяніе евреевъ на бытъ поселянъ, а съ другой—обезпечить этой мѣрой будущность послѣднихъ оставленіемъ для ихъ земледѣльческихъ занятій по крайней мѣрѣ того пространства земли, какое заключается въ сихъ сѣверныхъ уѣздахъ“.

IV.

Вмѣстѣ съ заключеніемъ своимъ бессарабскій военный губернаторъ призналъ необходимымъ въ интересахъ безпристрастія представить на усмотрѣніе графа А. Г. Строганова два прошенія, поступившихъ къ нему отъ представителей двухъ враждебныхъ лагерей—русскаго и еврейскаго купечества.

„Дворянство бессарабской области—пишутъ въ своемъ прошеніи отъ 5 іюня 1857 года кишиневскіе купцы-христіане—въ общемъ своемъ собраніи на бывшихъ въ текущемъ году дворянскихъ выборахъ, разсуждая о нуждахъ и пользахъ своихъ, рѣшились, какъ мы освѣдомились, ходатайствовать у щедротъ Августѣйшаго Монарха нашего, между прочимъ, и о совершенномъ воспрещеніи евреямъ права пріобрѣтать въ Бессарабіи земли. Дворянство, какъ высшее сословіе въ государствѣ, весьма основательно изложило причины, требующія совершеннаго воспрещенія евреямъ этого права. Какъ же отъ достиженія этой благодѣтельной мысли зависитъ благосостояніе не одного только благороднаго сословія и не однихъ насъ только, но и всего вообще христіанскаго населенія края, то мы и съ своей стороны нашлись вынужденными изложить предъ вашимъ превосходительствомъ слѣдующія обстоятельства. Если евреи, при дозволеніи имъ права жительства въ деревняхъ, успѣли пріобрѣсть такое обширное вліяніе на торговлю края и даже на бытъ поселянъ, изъ которыхъ рѣдкій не долженъ еврею деньгами, то что будетъ и въ какой мѣрѣ усилится это вліяніе ихъ на христіанское народонаселеніе Бессарабіи, когда они сдѣлаются помѣщиками и будутъ такимъ образомъ открыто имѣть счеты и расчеты съ нами и съ поселянами. Тогда уже неминуемо дойдемъ и мы и всѣ прочія сословія края до того, что на нашей сторонѣ останутся труды и лишенія, на сторонѣ-же евреевъ—выгоды и обогащеніе. Евреи-помѣщики и даже колонисты единовѣрцы ихъ и понынѣ не усвои-

ли себѣ понятія о земледѣліи. Они, въ противность закону, и нынѣ воздѣлываютъ поля свои поселянами-христіанами, и, поэтому, нѣтъ сомнѣнія, когда число ихъ увеличится и народонаселеніе. видимо возрастающее съ каждымъ днемъ, сгустится еще болѣе, что поселяне-христіане будутъ вынуждены не только нанимать землю за деньги и работами въ натурѣ у евреевъ для хлѣбопашества и скотоводства, но и селиться на ихъ земляхъ, подпадая такимъ образомъ въ совершенную зависимость евреевъ. Евреи поняли это и теперь они стараются пріобрѣтать все болѣе и болѣе земель, которыхъ и нынѣ уже во многихъ мѣстахъ весьма недостаточно для насъ самихъ—туземцевъ-христіанъ, а это угрожаетъ краю нашему несчастнымъ положеніемъ, что мы и наши собратья будемъ во власти евреевъ. А потому мы осмѣливаемся покорнѣйше просить ваше превосходительство, на случай еслибы высшее начальство потребовало отъ васъ какія либо свѣдѣнія по объясненной выше просьбѣ бессарабскаго дворянства о воспрещеніи евреямъ права пріобрѣтать въ Бессарабіи земли, то имѣть въ виду и представить въ подлинникѣ и настоящее прошеніе наше, что удовлетвореніе просьбы дворянства принесетъ огромныя выгоды и существенную пользу не однимъ дворянамъ, но и нашему сословію, а еще болѣе поселянамъ, которые, какъ мы имѣли случай положительно убѣдиться, не только вполнѣ раздѣляютъ мысль гг. дворянъ и нашу о необходимости отклонить вредное для нихъ, поселянъ, вліяніе евреевъ, но ожидаютъ осуществленія мысли той, какъ высшаго для себя счастья".

Евреи въ свою очередь, сообразивъ также, что высшему начальству интересно будетъ познакомиться съ ихъ возраженіями противъ взводимыхъ на нихъ обвиненій, поспѣшили вручить ген.-маіору Ильинскому объемистую записку, имѣвшую впослѣдствіи большой успѣхъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и успѣвшую даже вызвать рѣзкую перемѣну и во взглядахъ гр. А. Г. Строганова на еврейское землевладѣніе. На содержаніи этой записки считаемъ необходимымъ остановиться болѣе подробно.

V.

Прежде всего составители записки, возстановляемой нами лишь въ существенныхъ ея частяхъ съ опущеніемъ болѣе рѣзкихъ мѣстъ полемическаго свойства, указываютъ на то, что изданіе закона, по которому одни только извѣстные классы имѣли-бы право владѣть въ Бессарабіи землями, населенными свободными царанами и поселянами, было бы величайшей несправедливостью въ отношеніи самыхъ царанъ, „потому что это стѣснило бы ихъ свободный выборъ и кругъ ихъ дѣйствія“. Чѣмъ болѣе лицъ, имѣющихъ право владѣть населенными землями, тѣмъ шире поле для хлѣбопашца и тѣмъ выгоднѣе условія, которыя онъ можетъ себѣ выговаривать. Если исключить евреевъ, то поселяне теряютъ цѣлый классъ землевладѣльцевъ и оттого остальные классы пріобрѣтаютъ нѣкоторый родъ монополіи въ явный ихъ ущербъ. Ограниченіе во владѣніи населенными землями, существующее доселѣ въ Молдавскомъ княжествѣ, созданное, разумѣется, *самыми боярами и дворянствомъ* въ старинныя времена феодализма и произвола, имѣетъ слѣдствіемъ то, что поселяне тысячами оставляютъ Молдавію и переходятъ въ Бессарабію на поселеніе. Изъ этого петиціонеры дѣлаютъ выводъ въ томъ смыслѣ, что вліяніе не евреевъ, а дворянъ въ Молдавіи дѣйствуетъ невыгодно на бытъ поселянина и заставляетъ его искать убѣжища тамъ, гдѣ воля его не стѣснена монопольными притязаніями кого бы то ни было.

Указываемое дворянами, какъ мотивъ къ ограниченію еврейскаго землевладѣнія, угнетеніе поселянъ выставляется въ запискѣ прямо смѣшнымъ и незаслуживающимъ вниманія абсурдомъ. Мы—говорятъ составители записки—находимся, какъ извѣстно, въ черномъ тѣлѣ, милліоны глазъ за нами смотрятъ, малѣйшій проступокъ одного изъ насъ преувеличивается, разукрашивается и приписывается цѣлому народу нашему; самое ничтожное обстоятельство вызываетъ толки со стороны людей, менѣе всего имѣю-

щихъ право по нравственнымъ своимъ качествамъ порицать другихъ. Какъ бы то ни было, но если еврею приписывается частью то, чего онъ и въ умѣ не имѣлъ, то тѣмъ болѣе не пройдетъ ему даромъ дѣйствительное угнетеніе поселянина, если таковое случилось, и онъ неминуемо понесетъ заслуженное наказаніе. Это понимаетъ каждый еврей и не позволитъ себѣ малѣйшаго угнетенія, не говоря уже о томъ, что еврей, стремящійся къ сельскому хозяйству, „пропитанъ просвѣщеніемъ и гуманными правилами и чуждъ всякихъ предразсудковъ, быть можетъ, гораздо болѣе нежели тѣ изъ гг. дворянъ, которые вздумали доискиваться новыхъ для насъ ограниченій“.

Тутъ же сдѣлана ссылка на то, что въ Царствѣ Польскомъ, какъ и въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи и Австріи, евреи изстари владѣютъ населенными имѣніями, а между тѣмъ объ угнетеніи ими поселянъ нигдѣ нѣтъ рѣчи, ибо оно не существуетъ. „Еслибъ малѣйшая тѣнь вины въ этомъ падала на евреевъ, то весь свѣтъ давно бы прочелъ это въ тысячѣ періодическихъ изданій, потому что евреи имѣютъ повсюду недоброжелателей, готовыхъ обнаружить передъ свѣтомъ малѣйшій проступокъ еврея, разумѣется, съ необходимыми дополненіями и прибавленіями. У насъ же въ Бессарабіи подобное угнетеніе не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ поселянинъ есть свободный человѣкъ и живетъ на землѣ владѣльца по свободному договору,—слѣдовательно, его отношенія къ владѣльцу суть тѣ же, что и отношенія фабричнаго рабочаго къ фабриканту. Слѣдовательно, угнетеніемъ поселянина еврей-землевладѣлецъ будетъ дѣйствовать въ ущербъ себѣ: поселянинъ его броситъ, молва его заклеймитъ, никто связываться съ нимъ не пожелаетъ, и земля его не доставитъ ему ожидаемыхъ выгодъ, не говоря уже о страхѣ взысканія по законамъ“. При этомъ составители записки замѣчаютъ, что угнетеніе поселянина со стороны владѣльца не-дворянина никогда не пройдетъ безслѣдно въ то время, какъ тѣ же угнетенія со стороны дворянъ въ большинствѣ случаевъ не влекутъ за собою для виновныхъ почти

никакихъ послѣдствій въ виду того, что слѣдственная и судебная власть сосредоточена преимущественно въ рукахъ представителей дворянства, хотя статистика, впрочемъ, показываетъ, что, не смотря на столь благопріятныя для дворянъ условія, они играютъ въ дѣлахъ объ угнетеніи поселянъ самую видную роль.

Переходя къ побужденіямъ дворянъ и къ главному мотиву, легшему въ основаніе ихъ ходатайства, составители записки прямо говорятъ, „что настоящее ходатайство дворянъ о воспрещеніи евреямъ пріобрѣтать имѣнія въ Бессарабіи не есть слѣдствіе человѣколюбія къ поселянамъ и особенной заботливости о ихъ благосостояніи; еще пока ни одинъ еврей не владѣетъ населенными имѣніями въ Бессарабіи и, слѣдственно, мнимое разрушительное вліяніе евреевъ не только не могло дойти до своего развитія, но даже не успѣло еще родиться. Это маска, подъ которой скрываются ненависть, фанатизмъ и другія побужденія, въ числѣ которыхъ главную роль играютъ самолюбіе и своекорыстіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, имѣющихъ отдаленные виды на дешевое пріобрѣтеніе земель. Въ послѣднее время цѣны на землю въ Бессарабіи возвысились въ 5—6 разъ дороже прежняго, потому что явилось сильное соперничество въ покупкѣ, къ которой устремились чиновники, поляки, греки, болгары, армяне, русскіе купцы и мѣщане и, наконецъ, евреи. Не имѣя возможности вооружиться противъ первыхъ, гг. дворяне вздумали вымѣстить свое неудовольствіе на однихъ евреяхъ въ той надеждѣ, что имъ стоитъ только произнести старинныя избитыя фразы о пагубномъ вліяніи евреевъ и тому подобномъ—и евреи будутъ лишены этого права, потому что нѣтъ ничего легче, какъ отнимать права у беззащитныхъ людей, и они, гг. дворяне, избавятся хотя отъ одного класса сильныхъ соперниковъ-покупщиковъ, если они не могутъ избавиться отъ всѣхъ“. Указывая затѣмъ на то, что далеко не всѣ дворяне относятся сочувственно къ ходатайству инициаторовъ ограниченія правъ евреевъ, составители записки подробно разбираютъ значеніе выкопаннаго стараго молдавскаго закона, никогда раньше

на практикѣ не примѣнявшагося и въ то время, когда Бессарабія принадлежала Молдавіи. „Если и существовалъ такой законъ,— спрашиваютъ они,—то съ чего взяли гг. дворяне, что онъ непремѣнно долженъ быть свято сохраняемъ и въ настоящее время? Мало-ли какіе древніе законы существовали противъ евреевъ въ Европѣ? Существовалъ законъ, по которому еврей долженъ былъ платить особую пошлину, переходя черезъ мостъ; существовалъ законъ, по которому еврей долженъ былъ носить особый желтый знакъ на спинѣ для обозначенія его касты; существовалъ законъ, по которому евреевъ торжественно жгли на кострахъ на публичномъ ауто-да-фе во славу Божію; существовали еще другіе законы, которые обезславили человѣчество и еврейской кровью и слезами записаны на скрижаляхъ исторіи! Неужели, по мнѣнію гг. бессарабскихъ дворянъ, всѣ эти законы должны быть возстановлены въ настоящее время потому только, что они древніе? Цивилизованная Европа уничтожила эти законы и стыдится за тѣхъ, которые ихъ выдумали, а гг. дворяне отыскиваютъ изъ подъ стараго хлама обветшалый законъ и силою его хотятъ доказать, что они имѣютъ право преслѣдовать своихъ ближнихъ!“

Далѣе въ запискѣ упоминается о томъ, что отношенія бессарабскаго поселянина къ землевладѣльцу никоимъ образомъ не должны быть сравниваемы съ отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ въ прочихъ мѣстахъ Россіи. Тамъ, дѣйствительно, бытъ крестьянъ тѣсно связанъ съ бытомъ помѣщика, который платитъ за нихъ подати, кормитъ въ неурожайные годы; въ военное время вся тяжесть тамъ опять падаетъ на помѣщика, потому что онъ даетъ погонцевъ, лошадей, хлѣбъ, фуражъ, жертвуетъ деньги, и все идетъ изъ собственнаго его состоянія. Но въ Бессарабіи поселянинъ ничего общаго съ помѣщикомъ не имѣетъ: онъ самъ платитъ за себя подати, отбываетъ свои повинности; съ случаѣ нужды онъ продаетъ свой рабочій скотъ и нерѣдко попадаетъ въ цѣпкія руки помѣщика-дворянина, ссужающаго его деньгами подъ обезцѣниваемый личный трудъ его. Тутъ же составители

записки приводятъ нѣкоторыя любопытныя данныя, относящіяся къ крымской кампаніи. „Въ послѣднее военное время, дѣйствительно тяжелаго для Бессарабіи, менѣе всѣхъ терпѣло здѣшнее дворянство. Купцы, мѣщане и поселяне ставили погонцевъ, содержали постоянные постои, поставляли подводы на перевозку тяжестей и больныхъ, пекли на свой счетъ сухари и жертвовали деньги; поселяне въ особенности тысячами работали сами и своимъ скотомъ при устройствѣ крѣпостей, мостовъ и дорогъ, а дворяне во всемъ этомъ не участвовали. Когда же бывшій предводитель дворянства г. Бальшъ, въ бытность свою въ Одессѣ у тогдашняго генералъ-губернатора ген.-лейт. Анненкова, изъ благороднаго патріотизма изъявилъ желаніе отъ имени всего дворянства въ Бессарабіи пожертвовать 1000 воловъ, то въ этомъ пожертвованіи участвовали и владѣльцы земель не изъ дворянъ, между тѣмъ какъ казенные поселяне и колонисты сей области жертвовали по собственному побужденію 6000 воловъ и болѣе 85000 руб. сер., а прочіе поселяне 1500 воловъ. Спрашивается теперь, что общаго между поселяниномъ и землевладѣльцемъ у насъ и почему вліяніе еврея-владѣльца будетъ пагубнѣе на благосостояніе поселянина, чѣмъ вліяніе другаго владѣльца?“.

Особенно много мѣста составители записки удѣляютъ выясненію тѣхъ историческихъ условій, которыя способствовали превращенію евреевъ, искони занимавшихся хлѣбопашествомъ, въ торговцевъ. „Наше попечительное правительство—говорится въ заключительной части записки—постоянно заботится пріохотить евреевъ къ земледѣлію и въ этомъ случаѣ предоставляетъ имъ особенныя права и преимущества. Евреи сами постепенно начали утрачивать свою исключительную наклонность къ промышленности и устремились къ земледѣлію. Многіе пріобрѣтаютъ въ разныхъ мѣстахъ землю для занятія скотоводствомъ, хлѣбопашествомъ и всѣми отраслями сельскаго хозяйства; другіе, соединившись, водворились колонистами на земляхъ казенныхъ, помѣщичьихъ и собственно пріобрѣтенныхъ, и въ одной Бессарабіи образовалось

17 еврейскихъ колоній. Наши капиталисты подаютъ благіе примѣры среднему сословію, а среднее сословіе въ свою очередь дѣйствуетъ на низшій классъ. Это должно повести къ перерожденію нашего народа и къ снятію съ него стараго пятна, которымъ заклеймили его другіе, а не онъ самъ себя. Правительство подаетъ намъ руку помощи, а гг. бессарабскіе дворяне желаютъ ее отклонить отъ насъ для того, чтобы мы остались вѣчными жидами, вѣчными скитальцами, вѣчными промышленниками".

Заканчивается записка указаніемъ какъ на вредныя послѣдствія, вытекающія изъ примѣненія разныхъ ограничительныхъ законовъ не только для ограничиваемыхъ, но и для всей страны, такъ и на общія выгоды, сопряженныя съ эмансипаціей евреевъ. Между прочимъ, составители записки, въ подтвержденіе того, что евреи по общественному своему положенію присваиваютъ себѣ нравы, характеръ и умственный строй того народа, среди котораго они живутъ, ссылаются на Францію, Англію, Голландію, Бельгію и многія другія государства, гдѣ въ теченіе одной только первой половины девятнадцатаго столѣтія съ евреевъ сняты были отяготительныя ограниченія и гдѣ они, уравненные со всѣми прочими въ правахъ гражданскихъ и политическихъ, стали положительно неузнаваемыми. „Тамъ они евреи только въ синагогѣ, а внѣ ея, на полѣ сраженія, на поприщѣ государственной службы, они тѣ же сыны отечества, что и другіе, тѣ же интересы ихъ связываютъ; то же общественное мнѣніе ими руководитъ. Пятьдесятъ лѣтъ было достаточно, чтобы изгладить унизительные слѣды, порожденные пятнадцатью столѣтіями; это слѣдствіе терпимости и человѣколюбія нашего вѣка. И въ нашемъ отечествѣ, гдѣ правительство обратило особенное вниманіе на наше положеніе, перерожденіе евреевъ совершается, хотя и медленно,—ибо быстрые скачки тутъ невозможны,—но постепенно и прочно". „И въ то время, когда правительство задало себѣ такую высокую задачу человѣколюбія, нашлись люди, которые домогаются отнять у евреевъ право пріобрѣтать земли подъ предлогомъ небывалыхъ пагубныхъ

влiянiй, основываясь на древнемъ молдавскомъ законѣ, о которомъ слѣдовало бы имъ говорить съ отвращенiемъ и раскаянiемъ!“

VI.

Записка эта, препровожденная въ министерство внутреннихъ дѣлъ среди другихъ документовъ, прiобщенныхъ къ любопытной перепискѣ, вызванной ходатайствомъ бессарабскихъ дворянъ, имѣла своимъ послѣдствiемъ то, что самъ графъ А. Г. Строгановъ, до того относившiйся довольно сочувственно къ принципiальной сторонѣ этого ходатайства, обнаружилъ совсѣмъ иной взглядъ на вопросъ о еврейскомъ землевладѣнiи и нашелъ возможнымъ внести только предложенiе о разрѣшенiи отчужденiя свободныхъ земель въ Бессарабiи лишь въ половинномъ размѣрѣ и объ обязательномъ совершенiи всѣхъ купчихъ крѣпостей на означенныя земли исключительно въ одномъ бессарабскомъ гражданскомъ судѣ. Но и это предложенiе не имѣло успѣха въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. „Вслѣдствiе происходившей съ вашимъ сiятельствомъ переписки,—говорится въ отношенiи министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго отъ 10 апрѣля 1859 года на имя графа А. Г. Строганова,—по ходатайству нѣкоторыхъ дворянъ бессарабской области, о возстановленiи отмѣненныхъ положенiемъ 1835 года закона Донича и временнаго постановленiя 1818 года объ ограниченiи евреевъ въ покупкѣ въ Бессарабiи земель, я входилъ съ представленiемъ въ комитетъ объ устройствѣ евреевъ, полагая, согласно съ заключенiемъ вашимъ, означенное ходатайство бессарабскихъ дворянъ, какъ несогласное съ ст. 1 учр. для упр. бес. обл. и ст. 1238 т. IX, оставить безъ послѣдствiй. Что же касается предположенiя вашего сiятельства объ ограниченiи продажи земель, принадлежащихъ къ населеннымъ имѣнiямъ, то по сдѣланному сношенiю съ главноуправляющимъ II отдѣленiемъ собственной Его Величества канцелярiи и г. министромъ юстицiи я находилъ, что проектируемыя мѣры стѣснили-бы земле-

владѣльцевъ и вредно вліяли-бы на выгоды ихъ и на самую цѣнность земель, заставляя владѣльцевъ удерживать за собою безъ всякой иногда пользы излишнее противъ поселенія количество земли, въ одномъ лишь предположеніи будущаго приращенія народонаселенія и умноженія у него способовъ землеобработыванія. Поэтому я полагалъ оставить за владѣльцами право распоряжаться и въ населенныхъ ихъ имѣніяхъ, по собственному ихъ усмотрѣнію, всѣмъ тѣмъ количествомъ земли, какое останется свободнымъ отъ опредѣляемаго закономъ надѣла царанъ, и затѣмъ отмѣнить сдѣланное распоряженіе, чтобы купчія на отрѣзываемыя отъ населенныхъ имѣній земли тогда только были совершаемы и притомъ исключительно въ одномъ бессарабскомъ гражданскомъ судѣ, когда при тѣхъ имѣніяхъ будетъ оставаться извѣстная пропорція земли. Право покупать означенныя свободныя земли въ населенныхъ имѣніяхъ слѣдуетъ предоставить также и евреямъ съ тѣми лишь ограниченіями, какія собственно для нихъ существуютъ. Умноженіе числа покупщиковъ дѣйствуетъ благодѣтельнымъ образомъ на возвышеніе цѣнъ земель, и воспрещеніе покупки оныхъ евреями было бы, конечно, весьма выгодно для однихъ только бессарабскихъ дворянъ, которые имѣютъ средства пріобрѣтать земли“. Къ такому заключенію министерства внутреннихъ дѣлъ присоединились вполнѣ и министры юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, а также комитетъ объ устройствѣ евреевъ, который въ журналѣ своемъ отъ 17 февраля 1859 года, удостоившемся 28 марта Высочайшаго утвержденія, „не находитъ ни законныхъ основаній, ни особыхъ причинъ къ ограниченію Всемилостивѣйше дарованныхъ евреямъ общими законами правъ на покупку земли въ бессарабской области“.

Такимъ образомъ, охарактеризованная въ настоящемъ очеркѣ переписка свидѣтельствуетъ о томъ, что при существованіи крѣпостнаго права всѣ заботы правительства были направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы крестьяне не находились въ крѣпостной зависимости отъ евреевъ, и что въ этомъ именно смыслѣ

всегда толковалось закономъ понятіе о населенныхъ имѣніяхъ, покупка которыхъ евреямъ не разрѣшена. Такихъ-же воззрѣній правительство, какъ извѣстно, продолжало держаться и послѣ освобожденія крестьянъ, чѣмъ и объясняется то, что въ Высочайше утвержденномъ 26 апрѣля 1862 г. положеніи комитета объ устройствѣ евреевъ, послѣднимъ категорически предоставлено было право пріобрѣтать покупкою и инымъ способомъ въ полную собственность земли и угодья, принадлежащія къ помѣщичьимъ имѣніямъ, въ коихъ обязательныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ окончательно прекращены. При столь твердо установившемся взглядѣ неудивительно, конечно, что попытка бессарабскаго дворянства потерпѣла полное пораженіе.

Проектъ устава обществъ поощренія земледѣлія между евреями.

Въ 1858 году министерство государственныхъ имуществъ, стремясь къ распространенію между русскими евреями сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній и занятій и руководясь предложеніемъ, исходившимъ отъ нѣкоторыхъ евреевъ-прогрессистовъ, рѣшилось приступить къ учрежденію въ предѣлахъ губерній еврейскаго поселенія обществъ поощренія еврейскаго земледѣлія.

Какъ видно изъ выработаннаго особой коммиссіей, состоявшей изъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, проекта устава, общества эти, поставившія себѣ задачей давать нуждающимся евреямъ-земледѣльцамъ денежныя пособія и ссуды, а также предоставлять всякаго рода награды преуспѣвающимъ колонистамъ и тѣмъ изъ ихъ единовѣрцевъ, какъ раввины и наставники юношества, которые словомъ или дѣломъ будутъ способствовать распространенію земледѣлія среди евреевъ, должны были

функціонировать во всѣхъ губернскихъ городахъ, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости, въ видѣ отдѣльныхъ коммиссій, дѣйствующихъ подъ руководствомъ и контролемъ центральныхъ управленій или совѣтовъ, открываемыхъ въ Одессѣ, Вильнѣ и Житомірѣ.

Главнымъ рессурсомъ общества, независимо отъ обычныхъ членскихъ взносовъ, случайныхъ пожертвованій, доходовъ съ концертовъ и разныхъ увеселеній, а также остатковъ отъ еврейскаго поселенческаго капитала, отчисленнаго за прежніе годы изъ коробочныхъ сборовъ, должна была служить ежегодная земледѣльческая лотерея, организуемая по слѣдующему плану. Изъ 3600 билетовъ въ послѣдовательномъ порядкѣ обнумерованныхъ, первые 1200 билетовъ продаются по 50 р., а остальные по 25 рублей, что составляетъ 120,000 рублей. Изъ первой серіи выигрываютъ вынутые первые шесть билетовъ по 10,000 р. каждый, а изъ второй—вынутые первые двѣнадцать билетовъ по 5000 р. каждый. Такимъ образомъ цѣнность всѣхъ билетовъ равняется суммѣ выигрышей, но за то выигранныя деньги, составляя собственность выигравшихъ лицъ, не выдаются имъ на руки, а употребляются на покупку земель для заселенія ихъ евреями, вступающими относительно уплаты оброка въ добровольное соглашеніе съ собственниками, причемъ тѣмъ изъ собственниковъ, которые предоставятъ выигранныя ими деньги въ пользу еврейскихъ колоній изъ 25 или 50 семействъ, должны быть дарованы законныя преимущества учредителей подобныхъ колоній, т. е. личное или потомственное почетное гражданство.

Общества, состоя подъ руководствомъ и покровительствомъ министра государственныхъ имуществъ, имѣютъ право обращаться къ нему съ представленіями о мѣрахъ къ успѣшному водворенію евреевъ на земледѣліе и улучшенію благосостоянія ихъ поселенія. Совѣты и коммиссіи, дѣйствующіе при помощи спеціально приглашенныхъ ими агентовъ „изъ благонадежнѣйшихъ мѣстныхъ членовъ общества", входятъ въ губернскіе комитеты объ устрой-

ствѣ евреевъ, въ губернскія правленія и къ начальникамъ губерній съ представленіями и получаютъ отъ нихъ предложенія, а съ прочими губернскими и уѣздными мѣстами и лицами сносятся сношеніями. Совѣтамъ предоставляется выдавать отъ себя похвальные листы, бронзовыя и серебряныя медали, преміи деньгами или улучшенными сельско-хозяйственными орудіями и машинами тѣмъ изъ евреевъ-земледѣльцевъ, которые окажутъ какое либо отличіе предъ прочими евреями-поселенцами, равно и другимъ лицамъ за „ревностное содѣйствіе цѣли обществъ или отличное безмездное добросовѣстное исполненіе порученій“. Члены обществъ присутствуютъ въ общихъ собраніяхъ съ правомъ голоса и могутъ быть избираемы въ должности по совѣтамъ или коммиссіямъ, а семействамъ ихъ отдается преимущество предъ прочими просителями относительно переселенія ихъ въ земледѣльцы, выдачи пособія, ссуды и др. Членамъ - благотворителямъ, корреспондентамъ и попечителямъ за продолжительную и полезную ихъ дѣятельность могутъ быть испрашиваемы совѣтами черезъ министра государственныхъ имуществъ разныя награды, въ родѣ благоволенія правительства, похвальныхъ листовъ, почетныхъ кафтановъ, Монаршаго благоволенія, серебряныхъ и золотыхъ медалей и почетнаго гражданства, личнаго и потомственнаго. Начальникамъ губерній вмѣняется въ обязанность „оказывать обществамъ особое покровительство и содѣйствіе“. Общества пріобрѣтаютъ недвижимую собственность безъ уплаты гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ; принадлежащія имъ зданія свободны отъ всякихъ городскихъ повинностей, при чемъ совѣтамъ предоставляется право пересылать всю свою корреспонденцію безплатно по почтѣ. Должностныя лица обществъ состоятъ за урядъ въ VIII и IX классахъ, носятъ соотвѣтствующіе этимъ разрядамъ мундиры съ шитьемъ и сохраняютъ за собою право носить эти мундиры и въ отставкѣ.

Проектъ этотъ не встрѣтилъ, однако, сочувствія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, куда онъ поступилъ на окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе и гдѣ было найдено, что хотя участіе

частныхъ обществъ и могло-бы содѣйствовать мѣрамъ правительства для поощренія евреевъ къ земледѣлію, но изложенныя въ проектѣ основанія, на которыхъ предполагается учредить такія общества, едва-ли могутъ быть допущены.

Соображенія министерства сводятся къ слѣдующему. По закону (679 ст. уст. общ. призр.) требуется, чтобы всякое общественное и частное благотворительное учрежденіе было дозволяемо къ открытію только въ такомъ случаѣ, когда будетъ имѣть всѣ необходимыя на содержаніе его средства, не расчитывая на случайные и невѣрные доходы, къ числу которыхъ принадлежатъ, конечно, всѣ указываемые въ проектѣ источники, не исключая и лотереи, принципіально недопускаемой въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается и на то, что „такъ какъ большинство членовъ въ предполагаемыхъ обществахъ должно состоять изъ евреевъ-же, то нельзя не замѣтить, что такое право, давая евреямъ возможность оффиціально заниматься агентствомъ, при врожденномъ стремленіи ихъ ставить себя въ исключительное положеніе, можетъ дать имъ средства составить отдѣльную корпорацію вопреки видамъ правительства, заботящагося о сліяніи этого народа съ общимъ населеніемъ Имперіи“.

Тѣмъ не менѣе, раньше разрѣшенія вопроса объ отклоненіи проекта, министерство внутреннихъ дѣлъ признало необходимымъ препроводить самый проектъ вмѣстѣ съ заключеніемъ своимъ на разсмотрѣніе представителей высшей администраціи, предсказывая, впрочемъ, въ своемъ предложеніи, что „неудобства учрежденія означенныхъ обществъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ яснѣе и положительнѣе могутъ быть раскрыты на мѣстѣ, такъ какъ подъ руками мѣстныхъ начальствъ имѣются, вѣроятно, весьма важныя въ семъ отношеніи данныя“.

Такія предсказанія рѣшили, понятно, заранѣе судьбу мертворожденнаго проекта. И, дѣйствительно, когда новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ А. Г. Строгановымъ были затребованы, согласно предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ, за-

ключенія подвѣдомственныхъ ему губернаторовъ и градоначальниковъ, то скоро послѣдовали единогласные отрицательные отвѣты. Хотя вопросъ о средствахъ для учрежденія проектируемыхъ обществъ былъ признанъ кардинальнымъ какъ министерствомъ, такъ и присоединившимися къ соображеніямъ его мѣстными властями, послѣднія не поинтересовались, однакожъ, выслушать по этому поводу мнѣніе самихъ евреевъ. Только въ одной таврической губерніи, какъ разъ менѣе другихъ населенной евреями, губернское правленіе догадалось предложить симферопольской, карасубазарской и перекопской думамъ и бердянской городовой ратушѣ обсудить вопросъ о поощреніи еврейскаго земледѣлія при участіи почетнѣйшихъ и состоятельныхъ гражданъ евреевъ. Представители симферопольскаго еврейскаго общества встрѣтили съ восторгомъ мысль объ организаціи спеціальныхъ учрежденій для поощренія еврейскаго земледѣлія и выразили желаніе удѣлить для этой цѣли 5% изъ суммъ коробочнаго сбора. Такую же готовность изъявили и другія крымскія общины. Губернское правленіе, однако, высказалось за неутвержденіе проекта, такъ какъ „по мѣстнымъ условіямъ въ таврической губерніи, гдѣ населеніе евреевъ весьма незначительно, мѣра поощренія къ переселенію евреевъ въ земледѣліе, изъясненная въ проектѣ устава, не будетъ имѣть ни успѣха, ни даже примѣненія". Въ отвѣтахъ же остальныхъ запрошенныхъ начальствующихъ лицъ, за исключеніемъ, впрочемъ, начальника бессарабской области, ограничившагося повтореніемъ указанныхъ въ заключеніи министерства соображеній, встрѣчается одинъ мотивъ—указаніе на абсолютную неспособность евреевъ къ земледѣлію и нерасположенность ихъ къ такому тяжелому труду. „По мнѣнію моему,—пишетъ таганрогскій градоначальникъ,—нельзя достигнуть желаемаго результата положенной въ основаніе сего проекта идеей, ибо народъ, чуждый постояннаго и усиленнаго труда, не можетъ быть полезнымъ земледѣльцемъ, и ежели временныя выгоды подвигнутъ нѣкоторыхъ, вопреки наклонности, къ занятію хлѣбопашествомъ, то, напротивъ того, неудача въ сихъ

занятіяхъ, образуетъ изъ этихъ людей ничто иное, какъ общество вредныхъ пролетаріевъ". Такую же мысль проводитъ въ своемъ рапортѣ и керчь-еникальскій градоначальникъ, указывающій на то, что проектируемыя общества встрѣтятъ сильное препятствіе въ „нерасположенности евреевъ къ земледѣльческому труду и въ приманчивости для нихъ занятій, требующихъ болѣе торговой дѣятельности, чѣмъ физическаго труда". Еще въ болѣе пессимистическомъ тонѣ написано объясненіе одесскаго градоначальника барона Месмахера, „Еврей ни въ какомъ случаѣ не земледѣлецъ; разительнѣе всего можно это видѣть и убѣдиться наглядно въ еврейскихъ поселеніяхъ, заселенныхъ заботливостью правительства въ губерніяхъ херсонской и екатеринославской. Самыя дѣятельныя и добросовѣстныя усилія правительства съ трудомъ могутъ удерживать поселенцевъ въ трудѣ земледѣльческомъ. Натурально, что отъ этого не надлежитъ еще отчаяваться въ возможности, хотя и не въ близкомъ будущемъ, нѣкотораго успѣха въ дѣлѣ, но тутъ нужны усилія и надзоръ постоянный, чего общество не въ силахъ осуществить". Точно также и екатеринославскій губернаторъ находитъ невозможнымъ допустить учрежденіе общества поощренія земледѣлія между евреями, которые „по самой природѣ своей, не имѣя никакой склонности къ земледѣлію, не только не могутъ быть хорошими руководителями въ развитіи онаго между единовѣрцами, но и заниматься съ должнымъ успѣхомъ и пользою той отраслью хозяйства, въ которой не имѣютъ надлежащихъ понятій", тѣмъ болѣе, что, „избѣгая тяжелаго труда, евреи вообще стараются снискивать себѣ пропитаніе промышленностью, торговлею и болѣе легкими ремеслами и что многіе даже изъ поселенныхъ въ колоніяхъ, оставляя для того земледѣліе, постоянно отлучаются изъ мѣстъ населенія въ разные города". Но если всѣ эти сужденія носятъ исключительно теоретическій характеръ, то нѣсколько большей обоснованностью отличается представленіе херсонскаго губернатора. „Евреи, постоянно отличаясь стремленіемъ къ городской жизни и замѣчательными способностями къ торговлѣ,

ремесламъ и всякой мелкой городской промышленности, обнаруживаютъ рѣшительно отвращеніе къ земледѣльческому труду и вообще къ занятіямъ сельско-хозяйственнымъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ еврейскія колоніи. Не смотря на пособія и значительныя льготы, даруемыя правительствомъ евреямъ-колонистамъ, колоніи ихъ, въ сравненіи съ колоніями нѣмецкими, болгарскими и другими, находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Еврей, побуждаемый бѣдностью, многочисленностью семейства и другими неблагопріятными обстоятельствами, рѣшается сдѣлаться колонистомъ съ цѣлью освободиться отъ платежа податей, рекрутства и другихъ повинностей; но, перешедши въ это званіе и воспользовавшись дарованными оному льготами, онъ, за весьма рѣдкими исключеніями, ничуть не дѣлается земледѣльцемъ, а продолжаетъ по прежнему заниматься какимъ либо ремесломъ или мелкой промышленностью, и не находя въ колоніи достаточныхъ источниковъ къ подобнымъ занятіямъ, онъ подъ всевозможными предлогами старается проникать въ города и торговыя мѣстечки, въ которыхъ проживаетъ иногда съ цѣлымъ семействомъ, оставляя въ колоніи только для вида стараго отца, дядю и тому подобныхъ неспособныхъ членовъ семейства. Вообще-же евреи-колонисты стремятся къ тому, чтобы земледѣльческія у нихъ работы производились наемными людьми. Какъ замѣчательный фактъ, что сельское хозяйство нисколько не развивается въ еврейскихъ колоніяхъ и земледѣльческій трудъ ни мало не интересуетъ колонистовъ, служитъ то обстоятельство, что на бывшей въ 1853 году въ Херсонѣ очередной выставкѣ сельскихъ произведеній, не смотря на многочисленность еврейскихъ колоній въ херсонской губерніи и значительную населенность нѣкоторыхъ изъ нихъ, ни одна колонія не представила на выставку никакого сельско-хозяйственнаго произведенія, а изъ всѣхъ сословій въ губерніи одни только еврейскіе колонисты не имѣли на выставкѣ своихъ представителей. При такомъ природномъ нерасположеніи евреевъ къ земледѣльческому труду, всѣ усилія частнаго общества, неимѣющаго

къ тому-же въ своемъ распоряженіи значительныхъ и совершенно вѣрныхъ средствъ для своихъ дѣйствій, будутъ безполезны, тѣмъ болѣе, что общество для поощренія земледѣлія между евреями предполагаетъ достигать своей цѣли не путемъ образованія евреевъ и развитія между ними раціональныхъ понятій и идей, столь необходимыхъ въ этомъ совершенно невѣжественномъ и закоренѣломъ въ предразсудкахъ племени, а приманкою безвозвратныхъ пособій, ссудъ, денежныхъ и почетныхъ наградъ, что и при положительныхъ средствахъ, но при отсутствіи въ массѣ образованія, какъ живой и движущей силы, не будетъ имѣть ожидаемыхъ послѣдствій. Протекціонная система при подобныхъ условіяхъ, давно признана не только безполезной, но даже вредной".

Всѣ эти мнѣнія и отзывы были сгруппированы новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ въ одной объемистой запискѣ, заключительная часть которой представляется особенно важной, такъ какъ въ ней графъ А. Г. Строгановъ, не отрицая значенія сообщенныхъ ему фактовъ, категорически заявляетъ, что одна лишь эмансипація является радикальнымъ средствомъ для борьбы со зломъ, въ отношеніи котораго всякія другія мѣры оказываются сомнительными паліативами. „Съ своей стороны — заканчиваетъ графъ А. Г. Строгановъ свою записку на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10 іюня 1859 года—и въ настоящемъ случаѣ обязываюсь повторить убѣжденіе мое, высказанное въ отзывѣ моемъ къ вашему высокопревосходительству отъ 22 января 1858 года за № 796, что теперешнее отчужденіе массы еврейскаго народонаселенія отъ земледѣлія не есть доказательство врожденнаго отвращенія ихъ къ сельскимъ занятіямъ, а составляетъ прямое слѣдствіе тѣхъ вѣковыхъ ограниченій, кои развили въ нихъ преимущественную наклонность къ мелкимъ промысламъ. Поэтому никакія мѣры со стороны правительства съ цѣлью поощренія евреевъ къ земледѣлію не принесутъ желаннаго успѣха, пока они не будутъ сравнены у насъ во всѣхъ правахъ съ другими подданными податнаго сословія и не получатъ свободы искать тѣхъ

занятій, какія кажутся имъ лучше, жить, гдѣ они признаютъ для себя удобнѣе. Безъ того, конечно, и учрежденіе предполагаемыхъ обществъ поощренія между евреями земледѣлія, на какихъ бы основаніяхъ общества сіи не устраивались, будетъ, по моему мнѣнію, совершенно бесполезно".

Такимъ образомъ былъ отвергнутъ проектъ устава, краеугольнымъ камнемъ котораго является принципъ самопомощи и взаимопомощи—принципъ, чуждый, какъ извѣстно, всѣмъ начинаніямъ, имѣвшимъ своей задачей улучшеніе матеріальнаго и нравственнаго быта русскихъ евреевъ.

Еврейская печать.

„Разсвѣтъ", который послѣ продолжительнаго мрака является первымъ утреннимъ мерцаніемъ на нашемъ горизонтѣ, долженъ радовать каждаго друга человѣчества вообще и каждаго еврея въ особенности. Мы увѣрены, что благомыслящіе братья оцѣнятъ наше смѣлое начинаніе и поставятъ насъ въ возможность не прерывать изданіе журнала, который долженъ служить всѣмъ истиннымъ интересамъ евреевъ и идти рука объ руку съ благими намѣреніями правительства". Такъ гласило выпущенное въ свѣтъ 16 февраля 1860 года объявленіе объ изданіи въ Одессѣ „Разсвѣта, органа русскихъ евреевъ". Мысль объ основаніи изданія, которое способствовало бы введенію живущихъ въ Россіи евреевъ въ кругъ русскихъ интересовъ и понятій, сближало бы ихъ съ кореннымъ населеніемъ страны и вообще оказывало бы просвѣтительное вліяніе на евреевъ, зародилась еще задолго до изданія „Разсвѣта" въ лучшихъ умахъ еврейства. Въ 1860 г., наконецъ, удалось положить начало такому журналу. Иниціаторомъ и вдохновителемъ его явился довольно уже извѣстный тогда еврейскій писатель, Осипъ Аароновичъ Рабиновичъ, произведенія котораго, написан-

ныя на русскомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, напечатанный въ „Рус. Вѣстникѣ" 1859 г. прекрасный разсказъ „Штрафной", доставили ему значительную популярность. Имя Рабиновича было извѣстно не только въ Одессѣ, гдѣ Рабиновичъ жилъ и работалъ, и въ средѣ его единоплеменниковъ, но и всюду, гдѣ былъ прочитанъ сразу привлекшій общее вниманіе его „Штрафной", посвященный одному изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ еврейской жизни того времени. Останавливаясь на исторіи возникновенія „Разсвѣта", мы намѣрены сообщить здѣсь нѣсколько новыхъ данныхъ, не лишенныхъ нѣкоторой важности для исторіи просвѣщенія евреевъ въ Россіи. Данныя эти выясняютъ также тѣ цѣли, которыя первый еврейскій журналъ преслѣдовалъ

Въ декабрѣ 1856 г. О Рабиновичъ и І. Тарнополь (недавно скончавшійся) обратились къ тогдашнему попечителю одесскаго учебнаго округа, знаменитому Н. И. Пирогову, „извѣстному великому оператору, ученому и человѣку добра и прогресса", съ запискою объ изданіи для евреевъ журнала на *русскомъ языкѣ*, подъ названіемъ „Разсвѣтъ". Пироговъ далъ самое благопріятное для издателей представленіе; новороссійскій генералъ-губернаторъ А. Г. Строгановъ тоже отозвался хорошо. Разрѣшеніе на выпускъ въ свѣтъ журнала было дано, но только издавать его разрѣшено было не на русскомъ, а „на еврейскомъ или жидовсконѣмецкомъ языкѣ, употребляемомъ евреями въ Россіи и Польшѣ", причемъ цензурованіе журнала поручено было кіевскому цензурному комитету. Такое разрѣшеніе не только влекло за собою крупное неудобство для изданія, которое, издаваясь въ Одессѣ, должно было посылаться на цензурный просмотръ въ Кіевъ, но и проитиворѣчило любимой идеѣ Рабиновича, который въ изданіи еврейскаго органа на русскомъ языкѣ видѣлъ одинъ изъ залоговъ того сліянія евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ, неустанымъ проповѣдникомъ котораго онъ былъ всегда. Не унывая, Рабиновичъ подалъ новую записку Пирогову, въ которой настаивалъ на своей мысли, что „Разсвѣтъ" долженъ издаваться на русскомъ

языкѣ. Ходатайство это было удовлетворено лишь въ январѣ 1860 года. 15 февраля того же года вышло въ свѣтъ объявленіе объ изданіи журнала, излагавшее цѣли его и программу, а 27 мая вышелъ первый № „Разсвѣта". Такова вкратцѣ исторія возникновенія перваго еврейскаго журнала на русскомъ языкѣ, просуществовавшаго только одинъ годъ.

Въ архивѣ бывшаго новороссійскаго генералъ-губернатора мы нашли нѣкоторыя любопытныя данныя. Даныя эти заключаются въ „дѣлѣ канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора по 2-му столу 1-го отдѣленія объ изданіи въ Одессѣ журнала для евреевъ на русскомъ языкѣ подъ названіемъ „Разсвѣтъ". Оно тянется на 36 листахъ; изъ составляющихъ его бумагъ первая помѣчена 13-мъ марта 1857 г., а послѣдняя— 30-мъ ноября 1861 года. Такимъ образомъ, дѣлопроизводство это обнимаетъ нѣсколько лѣтъ, и подобранное для „дѣла" заглавіе оказывается не совсѣмъ отвѣчающимъ его содержанію, потому что „дѣло" касается не только зарожденія „Разсвѣта", не только прекращенія его, но еще отчасти и другого журнала—„Сіонъ", замѣнившаго собою въ 1861 г. прекратившійся „Разсвѣтъ". Особенный интересъ представляютъ собою тѣ бумаги, которыя относятся къ началу изданія „Разсвѣта". Первая изъ нихъ представляетъ собою запросъ министра внутреннихъ дѣлъ г. новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору отъ 13-го марта 1857 года.

Извѣщая графа Строганова о полученіи представленія Н. И. Пирогова объ изданіи журнала, министръ испрашивалъ у него заключенія по этому предмету. Упоминаемыя въ этой бумагѣ два приложенія при „дѣлѣ" не находятся. Въ числѣ ихъ, вѣроятно, была программа журнала.

За симъ слѣдуетъ весьма интересная записка, подписанная Маркусомъ Гуровичемъ, состоявшимъ тогда въ должности ученаго еврея при генералъ-губернаторѣ, которую онъ писалъ, должно быть, по предложенію графа А. Г. Строганова и ему затѣмъ предста-

цилъ. Записка Гуровича помѣчена 2-мъ апрѣля 1857 года; задача ея выяснить цѣли и программу издаваемаго журнала.

„Изданіе журнала на русскомъ языкѣ — говоритъ Гуровичъ — принесло бы несомнѣнную пользу еврейскому обществу и во многихъ случаяхъ облегчило бы исполненіе предпринимаемыхъ правительствомъ благодѣтельныхъ мѣръ для улучшенія быта евреевъ и слiянія ихъ съ христіанскимъ населеніемъ. Сверхъ того подобный журналъ распространитъ между евреями знаніе русскаго языка, и сообщитъ современемъ единство ихъ образованію и понятіямъ. Къ этому можно присовокупить, что купцы Рабиновичъ и Тарнополь, какъ замѣтилъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Пироговъ, въ представленіи своемъ г. министру народнаго просвѣщенія отъ 4 января сего года за № 52, принадлежатъ къ числу лицъ образованныхъ и хорошо знакомы съ духомъ и потребностями своихъ единоплеменниковъ".

Далѣе Гуровичъ подвергаетъ критикѣ нѣкоторые пункты проектированной програмы. Напримѣръ, будущіе издатели предполагали „обнародывать всѣ указы и распоряженія правительства, относящіеся собственно къ евреямъ, истолковывать, если въ томъ окажется надобность, смыслъ и цѣль таковыхъ указовъ и распоряженій и наставлять о точномъ и непремѣнномъ ихъ исполненіи". Гуровичъ очень резонно полагалъ ограничить этотъ пунктъ програмы однимъ опубликованіемъ дѣйствій правительства, замѣчая, что исполненіе законовъ обязательно для всѣхъ гражданъ, и внушать имъ, что законы должны быть неукоснительно исполняемы, дѣло совершенно лишнее. Разъяснять же непонятное простому еврейскому люду могли бы раввины, для чего слѣдовало бы установить, чтобы всѣ еврейскіе раввины получали „Разсвѣтъ". Разсматривавшій ранѣе програму журнала ученый комитетъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія нашелъ неудобнымъ также предположенное издателями печатаніе на русскомъ языкѣ разсужденій о еврейскомъ богословіи, а тѣмъ болѣе съ цитатами Св. Писанія, переводимыми прямо съ еврейскаго текста, такъ какъ переводы

эти могутъ не сойтись съ славянскимъ переводомъ Библіи. По этому поводу Гуровичъ нашелъ, что, такъ какъ еврейскій журналъ, не отводящій извѣстнаго мѣста богословскимъ вопросамъ, не нашелъ бы сочувствія въ весьма религіозномъ, какъ извѣстно, еврейскомъ народѣ, („говорить печатно — замѣчаетъ онъ — евреямъ объ однихъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ недостаточно“), то слѣдуетъ разрѣшить богословскія статьи, съ тѣмъ только, чтобы имъ не отводилось особенно много мѣста и чтобы тексты изъ Ветхаго Завѣта приводились по-славянски изъ принятой православною церковью Библіи. Пятый пунктъ программы журнала предполагалъ, между прочимъ, „сообщать историческіе и статистическіе взгляды о еврейскихъ колоніяхъ, училищахъ, обществахъ и тому подобномъ, выставляя со всею возможною осторожностію недостатки, если таковые окажутся, и изыскивая средства къ ихъ устраненію и исправленію“. Ученый комитетъ нашелъ, что неудобно позволять подвергать дѣйствія властей критикѣ частныхъ лицъ. Гуровичъ находилъ, что издатели, вполнѣ сочувствующіе намѣреніямъ правительства относительно евреевъ, хотѣли возбудить въ еврейскомъ населеніи стремленіе къ улучшенію своей жизни. При этомъ онъ отмѣчаетъ, что евреи отказываются посылать своихъ дѣтей въ устроенныя для нихъ заботами правительства училища, нерадиво относятся къ своимъ обязанностямъ въ земледѣльческихъ колоніяхъ и т. п. Указаніе такихъ недостатковъ надо было считать желательнымъ и Гуровичъ признавалъ, что этотъ пунктъ программы заслуживаетъ быть утвержденнымъ. Издатели ходатайствовали также о дозволеніи имъ передавать свои права съ разрѣшенія мѣстнаго начальства другимъ лицамъ. Гуровичъ находилъ, что „подобная передача можетъ быть совершаема не иначе, какъ только лицамъ, извѣстнымъ высшему начальству, отъ благоусмотрѣнія котораго можетъ зависѣть дальнѣйшее изданіе журнала „Разсвѣтъ“. Рабиновичъ какъ будто предчувствовалъ, что недолго будетъ стоять во главѣ изданія, мысль о которомъ такъ долго и ревностно лелѣялъ.

За этимъ документомъ слѣдуетъ черновикъ отношенія графа Строганова къ министру внутреннихъ дѣлъ „Относительно предназначаемаго къ изданію въ Одессѣ журнала для евреевъ подъ названіемъ „Разсвѣтъ“, помѣченное 29 апрѣля 1857 года. Оно представляетъ собою отвѣтъ на запросъ министра отъ 13 марта. Отвѣчая министру, генералъ-губернаторъ писалъ, что „при настоящемъ неустроенномъ еще состояніи еврейскаго населенія въ нашемъ отечествѣ изданіе журнала для евреевъ на русскомъ языкѣ, по вышеизложенной программѣ, принесло бы несомнѣнную пользу и во многихъ случаяхъ облегчило бы исполненіе предпринимаемыхъ правительствомъ благодѣтельныхъ мѣръ для улучшенія быта евреевъ и слiянiя ихъ съ христiанскимъ населеніемъ, тѣмъ болѣе, что подобный журналъ распространитъ между евреями знаніе русскаго языка и сообщитъ, со временемъ, единство ихъ образованію и понятіямъ“. Издателей графъ Строгановъ рекомендуетъ тутъ же министру, какъ „лицъ образованныхъ и хорошо знакомыхъ съ духомъ и потребностями своихъ соплеменниковъ“. Далѣе графъ разбираетъ программу журнала. Изъ разбора этого можно видѣть, что онъ почти всецѣло согласился съ Гуровичемъ, взгляды котораго и принялъ и изложилъ почти его же словами въ этомъ отношении къ министру внутреннихъ дѣлъ. Замѣтимъ, что вообще онъ относился благосклонно къ дѣлу Рабиновича, какъ позволяетъ думать цитированная бумага; онъ, между прочимъ, находилъ цѣлесообразнымъ обязать всѣхъ раввиновъ подпиской на „Разсвѣтъ“.

22 мая того же (1857) года министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской отвѣтилъ графу Строганову:

„Согласившись съ предположеніями, изъясненными въ отношеніи вашего сіятельства за № 5099, отъ 29 минувшаго апрѣля, по предмету изданія въ г. Одессѣ еврейскаго журнала подъ названіемъ „Разсвѣтъ“, я сообщилъ по принадлежности г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія“.

Увѣдомляя графа объ этомъ, министръ вмѣстѣ съ тѣмъ пи-

салъ, что „находитъ однако преждевременнымъ входить нынѣ въ сужденіе по предположенію о снабженіи мѣстныхъ раввиновъ означеннымъ журналомъ, такъ какъ въ настоящее время цѣна онаго еще неизвѣстна и имѣетъ быть назначена не прежде разрѣшенія изданія сего журнала".

Этимъ кончаются всѣ находящіяся въ этомъ дѣлѣ бумаги, относящіяся къ разрѣшенію „Разсвѣта". Какъ сказано выше, 27 мая 1860 г. вышелъ первый № журнала. Бумагъ за 1858—60 года не имѣется. Къ 1861 году относятся всѣ остальные документы. Слѣдующіе за разсмотрѣнной нами послѣдней бумагой четыре документа относятся къ отпечатаннымъ въ №№ 28 и 44 журнала статьямъ о надѣлавшей много шуму въ 1861 году исторіи похищенія малолѣтней еврейской дѣвочки Ципки Мендакъ. Эти четыре бумаги охватываютъ время отъ 27 января до 31 марта. 17 апрѣля предсѣдатель одесскаго цензурнаго комитета Могилянскій, донося графу Строганову, что Рабиновичъ болѣе не желаетъ продолжать изданіе „Разсвѣта" и намѣренъ передать право изданія доктору Соловейчику и медику Пинскеру, просилъ генералъ-губернатора сообщить цензурному комитету свѣдѣнія о нравственной благонадежности будущихъ издателей. (Названіе журнала также рѣшено было измѣнить, и онъ долженъ былъ, по предположенію Пинскера и Соловейчика, съ 27 мая называться „Сіонъ"). На другой же день, 18 апрѣля, графъ Строгановъ сдѣлалъ необходимый запросъ о Соловейчикѣ и Пинскерѣ исправлявшему тогда должность одесскаго градоначальника генералъ-маіору Антоновичу. 2 мая Антоновичъ донесъ генералъ-губернатору, что „докторъ Эммануилъ Соловейчикъ и медикъ Левъ Пинскеръ пользуются въ обществѣ очень хорошимъ мнѣніемъ и какъ по образу мыслей, такъ и въ другихъ отношеніяхъ считаются людьми вполнѣ благонадежными". 4-го мая графъ Строгановъ сообщилъ доставленныя ему свѣдѣнія цензурному комитету. 27 мая „Разсвѣтъ" преобразился въ „Сіонъ", который сталъ выходить подъ редакціей Соловейчика и Пинскера. Съ октября 1861 года Пин-

скеръ передалъ свои права д-ру медицины Натану Бернштейну, который и былъ утвержденъ редакторомъ. Двѣ послѣднія бумаги къ этому именно утвержденію и относятся.

„Сіонъ“ также просуществовалъ всего годъ. Отъ „Разсвѣта“ онъ нѣсколько отличается большею сухостью, въ немъ не столько статей по общественнымъ вопросамъ, сколько въ „Разсвѣтѣ“, но за то больше научныхъ. Заслуга „Разсвѣта“ заключается въ томъ, что онъ стремился къ сближенію христіанъ и евреевъ, что составляло тогда предметъ усердныхъ заботъ правительства, старался поднять въ еврейскомъ населеніи духъ русской гражданственности и былъ родоначальникомъ всѣхъ еврейскихъ періодическихъ изданій на русскомъ языкѣ. Послѣ 7-лѣтняго перерыва, опять таки въ Одессѣ, сталъ выходить еврейскій журналъ на русскомъ языкѣ „День“, подъ редакціею С. С. Орнштейна.

„День“ выходилъ уже долѣе, въ теченіе трехъ лѣтъ—съ 1869 по 1871 годъ. Въ немъ началъ работать и выдвинулся талантливый юристъ и публицистъ И. Г. Оршанскій, безвременно скончавшійся въ 1875 году.

Женское образованіе.

При стремленіи правительства къ поднятію умственно-нравственнаго уровня еврейскаго населенія и къ устраненію всего того, что такъ или иначе способствуетъ сохраненію его косности и невѣжества, было, между прочимъ, замѣчено, что воспитаніе еврейскихъ дѣвушекъ находится въ крайнемъ упадкѣ и что въ массѣ господствуютъ даже основанные на талмудическомъ ученіи предразсудки противъ образованія женщинъ и открытія имъ доступа къ полезнымъ занятіямъ. Вопросъ объ искорененіи этихъ предразсудковъ былъ переданъ на разсмотрѣніе учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ раввинской коммиссіи. Коммиссія

эта въ журналѣ своемъ отъ 26 марта 1859 года подвергла серьезной критикѣ всѣ тѣ источники раввинской литературы, на которые сторонники мракобѣсія привыкли ссылаться, какъ на аргументы, подтверждающіе ихъ отрицательный взглядъ на женское образованіе съ точки зрѣнія религіи. На ряду съ этимъ коммиссія намѣтила цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ своей задачей возвысить значеніе женскаго образованія въ глазахъ евреевъ, какъ насущнѣйшую духовную потребность женъ и матерей, воспитательницъ подростающаго поколѣнія.

Образованіе женскаго пола—говорится въ упомянутомъ журналѣ—между живущими въ Россіи евреями, особенно въ низшемъ классѣ народа, находится въ нѣкоторомъ небреженіи. Это обстоятельство даетъ поводъ предполагать существованіе въ еврействѣ какого либо предразсудка, основаннаго на ложныхъ понятіяхъ. Посему коммиссія, убѣждаясь въ необходимости изслѣдовать, не находится-ли въ ученіи еврейской вѣры такихъ мѣстъ, которыя, бывъ взяты буквально и отдѣльно, могли бы породить въ народной массѣ неправильныя понятія о воспитаніи женщинъ, обратилась въ сихъ видахъ къ Талмуду и нашла въ Мишнѣ слѣдующее изреченіе: „обучать свою дочь закону (торе)—значитъ какъ бы указывать ей путь къ мірскимъ суетамъ". Сіе изреченіе, взятое не въ связи съ общимъ ученіемъ еврейской религіи, очевидно, можетъ показаться содержащимъ въ себѣ мысли о воспрещеніи образованія женщинъ вообще, тогда какъ въ сущности оно вовсе не имѣетъ этого смысла. У евреевъ Талмудъ имѣетъ значеніе уложенія религіозно-гражданскаго, т. е. значеніе духовно-юридическое, и потому совокупность всѣхъ содержащихся въ Талмудѣ правилъ носитъ, наравнѣ съ догматическимъ ученіемъ Моисея, названіе закона (торе). По религіознымъ убѣжденіямъ евреевъ, въ законѣ семъ заключается скрытая мудрость, для познанія которой необходимо систематическое и постоянное изученіе предмета. Занятіе подобнымъ изученіемъ, по мнѣнію талмудистовъ, доступно лишь мужчинамъ и для нихъ однихъ необходимо, для лицъ-же

женскаго пола, дѣятельность коихъ должна ограничиваться семейной сферою, такое наукообразное изученіе закона было бы совершенно безполезнымъ и даже во многихъ отношеніяхъ вредно, ибо въ Талмудѣ содержится много такихъ узаконеній, исполненіе коихъ вовсе не относится къ обязанностямъ женщины, и слѣдовательно изученіе ихъ, по понятіямъ евреевъ, было-бы для нея лишь суетнымъ тщеславіемъ. Посему коммиссія удостовѣряетъ, что вышеприведенное изреченіе Мишны, запрещая обученіе женщинъ закону (торе), имѣетъ въ виду исключительно такіе талмудическіе законы, которые не могутъ представлять для женщинъ ничего существенно полезнаго, и слѣдовательно изреченіе сіе отнюдь не служитъ преградою къ умственному и нравственному развитію женщины, о чемъ, напротивъ, существуютъ и въ ученіи еврейской вѣры понятія совершенно правильныя, и необходимость такого умственнаго развитія, безъ котораго женщина не могла бы соотвѣтствовать своему назначенію, т. е. быть послушной дочерью, доброй супругою, хорошей матерью и мудрой домохозяйкою, совершенно удовлетворительно выражено какъ въ самомъ законѣ Моисеевомъ, такъ и въ ученіи талмудистовъ. Такимъ образомъ изъ многихъ мѣстъ Св. Писанія усматривается ясно, что женщины также не были устранены отъ общаго, согласнаго съ временемъ, образованія и что между евреями во всякое время встрѣчались образованныя женщины.

Тутъ коммиссія приводитъ массу цитатъ изъ Библіи, какъ напримѣръ: „собери народъ, мужей, и *женъ*, и дѣтей, и пришельцевъ твоихъ, которые будутъ въ городахъ твоихъ, чтобы они слушали, и чтобы *учились*, и боялись Господа, Бога нашего, и старались выполнять всѣ слова этого *закона* (Второзак. 31, 12); „и Девора, пророчица, жена Лапидоѳова, была *судьею* Израиля въ то время“ (Суд. 4, 4); „слушай, сынъ мой, наставленіе отца твоего и не отвергай завѣтовъ *матери* твоей“ (Притчи Сол. 1, 8). Что же касается взгляда составителей талмуда, то коммиссія ссылается на афоризмъ одного изъ нихъ, Бенъ-Азая, иду-

щій прямо въ разрѣзъ съ указаннымъ раньше мѣстомъ Мишны и утверждающій, что каждый обязанъ наставлять свою дочь въ законѣ, разумѣя подъ послѣднимъ религіозно-нравственныя истины, необходимыя для всѣхъ и каждаго. Кромѣ того коммиссіей сопоставляются нѣкоторыя мнѣнія по данному вопросу авторитетныхъ богослововъ, которые всѣ сводятся къ тому, что не только не отрицается необходимость религіозно-умственнаго развитія женщины, но, напротивъ, воздается похвала заслугамъ образованныхъ женщинъ и вмѣняется родителямъ въ обязанность не оставлять своихъ дочерей въ невѣжествѣ.

На основаніи этихъ соображеній коммиссія пришла къ заключенію: 1) что „въ догматахъ еврейской вѣры отнюдь не содержится элементовъ могущихъ въ чемъ-либо препятствовать умственно-нравственному развитію женщины, согласно съ требованіями времени, съ собственнымъ ея назначеніемъ и средствами каждаго семейства“; 2) что, напротивъ, законы еврейской вѣры „предписываютъ всемѣрную заботливость объ образованіи ума и сердца женщины, отъ коей главнѣйше, по ученію сей-же вѣры, зависитъ благосостояніе семействъ“; 3) что, не смотря на ясность и вразумительность относящихся къ данному вопросу законоположеній, вышеприведенное изреченіе Мишны, взятое въ отдѣльности, дѣйствительно можетъ повести къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ и служить для народной массы поводомъ къ неправильнымъ понятіямъ о воспитаніи женщинъ“ и 4) что, „по симъ причинамъ весьма полезно разъяснить народу настоящій смыслъ сего изреченія и, такимъ образомъ, изгладивъ совершенно всякое предубѣжденіе противъ образованія женщинъ, пріуготовить сихъ послѣднихъ къ принятію просвѣщенія, которое попечительное правительство предполагаетъ излить на нихъ посредствомъ учрежденія особыхъ учебныхъ заведеній“.

Для упроченія въ еврейскомъ населеніи сознанія о необходимости правильнаго воспитанія женщинъ и предотвращенія всевозможныхъ казуистическихъ и тенденціонныхъ толкованій, въ

основаніе которыхъ легло-бы ложно понятыя мѣста Талмуда, коммиссія предложила: во первыхъ, разослать всѣмъ раввинамъ, проповѣдникамъ и учителямъ еврейскаго закона въ казенныхъ школахъ выписку изъ составленнаго ею журнала для того, чтобы лица эти, руководствуясь заключающимися въ журналѣ сужденіями и указаніями, произносили по временамъ поученія, „которыя моглибы возбуждать въ юныхъ сердцахъ религіозно-нравственныя чувства, а въ родителяхъ стремленіе къ образованію своихъ дѣтей, безъ различія пола“, а также заблаговременно оповѣщали о содержаніи своихъ поученій и проповѣдей, посвященныхъ вопросу о воспитаніи юношества, и во вторыхъ, поручить раввинамъ и проповѣдникамъ тщательно внушать родителямъ, чтобы дочери ихъ, начиная съ одинадцатилѣтняго возраста, „непремѣнно посѣщали мѣста общественнаго богомоленія по субботамъ и праздничнымъ днямъ для присутствованія при религіозныхъ обрядахъ и для слушанія назидательныхъ поученій“.

Предложеніе это, разсмотрѣнное и одобренное комитетомъ объ устройствѣ евреевъ, удостоилось 25 октября 1857 года Высочайшаго утвержденія, и министерство внутреннихъ дѣлъ препроводило выписку изъ журнала раввинской коммиссіи всѣмъ генералъ-губернаторамъ для зависящихъ распоряженій и принятія безотлагательныхъ мѣръ къ проведенію въ жизнь еврейской массы предначертаній коммиссіи. Тогдашній новороссійскій генералъ-губернаторъ гр. А. Г. Строгановъ разослалъ выписку эту въ соотвѣтствующемъ числѣ экземпляровъ всѣмъ подвѣдомственнымъ ему губернаторамъ и градоначальникамъ, предложивъ послѣднимъ, независимо отъ точнаго исполненія требованій правительства, доставить ему также тщательно провѣренныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ евреевъ къ вопросу о женскомъ образованіи. Свѣдѣнія эти, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ поступившія скоро донесенія начальствующихъ лицъ, оказались весьма утѣшительнаго свойства. Изъ всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городовъ послѣдовали сообщенія о томъ, что еврейскія дѣвушки обучаются въ частныхъ учи-

лицахъ и пансіонахъ, или же получаютъ домашнее воспитаніе, при чемъ было также указано на процвѣтаніе открытаго въ Одессѣ дѣвичьяго училища. Керчь-Еникальскій-же градоначальникъ нашелъ даже удобнымъ возбудить ходатайство объ оказаніи мѣстнымъ евреямъ содѣйствія къ открытію спеціальнаго женскаго училища, указывая въ рапортѣ своемъ на то, „что проживающіе въ градоначальствѣ евреи заботятся о воспитаніи дочерей своихъ по мѣрѣ и возможности, какая представляется къ тому находящимися здѣсь частными учебными заведеніями, и только недостатокъ у многихъ евреевъ средствъ для вознагражденія частныхъ лицъ за ученіе заставляетъ евреевъ отказываться отъ воспитанія дочерей своихъ, но что если бы учреждено было здѣсь казенное этого рода учебное заведеніе, то, какъ удостовѣряетъ здѣшній раввинъ, всѣ евреи до послѣдняго воспользовались бы имъ для воспитанія своихъ дочерей".

Такимъ образомъ, новороссійскій край, въ отличіе отъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края, гдѣ даже организованныя правительствомъ мужскія училища не могли въ то время похвастать особымъ успѣхомъ, оказался въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ по отношенію къ образованію еврейскихъ женщинъ, и вся пропаганда раввиновъ, какъ видно изъ отзывовъ мѣстной администраціи, была направлена главнымъ образомъ къ обезпеченію религіознаго воспитанія дѣвушекъ въ смыслѣ обязательнаго посѣщенія ими синагогъ и слушанія поученій пастырей.

Поощреніе еврейскаго земледѣлія.

I.

Въ 1856 году почетный гражданинъ Евзель Гинцбургъ, представивъ въ министерство государственныхъ имуществъ 10,000

руб. билетами государственнаго пятипроцентнаго займа, возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы проценты съ этого капитала были употребляемы на выдачу ежегодныхъ отъ имени его премій отличнѣйшимъ изъ евреевъ-земледѣльцевъ.

По всеподданнѣйшему докладу ген.-адъют. гр. Киселева послѣдовало 2 іюля 1856 г. Высочайшее соизволеніе на оставленіе пожертвованной суммы навсегда въ обращеніи подъ именемъ „капитала Гинцбурга“ и употребленіе получаемыхъ съ нея процентовъ на выдачу премій лучшимъ хозяевамъ изъ евреевъ-земледѣльцевъ по правиламъ, составленнымъ министерствомъ государственныхъ имуществъ иа основаніи собранныхъ свѣдѣній „отъ ближайшихъ мѣстныхъ начальствъ, коимъ евреи-земледѣльцы въ разныхъ губерніяхъ подвѣдомы“.

По этимъ правиламъ, препровожденнымъ къ руководству и исполненію въ попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи, размѣръ премій изъ процентовъ съ капитала Гинцбурга опредѣляется въ 250 р. на одно лицо, а ежегодное число ихъ поставлено въ зависимость какъ отъ числа лицъ, соотвѣтствующихъ условіямъ, дающимъ право на полученіе премій, такъ и отъ наличнаго состоянія суммъ, которыя могутъ быть назначены для этой цѣли. Такимъ образомъ, право на полученіе премій предоставлено было тому изъ евреевъ-поселенцевъ, который черезъ шесть лѣтъ послѣ своего поселенія на казенной землѣ будетъ имѣть огородъ и три десятины обработанной земли въ полѣ, а также заведетъ хозяйственныя принадлежности по опредѣленному закономъ инвентарю и вообще всѣмъ поведеніемъ своимъ вызоветъ одобрительный отзывъ начальства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ правилахъ предусмотрѣно, что въ тѣхъ случаяхъ, „когда состояніе суммъ не будетъ дозволять выдачу премій всѣмъ евреямъ-земледѣльцамъ, пріобрѣвшимъ право на оныя, тогда преміи будутъ присуждаемы только наиболѣе достойнѣйшимъ, а награжденіе остальныхъ будетъ отлагаемо до удобнаго времени когда же, напротивъ, отъ суммъ, могущихъ быть розданными, будутъ, по ма-

лому числу награждаемыхъ, остатки, то таковые должны причисляться къ суммамъ, подлежащимъ раздачѣ на будущее время“.

Правила эти оказались, однако, нецѣлесообразными какъ относительно размѣра премій и характера заслугъ, за которыя онѣ могутъ быть назначаемы, такъ и въ отношеніи ограниченнаго срока, въ теченіе котораго евреи-земледѣльцы должны были довести свои хозяйства до исключительнаго образцоваго состоянія. Неудобство послѣдняго условія оказалось особенно ощутительнымъ для евреевъ-земледѣльцевъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ по Высочайшему повелѣнію населеніе евреевъ съ 1859 года вовсе прекратилось. Все это побудило министра государственныхъ имуществъ подвергнуть правила о „капиталѣ Гинцбурга“ пересмотру въ ученомъ комитетѣ и въ совѣтѣ министерства, и 19 февраля 1863 года правила эти были снова утверждены въ измѣненной редакціи, въ которой они сохранили свою силу по настоящее время. Измѣненіе заключалось, главнымъ образомъ, въ отмѣнѣ обязательнаго срока для соискателей преміи и назначеніи вмѣсто одной преміи въ 250 руб. трехъ премій: одной высшей въ размѣрѣ 200 р., выдаваемой тѣмъ евреямъ, которые, имѣя огородъ и не менѣе 6 десятинъ пашни подъ посѣвами, ведутъ при томъ свои хозяйства столь успѣшно, что могутъ считаться хорошими хозяевами не только между своими единовѣрцами, но и по сравненію съ исправными хозяевами изъ русскихъ поселянъ, и двухъ низшихъ премій въ 100 и 50 руб, назначаемыхъ евреямъ, ведущимъ свое хозяйство вообще удовлетворительно и притомъ значительно лучше, чѣмъ водворенные въ той же мѣстности единовѣрцы ихъ.

II.

Среди разныхъ льготъ, которыми пользовались еврейскія колоніи въ силу отмѣненныхъ только въ 1866 году 483 и 484 ст. ст. V т. уст. о под., одно изъ первенствующихъ мѣстъ за-

нимало освобожденіе на довольно продолжительный срокъ отъ уплаты податей и повинностей, что должно было въ нѣкорой степени способствовать облегченію матеріальнаго положенія людей, взявшихся за совершенно новыя для нихъ занятія, не сулившія, конечно, на первыхъ порахъ особаго богатства. Предоставленіе этихъ льготъ, требовавшее заключенія различныхъ учрежденій, было, однако, сопряжено съ продолжительной перепискою и тратою времени, въ теченіе котораго колонистамъ приходилось взносить взыскивавшіеся съ нихъ сборы для того, чтобы впослѣдствіи ходатайствовать цѣлые годы о возвратѣ уплаченныхъ суммъ. Образчикомъ такой переписки можетъ служить хранящееся въ архивѣ бывшаго новороссійскаго генералъ-губернатора дѣло о предоставленіи евреямъ-земледѣльцамъ бобринецкаго уѣзда, поселившимся на землѣ купца Моргуновскаго, льготы отъ платежа податей и повинностей.

Въ началѣ 1860 года херсонская казенная палата вошла съ представленіемъ въ министерство финансовъ о предоставленіи евреямъ-земледѣльцамъ бобринецкаго уѣзда, поселившимся въ числѣ 223 душъ на землѣ купца Моргуновскаго, льготы отъ платежа податей и повинностей на десять лѣтъ со времени зачисленія ихъ въ десятую ревизію, о сложеніи накопившейся на нихъ недоимки и о возвратѣ внесенныхъ въ уплату этой недоимки 444 руб. 55 к. Министерство финансовъ передало этотъ вопросъ на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое потребовало заключенія по данному случаю новороссійскаго генералъ-губернатора. Такъ какъ для удовлетворенія ходатайства бобринецкихъ колонистовъ - евреевъ, нужны были обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи послѣднихъ, то графъ А. Г. Строгановъ обратился за этими свѣдѣніями черезъ херсонское губернское правленіе къ мѣстнымъ властямъ. 23 апрѣля 1863 года канцелярія генералъ-губернатора въ состояніи была выслать департаменту полиціи исполнительной надлежащій отзывъ, въ которомъ говорится, что евреи, поселившіеся на землѣ купца Моргуновскаго, вполнѣ заслужива-

ютъ просимой льготы и что представленіе казенной палаты подлежитъ удовлетворенію.

Еврейскія благотворительныя учрежденія въ Одессѣ.

Въ 1863 году, по инициативѣ приглашеннаго одесскимъ еврейскимъ обществомъ изъ Австріи па должность раввина д-ра С. А. Швабахера, возбужденъ былъ вопросъ объ открытіи въ Одессѣ дома призрѣнія престарѣлыхъ евреевъ. Высшая администрація, относясь сочувственно къ этому благому начинанію, сдѣлала распоряженіе о назначеніи коммиссіи для выработки устава проектируемаго учрежденія. Коммиссія, исполнивъ возложенную на нее обязанность, представила выработанный ею проектъ въ городскую думу, такъ какъ главнымъ фондомъ дома призрѣнія должна была служить крупная сумма изъ остатковъ коробочнаго сбора. Ассигнованіе такой суммы сопряжено было съ цѣлымъ рядомъ продолжительныхъ ходатайствъ, во избѣжаніе которыхъ нѣкоторые изъ представителей еврейской общины рѣшились приступить къ собиранію добровольныхъ пожертвованій. „Одесское еврейское общество,—говорится въ прошеніи д-ра Швабахера и пяти купцовъ-евреевъ на имя одесскаго градоначальника отъ 23 октября 1863 года,—при постоянно увеличивающемся числѣ еврейскаго населенія, давно уже чувствуетъ необходимость въ нѣкоторыхъ богоугодныхъ заведеніяхъ, въ особенности—въ домѣ призрѣнія престарѣлыхъ евреевъ, лишенныхъ за старостью лѣтъ и бѣдностью возможности содержать себя. Для учрежденія такого заведенія, въ числѣ другихъ богоугодныхъ учрежденій, по распоряженію начальства, была составлена коммиссія изъ спеціалистовъ въ этомъ дѣлѣ, мѣстныхъ медиковъ изъ евреевъ, подъ предсѣдательствомъ изъ насъ раввина Швабахера съ цѣлью вырабатыванія проекта устава,

который ею и составленъ самымъ отчетливымъ образомъ, такъ что вполнѣ отвѣчаетъ своей высокой цѣли. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности открыть это заведеніе въ размѣрѣ, означенномъ въ проектѣ устава, по недостатку необходимаго на то капитала. Такимъ образомъ, усматривая, что потребность въ такомъ заведеніи ростетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, а средствъ къ открытію его нѣтъ, мы, руководимые чувствомъ благотворительности и желаніемъ, чтобы столь благая идея не осталась неосуществленной на долгое время, имѣли сужденіе и нашли возможнымъ открыть это заведеніе въ уменьшенномъ размѣрѣ посредствомъ открытія въ Одессѣ подписки для добровольныхъ пожертвованій, а чтобы дѣло не замедлилось мы готовы принять на свой счетъ первоначальное устройство и открытіе его. Представляя наши предположенія просвѣщенному вниманію вашего превосходительства, имѣемъ честь покорнѣйше просить разрѣшить намъ открыть въ Одессѣ теперь же, подъ предсѣдательствомъ изъ насъ раввина Швабахера, домъ призрѣнія престарѣлыхъ евреевъ на 20 человѣкъ мужчинъ, на правахъ и основаніяхъ упомянутаго проекта устава, находящагося нынѣ въ думѣ, а также подписку добровольныхъ пожертвованій въ пользу этого дома, который не только не обременитъ наше общество, а, напротивъ— каждый еврей поспѣшитъ принести свою лепту на пользу своихъ престарѣлыхъ единовѣрцевъ, и почти ручаться можно, что посредствомъ такой подписки заведеніе это въ скоромъ времени пріобрѣтетъ возможность расширить кругъ своихъ дѣйствій“.

Ходатайство это было представлено одесскимъ градоначальникомъ барономъ Веліо новороссійскому генералъ-губернатору при сочувственномъ отзывѣ, въ которомъ указывалось на то, что „хотя по смыслу 368 ст. XIII т. уст. прик. общ. призр. подобныя заведенія не могутъ быть открываемы, пока не будутъ имѣть всѣхъ средствъ, необходимыхъ для своего содержанія, но принимая во вниманіе, съ одной стороны, дѣйствительную потребность въ Одессѣ въ подобномъ благотворительномъ заведеніи, а съ другой—

выраженную просителями готовность принять на свой счетъ первоначальное устройство и самое открытіе помянутаго дома“, онъ полагаетъ возможнымъ „дозволить открытіе просимой богадѣльни, относя содержаніе оной на счетъ могущихъ быть пожертвованій“.

Въ такомъ смыслѣ и послѣдовало представленіе генералъ-адъютанта П. Е. Коцебу министру внутреннихъ дѣлъ, которое признало, однакожъ, необходимымъ предварительно предложить проектъ устава на обсужденіе членовъ еврейской общины, такъ какъ община эта, „при извѣстной ея зажиточности, по всей вѣроятности, найдетъ возможнымъ обезпечить существованіе означеннаго заведенія на будущее время и тѣмъ выполнитъ требованіе закона, по которому подобныя заведенія могутъ быть открываемы только тогда, когда будутъ имѣть всѣ средства, необходимыя для своего содержанія“. Въ виду такого категорическаго разъясненія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, вопросъ объ открытіи дома призрѣнія былъ переданъ на разсмотрѣніе функціонировавшаго при городскомъ общественномъ управленіи собранія уполномоченныхъ еврейскаго общества, которое за недостаткомъ наличныхъ средствъ не пришло, конечно, ни къ какому результату. Черезъ четыре года министерство сдѣлало новороссійскому генералъ-губернатору запросъ о судьбѣ предполагавшагося къ открытію въ Одессѣ дома призрѣнія престарѣлыхъ евреевъ. Началась опять переписка, но дѣло ни на шагъ не подвинулось. Только въ 1884 году было положено основаніе богадѣльнѣ для старцевъ-евреевъ обоего пола, существующей и въ настоящее время на основаніи устава, утвержденнаго 10 ноября 1883 года и дополненнаго 24 мая 1897 г. Учрежденіе это, связанное съ памятью о двадцатипятилѣтнемъ царствованіи Императора Александра II, содержится на счетъ процентовъ съ отчисленнаго изъ суммъ одесскаго коробочнаго сбора неприкосновеннаго капитала въ 80,000 р., а равно доходовъ съ фондовъ, принадлежащихъ состоящей при богадѣльнѣ дешевой кухнѣ.

II.

Но если для приведенія въ дѣйствіе первой мысли покойнаго одесскаго раввина понадобилось цѣлыхъ двадцать лѣтъ, то второму его начинанію, преслѣдовавшему, главнымъ образомъ, просвѣтительную задачу, болѣе посчастливилось. Мы говоримъ объ обществѣ „Трудъ“, имѣющемъ цѣлью своей распространеніе среди евреевъ техническихъ знаній и учрежденномъ также по иниціативѣ д-ра Швабахера, посвятившаго не мало труда и времени не только составленію устава, но и собиранію частныхъ пожертвованій для обезпеченія существованія общества солиднымъ фондомъ, давшимъ возможность сейчасъ же приступить къ сооруженію зданія для ремесленнаго училища. 26 мая 1864 года былъ выработанъ уставъ и представленъ для дальнѣйшаго направленія и утвержденія одесскому градоначальнику барону Веліо. Среди учредителей встрѣчаются имена лицъ, пользовавшихся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ еврейскомъ обществѣ большой популярностью, какъ доктора медицины Абрамсонъ, С. Левенсонъ и І. Дрей, извѣстный писатель и редакторъ журнала „Разсвѣтъ“ О. А. Рабиновичъ и нѣмецкій журналистъ Максъ Шапиро. Мѣстная администрація относилась къ проектируемому обществу съ видимымъ сочувствіемъ. „Цѣль „Труда“ —говорится въ рапортѣ барона Веліо на имя новороссійскаго генералъ-губернатора—будетъ состоять въ распространеніи ремесленныхъ знаній между молодыми евреями, дѣтьми бѣдныхъ родителей или сиротами, записанными въ одесское общество, для направленія ихъ такимъ образомъ къ полезному и производительному труду. Разсмотрѣвъ означенный проектъ устава. я нахожу, что таковой составленъ весьма основательно и сообразно съ уставами существующихъ благотворительныхъ учрежденій. Вслѣдствіе чего и принимая во вниманіе, что учрежденіе такого общества принесетъ несомнѣнно пользу еврейскому населенію Одессы предоставленіемъ дѣтямъ бѣдныхъ родителей и сиротамъ средствъ къ пріобрѣтенію ремесленныхъ знаній, мало распро-

страненныхъ доселѣ между евреями, имѣю честь о вышеизложенномъ представить на усмотрѣніе вашего высокопревосходительства вмѣстѣ съ прошеніемъ поименованныхъ лицъ и проектомъ устава, покорнѣйше прося благосклоннаго участія вашего въ утвержденіи означеннаго устава, въ виду выраженной въономъ истинно благодѣтельной цѣли, дѣлающей честь учредителямъ подобнаго общества".

Черезъ два мѣсяца, 21 іюля 1864 года, уставъ общества „Трудъ" былъ уже утвержденъ, а къ 11 октября начало функціонировать избранное правленіе, во главѣ котораго стоялъ, конечно, д-ръ Швабахеръ. Правда, въ 1867 году нѣкоторыми изъ недоброжелателей послѣдняго была сдѣлана попытка къ избранію другого предсѣдателя, но всѣ ихъ усилія ни къ чему не привели, и д-ръ Швабахеръ еще долгое время продолжалъ руководить дѣлами общества, процвѣтаніе котораго обратило на себя скоро вниманіе высшихъ правительственныхъ сферъ. И дѣйствительно, въ 1870 г. министерство внутреннихъ дѣлъ потребовало отъ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора высылки копіи устава общества „Трудъ" для соображенія при разрѣшеніи поступившихъ отъ нѣкоторыхъ еврейскихъ обществъ ходатайствъ объ открытіи такого же типа ремесленныхъ школъ.

III.

Еврейскій сиротскій домъ, помѣщающійся въ настоящее время въ роскошномъ собственномъ зданіи и дающій пріютъ сотнямъ сиротъ обоего пола, обязанъ своимъ возникновеніемъ Абраму Марковичу Бродскому, одному изъ наиболѣе видныхъ общественныхъ дѣятелей Одессы въ шестидесятыхъ годахъ, положившему не только основаніе этому полезному учрежденію своимъ первоначальнымъ щедрымъ пожертвованіемъ, но успѣвшему даже личными своими стараніями и попеченіемъ упрочить его существованіе.

Въ 1861 году А. М. Бродскій принялъ на себя содержаніе

коробочнаго сбора въ Одессѣ, поставивъ себѣ задачей, съ одной стороны, бороться съ обирательствомъ и злоупотребленіями откупщиковъ и мясопромышленниковъ, а съ другой — отдать могущій оказаться отъ предпріятія барышъ на благотворительныя цѣли. Въ концѣ 1865 года Бродскимъ былъ составленъ балансъ, убѣдившій его въ томъ, что получаемая прибыль слишкомъ незначительна для того, чтобы устроить обширныхъ размѣровъ богоугодное заведеніе. Такимъ образомъ, Бродскому пришлось ограничиться болѣе скромнымъ начинаніемъ, и выборъ его палъ на сиротскій домъ, составлявшій въ то время одну изъ насущнѣйшихъ потребностей еврейскаго населенія. Для осуществленія своей мысли Бродскій принесъ въ даръ комитету Талмудъ-Торы собственный свой домъ на Александровскомъ проспектѣ и, имѣя въ виду, что эта общественная школа по назначенію своему тѣсно связана съ задачами сиротскаго дома, онъ въ письмѣ своемъ отъ 22 ноября 1865 года просилъ комитетъ „составить въ согласіи съ нимъ планъ такого заведенія, которое могло бы быть приведено въ надлежащее устройство немедленно". Комитетъ, обсудивъ предложеніе Бродскаго, пришелъ къ слѣдующему заключенію. „Такъ какъ въ настоящее время въ распоряженіи одесскаго еврейскаго общества нѣтъ средствъ для устройства сиротскаго дома, приспособленнаго къ воспитанію дѣтей обоего пола и всѣхъ возрастовъ, то для того, чтобы пожертвованіе г. Бродскаго могло немедленно же приносить практическую пользу, необходимо ограничить кругъ дѣйствія сиротскаго заведенія тѣми сиротами, которые состоятъ уже частью на попеченіи общества, какъ воспитанники Талмудъ-Торы. Въ числѣ воспитанниковъ этого заведенія состоятъ между другими дѣтьми бѣднѣйшихъ классовъ еврейскаго населенія Одессы и тѣ сироты мужскаго пола, которые при существованіи сиротскаго дома непремѣнно составляли бы значительную часть его комплекта. Сиротамъ этимъ Талмудъ-Тора доставляетъ безплатно религіозное и элементарное образованіе, обѣденный столъ въ дни ученія и частью платье и обувь, но все это нисколько не обез-

печиваетъ ни физическаго, ни моральнаго воспитанія дѣтей, брошенныхъ на попеченіе нищихъ и загрубѣлыхъ дальнихъ родственниковъ или даже чужихъ. Но средства, которыя будутъ доставляемы жертвуемымъ домомъ, могутъ обезпечить полное содержаніе извѣстнаго числа сиротъ (отъ 20 до 30) въ томъ только случаѣ, если Талмудъ-Тора будетъ продолжать доставлять имъ то, что она имъ доставляетъ до сихъ поръ, и когда не потребуется особыхъ расходовъ на управленіе и нѣкоторыя хозяйственныя обзаведенія, какъ кухня и пр. Только при этихъ условіяхъ жертвуемый домъ и можетъ помѣстить въ себѣ оба заведенія, имѣя еще лавки для дохода". Въ виду этихъ соображеній комитетъ призналъ цѣлесообразнымъ принять въ свое распоряженіе жертвуемый домъ и содержать при Талмудъ-Торѣ сиротское отдѣленіе.

О пожертвованіи А. М. Бродскаго было доведено до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ министерство финансовъ сдѣлало распоряженіе объ освобожденіи еврейскаго общества отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ при совершеніи дарственной записи на уступленное для сиротскаго дома недвижимое имущество.

20 іюля 1867 года комитетъ Талмудъ-Торы представилъ въ городскую распорядительную думу проектъ правилъ для предполагавшагося уже въ то время къ открытію сиротскаго отдѣленія, объяснивъ, что по произведенному вычисленію содержаніе въ этомъ заведеніи 20 воспитанниковъ обойдется около 1900 р., что пожертвованный Бродскимъ домъ можетъ приносить чистаго годового дохода около 1200 р. и что для пополненія недостающей суммы придется прибѣгнуть къ частнымъ пожертвованіямъ. Выразивъ затѣмъ увѣренность, что призывъ къ благотворительности членовъ одесскаго еврейскаго общества увѣнчается несомнѣннымъ успѣхомъ, что при ожидаемомъ притокѣ пожертвованій не только покроется дефицитъ, но даже будетъ собранъ довольно значительный неприкосновенный капиталъ, для образованія котораго Бродскій внесъ особо 10 билетовъ внутренняго 5% съ выигрышами

займа, комитетъ просилъ ходатайства думы предъ высшей администраціей о разрѣшеніи ему открыть подписку и приступить къ принятію сиротъ на полное призрѣніе. Новороссійскій генералъ-губернаторъ ген.-адъют. П. Е. Коцебу призналъ возможнымъ удовлетворить просьбу комитета. 20 ноября 1867 года послѣдовало оффиціальное разрѣшеніе на открытіе сиротскаго дома, а въ началѣ 1868 года учрежденіе это начало функціонировать, скоро расширивъ свою дѣятельность и быстро завоевавъ симпатіи жертвователей.

IV.

Среди еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій, преслѣдующихъ также просвѣтительныя цѣли, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ одесское отдѣленіе общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Любопытная переписка возникла во время утвержденія устава этого отдѣленія. Въ § 5 представленнаго въ министерство внутреннихъ дѣлъ проекта устава значилось, что „для свободнаго и безпрепятственнаго хода дѣлъ, одесское отдѣленіе, управляемое своимъ комитетомъ, пользуется *правомъ полной самостоятельности*“. Послѣдняя фраза побудила новороссійскаго генералъ-губернатора, на заключеніе котораго поступилъ означенный проектъ, обратиться съ запросомъ къ учредителямъ отдѣленія, изъ числа которыхъ въ настоящее время живъ еще одинъ д-ръ А. В. Бертензонъ, и просить разъясненія относительно значенія, придаваемаго ими понятію о „полной самостоятельности“. Учредители не замедлили, конечно, выяснить, что обратившими на себя вниманіе высшей адвинистраціи словами выражается независимость отдѣленія отъ петербургскаго комитета общества во всѣхъ дѣлахъ, принадлежащихъ собственно отдѣленію, въ особенности въ распоряженіи его кассою, добавивъ, что „дѣйствія отдѣленія должны быть строго подчинены всѣмъ установленіямъ правительства относительно дѣйствій разрѣшенныхъ правительствомъ обществъ вообще и въ частности—общества распро-

страненения просвѣщенія между евреями въ Россіи. „Согласно этимъ указаніямъ и была внесена генералъ-адъютантомъ П. Е. Коцебу въ уставъ поправка, исключающая возможность истолковать „независимость“ отдѣленія въ какомъ либо иномъ смыслѣ. 9 августа 1867 года уставъ отдѣленія былъ утвержденъ, но § 5 въ первоначальной редакціи совершенно исчезъ изъ него. Въ составъ правленія отдѣленія, открывшаго свои дѣйствія 25 октября 1867 года подъ предсѣдательствомъ А. М. Бродскаго, вошли Н. О. Бернштейнъ, А. В. Бертенсонъ, С. М. Левенсонъ, Л. С. Пинскеръ, О. А. Рабиновичъ, Г. А. Рафаловичъ, А. М. Ратгаузъ и Э. И. Соловейчикъ. Изъ исчисленныхъ лицъ никого уже теперь нѣтъ въ живыхъ. Недавно скончался также въ Петербургѣ С. С. Орнштейнъ, редактировавшій еженедѣльную газе „День“, издававшуюся въ Одессѣ отдѣленіемъ въ теченіи 1869—1871 годовъ и представлявшую собою одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе чистыхъ по направленію своему русско-еврейскихъ органовъ печати.

V.

Въ 1872 году еврейскій дамскій кружокъ задумалъ учредить въ Одессѣ общество для распространенія между дѣтьми женскаго пола бѣдныхъ евреевъ ремесленныхъ знаній и элементарнаго образованія. „Жены нѣкоторыхъ изъ гражданъ Одессы еврейской націи въ числѣ 17 лицъ—пишетъ одесскій градоначальникъ тайн. сов. Н. И. Бухаринъ въ рапортѣ своемъ отъ 27 апрѣля 1872 года на имя генералъ-губернатора—обратились ко мнѣ съ просьбою исходатайствовать имъ разрѣшеніе правительства учредить въ Одессѣ общество для распространенія между дѣтьми женскаго пола бѣдныхъ евреевъ ремесленныхъ знаній и необходимаго элементарнаго образованія на началахъ, изложенныхъ въ выработанномъ ими проектѣ устава названнаго общества. Усматривая изъ проекта помянутаго устава, что общество предполагаетъ давать въ своихъ школахъ и научное образованіе, я призналъ

нужнымъ полученное прошеніе вмѣстѣ съ проектомъ устава сообщить г. попечителю одесскаго учебнаго округа на разсмотрѣніе и просить его заключенія по изложенному ходатайству. Въ отвѣтъ на это д. с. с. Голубцовъ увѣдомилъ меня, что состоящій при немъ попечительскій совѣтъ, на обсужденіе коего былъ предложенъ имъ проектъ устава, нашелъ, что § 26, гдѣ исчислены научные предметы, слѣдовало-бы дополнить техническимъ черченіемъ, необходимымъ при обученіи ремесламъ, при чемъ выражено было мнѣніе, чтобы при преподаваніи географіи указывались съ особенной подробностью мѣстонахожденія различныхъ техническихъ матеріаловъ и мѣста ихъ обработки. По объясненіи отзыва г. попечителя просительницамъ, онѣ изъявили готовность исправить редакцію § 26, согласно замѣчаніямъ попечительскаго совѣта, что нынѣ и исполнили. Не встрѣчая за симъ препятствія къ осуществленію ходатайства просительницъ, могущаго, по мнѣнію моему, при добросовѣстномъ веденіи дѣла принести существенную пользу бѣдному, весьма значительному, классу еврейскаго населенія г. Одессы, я означенное прошеніе ихъ вмѣстѣ съ проектомъ выработаннаго устава имѣю честь представить вашему высокопревосходительству на благоусмотрѣніе“.

Мысль дамскаго кружка встрѣтила сочувствіе и со стороны ген.-адъютанта П. Е. Коцебу, потребовавшаго только еще нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій, относившихся къ программѣ школъ общества и къ способу продажи издѣлій ученицъ, и отправившаго скоро уставъ министру внутреннихъ дѣлъ для надлежащаго утвержденія. Но въ министерствѣ, во главѣ котораго находился въ то время ген.-адъют. Тимашевъ, существовалъ тогда особый отрицательный взглядъ на характеръ и задачи спеціальныхъ еврейскихъ обществъ и союзовъ, и результатомъ такого принципіальнаго взгляда было отклоненіе ходатайства просительницъ. „Изъ имѣющихся въ министерствѣ свѣдѣній—говорится въ сообщеніи послѣдняго отъ 20 декабря 1872 г. на имя новороссійскаго генералъ-губернатора— видно, что еще въ 1869 году, по поводу возбужденнаго въ то время

министерствомъ вопроса о томъ, существуетъ ли какая либо дѣйствительная потребность въ учрежденіи вообще отдѣльныхъ благотворительныхъ еврейскихъ обществъ въ разныхъ ихъ видахъ и можетъ ли быть допускаемо, въ соображеніяхъ административныхъ, открытіе оныхъ на будущее время, особенно въ виду предположенія, что означенныя общества могутъ въ большей или меньшей мѣрѣ содѣйствовать обособленію евреевъ въ средѣ остального населенія, ваше высокопревосходительство въ отзывѣ своемъ по сему предмету изъяснили, что общества, имѣющія цѣлью вообще вспоможеніе бѣднымъ, необусловливаемыя религіозными особенностями евреевъ, рѣшительно не должны быть допускаемы, ибо съ точки зрѣнія правительственной такія общества въ исключительной средѣ еврейскаго населенія положительно вредны, содѣйствуя еще большему обособленію евреевъ, въ смыслѣ же благотворительномъ подобныя общества не представляютъ и существенной потребности для евреевъ, если послѣдніе будутъ стараться примыкать въ дѣлѣ благотворенія къ общимъ учрежденіямъ, кругъ дѣйствія которыхъ не обусловливается различіемъ исповѣданій. Объясняя далѣе, касательно обществъ, мотивируемыхъ религіозными особенностями евреевъ, что при всякомъ случаѣ, когда испрашивается разрѣшеніе подобнаго учрежденія, правительство можетъ видѣть, въ какой мѣрѣ допущеніе онаго полезно или терпимо, вы, м. г., изволили полагать, что утвержденіе вообще уставовъ и такихъ обществъ среди евреевъ должно быть по возможности отклоняемо, такъ какъ правительство, заботясь о постепенномъ сліяніи евреевъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи, никогда не достигнетъ успѣха на этомъ пути, пока принимаемыя имъ мѣры будутъ парализоваться существованіемъ подъ его руководствомъ благотворительныхъ и другихъ учрежденій, содѣйствующхихъ обособленію евреевъ. Признавая изложенныя соображенія вашего высокопревосходительства вполнѣ основательными, я за симъ и согласно съ заключеніемъ министра народнаго просвѣщенія, съ которымъ предварительно сдѣлано было по предмету настоящаго ходатайства сношеніе, пола-

галъ-бы ходатайство объ учрежденіи одесскаго общества для распространенія между дѣтьми женскаго пола бѣдныхъ евреевъ ремесленныхъ знаній и элементарнаго образованія отклонить".

Приведенные мотивы доказываютъ, что и въ семидесятыхъ годахъ правительство не переставало заботиться о сліяніи евреевъ съ кореннымъ населеніемъ и объ устраненіи всего того, что прямо или косвенно можетъ способствовать ихъ замкнутости и обособленности.

Училища въ еврейскихъ колоніяхъ.

14 апрѣля 1866 года министръ государственныхъ имуществъ генералъ-адъютантъ Зеленой обратился въ попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи съ предложеніемъ, въ которомъ указывается на то, что „одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ успѣху еврейскихъ земледѣльческихъ водвореній—это, какъ удостовѣряетъ, между прочимъ, и ревизовавшій лѣтомъ 1865 года вѣдомство попечительнаго комитета тайн. сов. Иславинъ, религіозный фанатизмъ поселенцевъ и укоренившіеся въ нихъ вслѣдствіе этого обычаи, поддерживаемые ихъ духовными лицами", и что „для противодѣйствія этому фанатизму самой дѣйствительной мѣрою представляется измѣненіе существующей нынѣ у евреевъ системы домашняго ихъ воспитанія", о чемъ былъ возбужденъ вопросъ еще въ 1859 году, когда учрежденная при министерствѣ особая коммиссія выработала даже цѣлый рядъ мѣръ, оставшихся, однако, безъ примѣненія. Въ интересахъ осуществленія предначертаній упомянутой коммиссіи въ связи съ тѣми соображеніями, которыя будутъ указаны опытомъ, генер.-адъют. Зеленой поручилъ предсѣдательствующему въ комитетѣ д. с. с. В. Н. Эттингеру войти въ соглашеніе, съ разрѣшенія новороссійскаго

генералъ-губернатора, съ состоящимъ при послѣднемъ ученымъ евреемъ Маркусомъ Гуровичемъ „касательно постепеннаго и для евреевъ-земледѣльцевъ нестѣснительнаго измѣненія нынѣ существующей въ колоніяхъ системы одиночнаго обученія дѣтей у меламдовъ въ частныхъ домахъ, принявъ при этомъ въ соображеніе главную цѣль—искорененіе въ земледѣльцахъ вреднаго религіознаго фанатизма и суевѣрныхъ обычаевъ“.

При содѣйствіи высшей администраціи края Гуровичъ былъ командированъ въ еврейскія колоніи херсонской губерніи для ознакомленія на мѣстѣ съ условіями предстоявшей тамъ школьной реформы и, исходя изъ той точки зрѣнія, что радикальная ломка въ подобныхъ случаяхъ невозможна, составилъ проектъ положенія о меламедскихъ комнатахъ. Означивъ такимъ именемъ предполагавшіяся къ открытію въ колоніяхъ училища, Гуровичъ сдѣлалъ этимъ съ внѣшней стороны уступку приверженцамъ старины, основательно расчитывая на то, что тѣ помирятся и съ нѣкоторыми новшествами, если за школой будетъ оставлена ея прежняя кличка „комната“ (на древне-еврейскомъ языкѣ „хедеръ“). Преподаваніе еврейскихъ предметовъ Гуровичъ рѣшилъ оставить въ рукахъ меламдовъ, мотивируя это въ своемъ предисловіи къ проекту тѣмъ, что „евреи-колонисты питаютъ самое слѣпое довѣріе къ меламдамъ, что эти послѣдніе суть люди по большей части пожилые съ простымъ взглядомъ на жизнь, къ нимъ евреи привыкли, и если ихъ вдругъ удалить и устроить училища съ новыми учителями, едва выпущенными изъ училищъ и гимназій, то это повело-бы къ ропоту и ложному истолкованію дѣйствій правительства; во главѣ недовольныхъ стали бы, конечно, старые удаленные меламды и породили-бы духъ партій и несогласія, чему довольно примѣровъ въ Бессарабіи и въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ еврейскія казенныя училища, только благодаря проискамъ меламдовъ, находятся въ жалкомъ положеніи“. Всѣ эти соображенія привели Гуровича къ убѣжденію, что сельскія училища въ еврейскихъ колоніяхъ должны быть до нѣкоторой степени приспособлены

къ еврейскимъ привычкамъ и что только привлеченіе къ участію меламдовъ можетъ во многомъ способствовать тому, чтобы колонисты отнеслись съ сочувствіемъ и довѣріемъ къ планамъ правительства.

По проекту Гуровича, въ каждой еврейской колоніи должна быть учреждена одна двухклассная меламедская комната при преподавательскомъ персоналѣ, состоящемъ изъ свѣтскаго учителя и двухъ меламдовъ. Въ многолюдныхъ колоніяхъ могутъ быть открыты двѣ комнаты, изъ коихъ одна предназначается для общихъ предметовъ, какъ законъ Божій, еврейскій, русскій и нѣмецкій языки, ариѳметика и чистописаніе, а другая—для дополнительнаго курса, въ программу котораго входятъ географія, русская исторія, черченіе и свѣдѣнія о земледѣльческихъ орудіяхъ. Кромѣ того въ одной изъ колоній должна быть также и высшая меламедская комната для учениковъ, желающихъ болѣе усовершенствоваться въ наукахъ и подготовляться къ учительской дѣятельности. Для преподаванія свѣтскихъ предметовъ назначается учитель, получающій содержаніе отъ правительства. Допускаемые для преподаванія еврейскихъ предметовъ меламды должны быть утверждаемы попечительнымъ комитетомъ, но плату они получаютъ отъ родителей учениковъ по добровольному съ ними соглашенію. Завѣдываніе комнатами лежитъ на обязанности училищнаго совѣта, дѣйствующаго подъ контролемъ попечителя колоніи и состоящаго изъ мѣстнаго раввина и двухъ служащихъ при комнатѣ учителей.

Проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, который, потребовавъ лишь нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій въ программѣ, какъ исключеніе изъ числа предметовъ совсѣмъ ненужнаго колонистамъ нѣмецкаго языка, увеличеніе числа уроковъ по русскому языку и замѣна устарѣлыхъ учебниковъ по исторіи и географіи болѣе новыми, и указавъ также на то, что нѣтъ надобности въ открытіи высшей меламедской комнаты, присоединился всецѣло къ тому мнѣнію, „что при учрежденіи въ еврейскихъ колоніяхъ общественныхъ училищъ нужно руко-

водствоваться большой осторожностью и ни въ какомъ случаѣ не дѣлать какъ въ устройствѣ самихъ училищъ, такъ и въ системѣ ученія, рѣзкихъ перемѣнъ отъ нынѣ существующаго у этихъ евреевъ обычая воспитанія своихъ дѣтей въ частныхъ домахъ у меламдовъ, иначе училища эти, какъ вообще теперешнія казенныя еврейскія училища, не принесутъ ожидаемой отъ нихъ пользы, такъ какъ простой классъ евреевъ весьма недовѣрчиво смотритъ на учебныя заведенія, учрежденныя правительствомъ".

Исполнительный комитетъ съ своей стороны нашелъ возможнымъ горячо рекомендовать министерству государственныхъ имуществъ проектъ Гуровича, высказавшись въ пользу сохраненія въ программѣ нѣмецкаго языка, „такъ какъ языкъ, на которомъ говорятъ нынѣ всѣ евреи и евреи-колонисты, ничто иное какъ испорченный нѣмецкій языкъ и, поэтому, устраненіе преподаванія сего языка въ меламедскихъ комнатахъ лишило-бы эти комнаты ихъ популярности", и учрежденія высшей меламедской комнаты, имѣя въ виду, что „въ этой высшей комнатѣ представилась бы возможность образовать такихъ учителей для меламедскихъ въ другихъ колоніяхъ комнатъ, которые бы были воспитаны внѣ предразсудковъ, столь вредно вліяющихъ на населеніе евреевъ-колонистовъ". При этомъ комитетъ предложилъ устроить проектируемыя комнаты въ помѣщеніяхъ упраздненныхъ сельскихъ начальниковъ, а на наемъ всѣхъ учителей, полагая каждому изъ нихъ въ годъ жалованья по 250 р., употреблять расходы изъ суммъ за новыя еврейскія земли на счетъ ожидаемыхъ въ количествѣ 220 р. остатковъ отъ упраздненія сельскихъ начальниковъ, не обременяя затѣмъ еврейскія общества никакими особыми расходами.

Два года длилась безрезультатная переписка попечительнаго комитета съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, гдѣ вопросъ объ одобреніи проектируемыхъ Гуровичемъ меламедскихъ комнатъ столкнулся съ поступившимъ еще въ 1859 году со стороны еврейскаго комитета предложеніемъ объ открытіи для всѣхъ еврейскихъ колоній въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ

одного центральнаго училища. Это побудило стоявшаго во главѣ комитета д. с. с. Эттингера, относившагося, повидимому, къ судьбѣ евреевъ-земледѣльцевъ съ особой сердечностью, принять самыя энергическія мѣры къ осуществленію проекта Гуровича. Объ этомъ свидѣтельствуетъ представленіе попечительнаго комитета отъ 29 апрѣля 1868 года на имя новороссійскаго генералъ-губернатора, изъ содержанія котораго видно, что на разсмотрѣніе комитета поступили, независимо отъ записки поч. гражд. Гуровича о дѣйствіяхъ его по введенію въ еврейскихъ колоніяхъ общественнаго обученія, мірскіе приговоры, составленные по этому предмету 10 обществами херсонскихъ еврейскихъ колоній, и что комитетъ, принявъ съ одной стороны во вниманіе: а) что общества поименованныхъ 10 колоній мірскими приговорами своими не только заявили готовность о желаніи измѣнить у себя систему образованія юношества введеніемъ общественныхъ училищъ вмѣсто прежняго одиночнаго ученія дѣтей по домамъ, но и обязались на будущее время содержать эти училища собственными средствами, не требуя отъ правительства никакихъ на этотъ предметъ субсидій, кромѣ лишь единовременной выдачи имъ на первоначальное обзаведеніе училищъ мебелью и другими принадлежностями 2050 р. безвозвратно и сверхъ того обществу колоніи Доброй также безвозвратно на покупку или постройку дома 1500 р., а колоніямъ Нагартовъ, Ефенгарь, Сейдемынуха и Бобровый-Кутъ заимообразно 5600 р. на тотъ же предметъ изъ капитала, образовавшагося отъ отдачи въ оброкъ земель, предназначенныхъ было на водвореніе евреевъ; б) что соображеніе объ отчисленіи до 2000 р. расходовъ для устройства училищъ въ еврейскихъ колоніяхъ на поименованный выше капиталъ имѣется уже въ виду министерства государственныхъ имуществъ, а потому деньги эти могутъ быть отпущены обществомъ на устройство классной мебели, которая, впрочемъ, Гуровичемъ уже и заказана; в) что введеніе въ одно время нѣсколькихъ элементарныхъ школъ въ херсонскихъ еврейскихъ колоніяхъ принесетъ несомнѣнную пользу еврейскому насе-

ленію и скорѣе содѣйствовать будетъ искорененію въ земледѣльцахъ религіознаго фанатизма и вредныхъ обычаевъ, чѣмъ устройство одного центральнаго училища, какъ это предполагалось первоначально; и г) что устройствомъ въ нѣкоторыхъ или даже во всѣхъ колоніяхъ херсонскаго водворенія элементарныхъ училищъ не исключаетъ мысли, чтобы современемъ, когда въ этомъ окажется дѣйствительная необходимость и явятся средства, нельзя было бы одно изъ таковыхъ училищъ преобразовать въ высшее или центральное,—и съ другой стороны, имѣя въ виду, „что отъ министерства не послѣдовало еще разрѣшенія на устройство въ еврейскихъ колоніяхъ училищъ сообразно основаніямъ, изложеннымъ въ проектѣ, представленномъ на его благоусмотрѣніе; что по проекту этому предполагалось на первый случай открыть училища въ тѣхъ только колоніяхъ, гдѣ есть готовые уже дома, оставшіеся свободными вслѣдствіе уменьшенія числа сельскихъ начальниковъ, а между тѣмъ изъ 10 колоній, представившихъ нынѣ приговоры съ заявленіемъ желанія открыть у себя общественныя училища, пять колоній, а именно: Бобровый-Кутъ, Сейдыменуха, Нагартовъ, Добрая и Ефенгарь, или вовсе не имѣютъ свободныхъ общественныхъ домовъ, или, если имѣютъ, то таковые заняты помѣщеніемъ сельскихъ начальниковъ, и что, наконецъ, по распоряженію поч. гражд. Гуровича, мебель, для классовъ во всѣхъ 10 упомянутыхъ выше колоніяхъ уже заказана, а въ колоніяхъ Новомъ-Бериславѣ и Львовой открыты уже и самыя училища",—опредѣленіемъ своимъ постановилъ: „дабы не утерять удобнаго случая и времени" приступить къ преобразованію учебной части въ еврейскихъ колоніяхъ херсонской губерніи. На этомъ основаніи комитетъ призналъ открытіе училищъ въ Новомъ-Бериславѣ и Львовой совершившимся фактомъ и утвердилъ также мірскіе приговоры объ открытіи такихъ же училищъ въ колоніяхъ Романовкѣ, Ингульцѣ и Новополтавкѣ, ассигнововавъ изъ партикулярныхъ суммъ комитета 600 р. на уплату за классную мебель.

Изъ дальнѣйшей переписки видно, что Гуровичемъ были

приложены всѣ старанія, чтобы еще въ 1868 году были открыты всѣ намѣченныя въ его проектѣ училища. „Для исполненія возложеннаго на меня важнаго и труднаго порученія—пишетъ Гуровичъ въ адресованномъ попечительному комитету рапортѣ—я отправился въ колоніи херсонской губерніи и, не щадя ни силъ, ни трудовъ, энергически, могу сказать, дѣйствовалъ не прямыми, но косвенными мѣрами на предубѣжденія евреевъ-колонистовъ съ цѣлью привлечь ихъ довѣріе къ заботамъ правительства и немедленно послѣ составленія по каждой колоніи въ сельскихъ приказахъ мірскихъ приговоровъ приступить къ самому открытію училищъ. Осмѣливаюсь полагать, что назидательныя, примѣнительныя къ случаю рѣчи, обращенныя мною къ обществамъ колоній, имѣли тотъ счастливый результатъ, что евреи-колонисты не только согласились открыть въ своихъ колоніяхъ училища, опредѣлить изъ общественныхъ суммъ довольно значительныя для содержанія оныхъ средства, но даже согласились, по моему убѣжденію, ввести въ училищахъ преподаваніе, кромѣ свѣтскихъ предметовъ, еще закона Божія и еврейскаго языка. Въ двухъ только колоніяхъ, въ Большой Сейдеменухѣ и Нагартавѣ, еврейскіе предметы не введены, но взамѣнъ того устроены тамъ училища какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвицъ, въ которыхъ первые должны оставаться до обѣда, а послѣднія послѣ обѣда. Такимъ образомъ въ 10 колоніяхъ открыты 12 училищъ (10 для мальчиковъ и 2 для дѣвицъ), на содержаніе которыхъ самыми обществами отпускаются средства“.

Такіе результаты были оцѣнены правительствомъ и, согласно ходатайству предсѣдательствующаго въ комитетѣ д. с. с. Эттингера и представленію ген.-адъют. Коцебу, Гуровичу пожалованъ былъ орденъ Св. Станислава 3-й степени, для не-христіанъ установленный, а также единовременное пособіе въ размѣрѣ 500 р.

Школьная реформа.

I,

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по истеченіи всего 20 лѣтъ со времени открытія казенныхъ еврейскихъ училищъ, учрежденныхъ по особому плану графа Уварова и содержавшихся на счетъ свѣчного съ евреевъ сбора, возникло въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, по иниціативѣ нѣкоторыхъ губернаторовъ, усомнившихся въ пользѣ этихъ училищъ, переписка по вопросу о томъ, не слѣдуетъ-ли упразднить подобныя спеціальныя школы, освободивъ евреевъ отъ отяготительнаго для нихъ особаго налога и предоставивъ имъ воспитывать своихъ дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ интересахъ всесторонняго разъясненія возбужденнаго вопроса былъ въ 1864 году командированъ, по Высочайшему повелѣнію, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія тайн. сов. Постельсъ для осмотра еврейскихъ училищъ. Результаты осмотра, продолжавшагося около восьми мѣсяцевъ, появились въ особомъ отчетѣ, заключавшемъ въ себѣ массу интересныхъ и впервые оффиціально провѣренныхъ данныхъ и проводившемъ мысль о необходимости лишь нѣкоторыхъ перемѣнъ и исправленій въ организаціи школьной системы, неподлежащей сама по себѣ полному упраздненію. Отчетъ этотъ былъ препровожденъ новороссійскому генералъ-губернатору и попечителю одесскаго учебнаго округа, съ замѣчаніями которыхъ мы и познакомимъ читателей, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній были приняты въ соображеніе и легли въ основу реформы, введенной впослѣдствіи въ еврейскую школу.

„Обсудивъ поднятый вопросъ,—говорится въ запискѣ ген.-адъютанта П. Е. Коцебу,—я пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшее существованіе казенныхъ еврейскихъ училищъ необходимо

и что настоящее неудовлетворительное ихъ состоянiе должно только вызвать мѣры къ преобразованiю, но ни въ какомъ случаѣ не къ упраздненiю этихъ заведенiй". Присоединяясь къ заключенiю раввинской коммиссiи, полагающей, что хотя цѣлью устройства учебной части евреевъ должно быть привлеченiе ихъ въ общiя учебныя заведенiя, но что до полнаго достиженiя этой цѣли необходимо обратить особое вниманiе на поддержанiе и усовершенствованiе еврейскихъ школъ, ген.-адъют. Коцебу указываетъ на то, что если школы эти не соотвѣтствуютъ еще вполнѣ своей задачѣ, то причины этого явленiя слѣдуетъ искать не въ фанатизмѣ евреевъ, которымъ они, „расположенные вообще къ образованiю", далеко менѣе одержимы, чѣмъ ихъ упрекаютъ, а въ самой организацiи дѣла. Переходя же затѣмъ къ исчисленiю недостатковъ этой организацiи, ген.-адъют. Коцебу останавливается на слѣдующихъ соображенiяхъ.

Въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ 1-го разряда принимаются дѣти, умѣющiя читать на древне-еврейскомъ языкѣ и знающiя молитвы. Эти элементарныя свѣдѣнiя даютъ имъ меламды, вселяющiе въ нихъ нерасположенность къ правительственнымъ школамъ. Такая нерасположенность въ связи съ незнанiемъ русскаго языка, съ грубымъ обращенiемъ смотрителей-христiанъ, рекрутируемыхъ изъ людей, необладающихъ въ большинствѣ случаевъ никакой педагогической подготовкой, и непривычностью питомцевъ хедера вообще къ школьной дисциплинѣ—отражается довольно печально на успѣхахъ учащихся. Влiяетъ также неблаготворно скудное содержанiе, получаемое учителями и непревышающее 250 руб. въ годъ, вслѣдствiе чего мало-мальски способные учителя быстро мѣняютъ родъ занятiй, а также отсутствiе средствъ для выдачи учебныхъ пособiй сиротамъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей. Все это должно было повести къ тому, что число меламдовъ не только не сокращается, какъ этого желаетъ правительство, но даже возрастаетъ (тутъ указывается на Кишиневъ, гдѣ въ 1864 году существовало до 100 хедеровъ), тѣмъ болѣе, что смотрители

казенныхъ еврейскихъ училищъ, которымъ меламды подчинены, изъ корыстныхъ видовъ выдаютъ меламедскія свидѣтельства безъ разбора.

Для устраненія этихъ ненормальностей, ген.-адъют. Коцебу предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ. 1) Такъ какъ казенныя еврейскія училища были учреждены съ цѣлью искоренить талмудическое ученіе, удаляющее евреевъ отъ сліянія съ христіанами, чтобы затѣмъ при помощи этихъ училищъ привлечь еврейское юношество въ общія учебныя заведенія, то нужно училища 1-го разряда преобразовать такимъ образомъ, чтобы они могли служить „первоначальными школами“, подготовляющими учениковъ къ поступленію во 2-й классъ гимназіи. 2) Училища 2-го разряда обратить въ „реальныя“ съ самостоятельнымъ практическимъ курсомъ, дающимъ возможность воспитанникамъ, непродолжающимъ ученія въ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, примѣнить съ пользою свои познанія. 3) Открыть при заведеніяхъ обоихъ типовъ приготовительные классы, въ которыхъ дѣти, смотря по возрасту и способностямъ, могли бы оставаться отъ одного до трехъ лѣтъ, не нуждаясь въ предварительной подготовкѣ со стороны меламдовъ. 4) Назначить смотрителями первоначальныхъ и реальныхъ школъ исключительно евреевъ, окончившихъ курсъ въ раввинскихъ училищахъ или же въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. 5) Ассигновать для каждаго ученика достаточныя суммы на покупку бѣднѣйшимъ ученикамъ учебныхъ книгъ и на другія необходимыя имъ пособія, а также избирать почетныхъ блюстителей не на неопредѣленное время, а только на одно трехлѣтіе для того, чтобы они въ интересахъ дальнѣйшаго избранія своего на эту должность заботились о матеріальныхъ средствахъ училищъ. 6) Увеличить содержаніе учителей евреевъ, назначая изъ ихъ среды и смотрителей и вмѣняя имъ въ обязанность служить на одномъ мѣстѣ не менѣе пяти лѣтъ. 7) Меламдовъ подчинить вѣдѣнію дирекціи училищъ, разрѣшивъ существованіе хедеровъ исключительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ училищъ.

Въ заключеніе ген.-адъют. Коцебу указываетъ на необходимость одного лишь преобразованія еврейскихъ училищъ а также приспособленія первоначальнаго ученія въ нихъ къ понятіямъ и взглядамъ евреевъ для того, чтобы обращеніе русскихъ учителей съ воспитанниками не давало родителямъ права думать, что задача школъ заключается главнымъ образомъ въ парализованіи въ еврейскихъ дѣтяхъ религіозныхъ и національныхъ ихъ чувствъ. „Уничтожить-же училища—говорится въ резолютивной части записки—значило-бы способствовать евреямъ обратиться снова къ прежней ихъ замкнутости и фанатизму. Нужно изъ евреевъ дѣлать полезныхъ гражданъ и къ этому я не вижу другаго средства, кромѣ образованія“.

Достойно, впрочемъ, вниманія, что наряду съ приведенными соображеніями, относящимися къ внутренней реорганизаціи еврейскихъ казенныхъ училищъ, ген.-адъют. Коцебу главнымъ основаніемъ для переименованія училищъ 1 и 2 разрядовъ въ первоначальную и реальную школы выставляетъ существующее у евреевъ предубѣжденіе противъ понятія о разрядахъ вообще, укоренившееся среди нихъ еще въ то время, когда правительствомъ проектировалось подраздѣленіе еврейскаго населенія па четыре разряда и когда большинству его грозили суровыя наказанія, какъ вредному непроизводительному элементу.

II.

Нѣсколько иныя соображенія были высказаны по тому же вопросу бывшимъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа д. с. с. Арцимовичемъ, обратившимся съ двумя записками къ министру народнаго просвѣщенія и предсѣдателю ученаго комитета.

„Одесскій городовой раввинъ д-ръ Швабахеръ—говорится въ первой запискѣ—ознакомилъ меня подробно съ мыслью о необходимости дѣйствовать на нравственное развитіе и образованіе евреевъ посредствомъ вполнѣ образованныхъ и приготовленныхъ

къ дѣятельности этого рода раввиновъ-проповѣдниковъ. Меня убѣждаетъ въ важности и справедливости этой мысли то огромное вліяніе, какимъ пользуется между евреями южной Россіи самъ г. Швабахеръ, какъ проповѣдникъ, одаренный высокимъ краснорѣчіемъ, и какъ человѣкъ, съ многостороннимъ образованіемъ и духомъ терпимости соединяющій въ себѣ ясный взглядъ на положеніе своего народа, на его недостатки и потребности. Этому вліянію онъ подчинилъ большинство еврейскаго населенія въ Одессѣ и привлекъ къ себѣ молодыхъ раввиновъ, которые изъ западной Россіи пріѣзжаютъ въ Одессу и остаются здѣсь на продолжительное время, чтобы подъ его руководствомъ развить въ себѣ искусство проповѣдывать. Вотъ почему я рѣшился представить на усмотрѣніе вашего высокопревосходительства мысль объ учрежденіи въ Одессѣ „семинаріи для приготовленія еврейскихъ проповѣдниковъ" и о назначеніи директоромъ ея г. Швабахера. Содержаніе этого учрежденія можно было-бы отнести на спеціальныя средства евреевъ, т. е. на свѣчной и коробочный сборы. Число препарандовъ-пансіонеровъ на первый разъ могло-бы быть не болѣе десяти, что, полагая по 200 р. на каждаго, составило-бы 2000 р. Поступать должны были-бы молодые люди, окончившіе курсъ въ казенныхъ раввинскихъ училищахъ. Если мысль эта будетъ принята благосклонно, то г. Швабахеръ доставитъ дальнѣйшія подробности устава. Въ связи съ этимъ считаю нужнымъ обратить вниманіе вашего высокопревосходительства на необходимость перевести въ Одессу одно изъ раввинскихъ училищъ западной Россіи. По моему мнѣнію, положеніе ихъ въ краѣ, въ которомъ волненіе народныхъ страстей и увлеченія всякаго рода, не смотря на суровыя и исключительныя мѣры, или даже, можетъ быть, подъ вліяніемъ такихъ мѣръ, не могутъ скоро успокоиться, весьма неблагопріятное для спокойнаго развитія, имѣющаго цѣлью мало по малу сблизить евреевъ съ народами другихъ религіозныхъ воззрѣній и уничтожить тысячелѣтній религіозный фанатизмъ и національную исключительность. Примѣры, которые они встрѣчаютъ

кругомъ, не могутъ вызвать въ нихъ довѣрія къ тѣмъ началамъ, какія мы желаемъ провести между ними. При томъ и еврейское населеніе на Литвѣ, болѣе нежели гдѣ нибудь, всегда отличалось своимъ фанатизмомъ и нетерпимостью и всѣми мѣрами старалось противодѣйствовать прогрессивному движенію евреевъ западной Европы. Понятно, что такая среда въ высшей степени неблагопріятная для развитія раввинскихъ училищъ, тогда какъ въ Одессѣ оба эти обстоятельства представляются въ другомъ видѣ: здѣсь нѣтъ ни національной, ни религіозной борьбы; большинство еврейскаго общества принадлежитъ къ образованнымъ сословіямъ и тяготѣетъ къ Европѣ и къ европейской, стало быть—къ христіанской, общечеловѣческой жизни. Доктора, адвокаты, банкиры, богатые негоціанты, люди съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, составляя вліятельную часть здѣшняго еврейскаго общества, конечно, должны были бы дѣйствовать самымъ благодѣтельнымъ образомъ на молодыхъ раввиновъ. Дѣти здѣшнихъ евреевъ во множествѣ получаютъ свое воспитаніе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ; такъ во 2-й одесской гимназіи учится 115 евреевъ, въ женской гимназіи фонъ-Гауеншильдъ—36 еврeекъ, въ коммерческомъ училищѣ—39 евреевъ, тогда какъ число учащихся въ исключительно еврейскихъ училищахъ становится меньше и меньше. Такъ въ 1862 году въ одесскихъ казенныхъ еврейскихъ училищахъ 1-го разряда число учащихся было 316, въ 1863 и 1864 годахъ по 300, а къ 1 января 1865 года число это уменьшилось до 260. Въ училищѣ 2-го разряда: въ 1862 году —114, въ 1863 году—135, а въ 1864 году—45. Соображая эти данныя, я прихожу къ тому убѣжденію, что еврейскія казенныя училища 2-го разрядѣ должны быть закрыты и суммы ихъ обращены въ пособіе тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ евреи стремятся получить болѣе общее и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обширное образованіе, т. е. гимназіямъ и прогимназіямъ. Въ такихъ же пособіяхъ нуждаются и по справедливости могутъ расчитывать на нихъ тѣ частныя и общественныя женскія училища

въ которыхъ еврейскія дѣвочки учатся вмѣстѣ съ христіанскими и въ которыхъ число ученицъ-евреекъ возрастаетъ въ огромной пропорціи. Таковы: керченское земское училище, имѣющее 38 евреекъ, херсонская прогимназія, въ которой евреекъ 50, одесская частная гимназія фонъ-Гауэншильдъ, гдѣ 36 евреекъ. Что же касается до казенныхъ еврейскихъ училищъ 1-го разряда, то, не зная близко дѣла, я не рѣшаюсь повторять чужія заявленія относительно объема занятій еврейскими предметами и распредѣленія въ нихъ преподаванія. Считаю только нужнымъ высказать, что, по моему мнѣнію, въ курсахъ этихъ училищъ должны быть усилены тѣ общіе предметы, которые необходимы для поступленія въ гимназію, по крайней мѣрѣ въ первый классъ, т. е. русскій языкъ и ариѳметика".

Какъ извѣстно, мысль объ основаніи раввинской семинаріи не встрѣтила сочувствія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, тѣмъ болѣе, что скоро были упразднены сами раввинскія училища, питомцы которыхъ и могли-бы усовершенствоваться въ семинаріи, какъ въ высшемъ богословскомъ институтѣ. По этой причинѣ, полагать надо, мысль эта не была осуществлена и четверть вѣка спустя, когда одесское отдѣленіе общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи опять выдвинуло вопросъ объ открытіи въ Одессѣ раввинской семинаріи, но безъ успѣха.

Вторая записка д. с. с. Арцимовича заключаетъ въ себѣ мотивированный отвѣтъ на сдѣланный ему министерствомъ народнаго просвѣщенія запросъ относительно желательныхъ измѣненій въ еврейской школѣ. „Съ внутренней организаціей раввинскихъ училищъ я познакомился, благодаря подробнымъ и весьма интереснымъ свѣдѣніямъ, изложеннымъ въ отчетѣ тайн. сов. Постельса; до сего же времени я зналъ о нихъ только по лицамъ, оканчивающимъ въ нихъ свое образованіе. Раввинскіе воспитанники поступаютъ или въ раввины или въ учителя еврейскихъ училищъ. Въ первомъ случаѣ юноша-раввинъ, воспитанный въ духѣ нетерпимости къ предразсудкамъ своей будущей паствы, принимается

еврейскими обществами безропотно. Евреи помирились съ этимъ назначенiемъ, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. Но къ дѣятельности подобнаго раввина общество относится совершенно пассивно; конечный же результатъ заключается въ томъ, что онъ не имѣетъ влiянiя на общество, онъ только терпимъ, пользы же отъ него весьма мало. Какъ же въ самомъ дѣлѣ *юношѣ* быть духовнымъ отцомъ въ такомъ обществѣ, гдѣ патрiархальное устройство пережило и тысячи лѣтъ и ничѣмъ не могло быть разрушено? Во второмъ случаѣ воспитанникъ раввинскаго училища, какъ учитель, одно изъ самыхъ несчастныхъ существъ; онъ прiобрѣлъ знанiя, а между тѣмъ ему рѣшительно нечѣмъ существовать; онъ недоволенъ, онъ тяготится своимъ положенiемъ. Поэтому я и позволяю себѣ задать вопросъ: нужны ли такiя училища, которыя выпускаютъ людей, или не приносящихъ пользы, или тяготящихся своимъ положенiемъ? Не лучше ли бы было на средства этихъ училищъ образовать родъ семинарiи, въ которую поступали бы лица и въ извѣстномъ возрастѣ, и по окончанiи общаго гимназическаго курса, и которые по призванiю занялись бы подготовленiемъ себя къ занятiю раввинскихъ должностей. Точно также, если нужны особыя еврейскiя училища, а слѣдовательно и еврейскiе учителя, то не лучше ли на средства этихъ же раввинскихъ училищъ открыть педагогическiе курсы. Переходя засимъ къ вопросу относительно еврейскихъ училищъ, я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы главная задача ихъ—ослабленiе еврейскаго фанатизма—могла быть достигнута посредствомъ поддержки этихъ училищъ. Мы видимъ, что процентъ евреевъ, обучающихся въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ, весьма ничтоженъ сравнительно съ евреями, обучающимися въ открыто существующихъ хедерахъ и у безправныхъ меламедовъ. Совершенное ослабленiе еврейскаго фанатизма можетъ быть достигнуто признанiемъ ихъ равноправно-

сти и отсутствіемъ всякаго вмѣшательства въ ихъ религіозныя убѣжденія. Исходя изъ этого соображенія, я позволяю себѣ заявить два положенія. Если средства, отпускаемыя на еврейскія училища 1 и 2 разрядовъ, въ случаѣ закрытія этихъ училищъ, не будутъ обращены на еврейское образованіе, то тогда лучше оставить дѣло почти in statu quo, закрывъ училища 2 разряда и предоставивъ возможность дѣтямъ, посѣщающимъ училища 1 разряда, поступать въ гимназіи и прогимназіи, а эта возможность обусловливается усиленіемъ преподаванія только русскаго языка. Если же денежныя средства и при закрытіи училищъ останутся въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія, тогда удобнѣе всего было бы вести дѣло образованія еврейскихъ дѣтей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть общія училища, назначеніемъ имъ стипендій во время посѣщенія этихъ училищъ и пособій общихъ какъ частнымъ, такъ и общественнымъ училищамъ, въ которыхъ воспитываются еврейскія дѣти, и предоставить право еврейскимъ обществамъ, по желанію ихъ, просить объ открытіи курсовъ еврейскихъ предметовъ въ общихъ училищахъ и гимназіяхъ“.

Приведенные нами отзывы не оставляютъ сомнѣнія, что люди, близко знакомые съ положеніемъ русскихъ евреевъ, всегда признавали просвѣтительныя средства наиболѣе пригодными для борьбы съ антиобщественными теченіями въ еврейской жизни,— съ теченіями, составляющими, какъ извѣстно, неизбѣжный результатъ печальныхъ историческихъ условій.

Израильскіе христіане.

Царствованіе Императора Александра I ознаменовалось весьма крупной мѣрою, имѣвшей своей задачею поощреніе перехода евреевъ въ христіанство и вызвавшей къ жизни цѣлую организацію по надѣленію землею евреевъ-прозелитовъ и учрежденіе въ Петербургѣ „Комитета опекунства израильскихъ христіанъ“. Обнародованный 25-го марта 1817 года указъ рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ участь новообращенныхъ евреевъ, которые, „отдѣляясь отъ своихъ собратій христіанскою религіей, лишаютъ себя всякаго съ ними сообщества и не только теряютъ право на ихъ помощь, но и подвергаютъ себя разнымъ съ ихъ стороны гоненіямъ“. И правительство, „подвигнуто будучи достодолжнымъ благоговѣніемъ къ гласу благодати, призывающему сихъ чадъ Израилевыхъ изъ разсѣянія ихъ во общеніе вѣры Христовой“, предписало, съ одной стороны, всѣмъ начальствующимъ лицамъ оказывать евреямъ, при обращеніи въ христіанство, всевозможную помощь и покровительство, а съ другой — составить особое „общество израильскихъ христіанъ“ съ отводомъ ему земли въ одной изъ сѣверныхъ или южныхъ губерній па правѣ общиннаго владѣнія. На этой землѣ дозволялось членамъ общества заводить всякаго рода селенія, мѣстечки и города съ правомъ допущенія туда на жительство постороннихъ лицъ только по пріемнымъ приговорамъ общины, заниматься хлѣбопашествомъ, ремеслами, торговлей и заводской промышленностью и пользоваться льготою, освобождающей ихъ отъ записки въ гильдіи или цехи. Кромѣ того прозелитамъ, не исключая и иностранныхъ евреевъ, объявлена была свобода отъ всякаго рода понудительной государственной службы, отъ постоя, содержанія почтъ и всѣхъ другихъ земскихъ по-

зинностей. Обществу было также ввѣрено внутреннее управленіе на выборномъ началѣ, для чего ему предоставлено было избрать правленіе изъ двухъ начальниковъ и четырехъ засѣдателей, дѣйствовавшихъ подъ контролемъ петербургскаго комитета.

Уже въ 1818 году „Комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ“ началъ функціонировать, и въ Новороссійскій край былъ командированъ надворный совѣтникъ Григорій Мизко съ цѣлью осмотра и выбора на Югѣ пригоднаго участка для заселенія прозелитовъ-евреевъ. „По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію,—писалъ по этому поводу тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицинъ графу А. Ѳ. Ланжерону,—отправляется нынѣ въ южныя губерніи надв. сов. Мизко для обозрѣнія казенныхъ земель и отысканія изъ нихъ, соотвѣтственно данному ему наставленію, приличнаго участка подъ населеніе общества израильскихъ христіанъ. Посему покорнѣйше прошу ваше сіятельство не оставить оказать ему, при исполненіи сего возложеннаго на него вслѣдствіе Высочайшей воли дѣла, всякое съ вашей стороны содѣйствіе и покровительство, также предписать о томъ подчиненнымъ вамъ мѣстамъ и лицамъ, до которыхъ когда либо встрѣтится по сему случаю надобность. Въ особенности же будетъ нужно предписаніе ваше г.г. гражданскимъ губернаторамъ ввѣренныхъ вашему сіятельству губерній екатеринославской, херсонской и таврической, дабы и они съ своей стороны непосредственно оказывали г. Мизко всевозможное содѣйствіе и помощь въ порученномъ дѣлѣ.“ На этомъ основаніи надворн. сов. Мизко, признавшій для задачи своей болѣе удобнымъ избрать мѣстопребываніемъ г. Екатеринославъ, былъ въ мартѣ 1819 года снабженъ открытымъ листомъ, давшимъ ему возможность собрать точныя свѣдѣнія о количествѣ и качествѣ пустопорожнихъ казенныхъ земель въ Новороссійскомъ

краѣ. Выборъ его палъ скоро на одинъ участокъ, отмежеваніе котораго, не смотря на энергичную дѣятельность самого Мизко и на оказанное ему содѣйствіе со стороны высшей администраціи, вызвало, однако, безконечную переписку, продолжавшуюся цѣлыхъ шесть лѣтъ и прекратившуюся только тогда, когда сама мысль о колонизаціи прозелитовъ-евреевъ была совершенно оставлена. „Прибывши въ здѣшній край,—доноситъ надв. сов. Мизко графу Ланжерону,—по Высочайшей волѣ Государя Императора для отысканія участка земли подъ поселеніе общества израильскихъ христіанъ, я поставилъ долгомъ немедленно развѣдать, сколько позволяли мнѣ способы, о пустопорожнихъ казенныхъ земляхъ. Соображая положеніе ихъ и качество съ данной мнѣ инструкціей, полагаю, что самымъ приличнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ мѣстомъ для поселенія израильскихъ христіанъ можно полагать земли маріупольскихъ грековъ, назначенныя къ отбору за излишествомъ въ казну. Здѣсь безъ всякаго стѣсненія греческихъ селеній можно отрѣзать участокъ отъ 25 тысячъ десятинъ и болѣе. Плодородная почва вообще тамошнихъ земель и близкое положеніе ихъ отъ моря и городовъ Таганрога и Маріуполя увеличиваетъ достоинство ихъ. Кажется, можно безошибочно сказать, что выгоднѣйшаго пункта по мѣстному положенію въ здѣшнемъ краѣ между незаселенными казенными землями теперь уже не находится, ибо хотя и есть еще пустопорожнія земли въ таврической и херсонской губерніяхъ, но всѣ онѣ весьма далеки выгодами, а наипаче отъ мѣстнаго положенія зависящими, чтобы могли сравниться съ упомянутыми маріупольскими. Дикость ихъ, недостатокъ въ водѣ и отдаленность отъ городовъ—дѣлаютъ ихъ не столько выгодными къ поселенію и обзаведенію. Если бы правительству благоугодно было по симъ уваженіямъ приказать въ наступающее лѣто выбрать участокъ между маріупольскими землями и отмежевать, то

симъ самымъ кончилось бы дѣло сіе, не подвергаясь дальнѣйшему продолженію".

Переписка по вопросу объ отмежеваніи намѣченнаго Мизко участка продолжалась, однако, до 1821 года, покуда всѣ посыпавшіяся со стороны маріупольскихъ грековъ ходатайства не были отклонены и не послѣдовалъ фактическій отводъ 26,000 десятинъ для нуждъ израильскихъ христіанъ. Тѣмъ не менѣе, заселеніе евреевъ-прозелитовъ еще долго не начиналось. „При вступленіи вашего сіятельства въ управленіе ввѣреннымъ вамъ Новороссійскимъ краемъ,—писалъ черезъ два года князь А. Н. Голицынъ графу М. С. Воронцову,—изволите вы встрѣтить тамъ вновь устроющуюся часть, мнѣ подвѣдомственную, а именно—общество израильскихъ христіанъ, которое повелѣно учредить Высочайшимъ указомъ 25 марта 1817 года, но которое, впрочемъ, не воспріяло еще дѣйствительнаго существованія. Цѣлью учрежденія сего общества предположено доставленіе принявшимъ христіанство евреямъ спокойнаго пристанища, въ коемъ могли бы они заниматься каждый своимъ промысломъ и пріобрѣтать себѣ честнымъ образомъ, трудами, пропитаніе, ведя при томъ жизнь, сообразную съ ученіемъ христіанскимъ. Для него въ недавнемъ еще токмо времени отмежеванъ окончательно участокъ земли въ екатеринославской губерніи, и учрежденный здѣсь въ С.-Петербургѣ, для главнаго управленія заселеніями онаго, комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ принимаетъ мѣры къ приглашенію желающихъ изъ евреевъ-христіанъ для поселенія на той землѣ. Опредѣленный попечителемъ сего общества г. Мизко, имѣющій постоянное пребываніе въ Екатеринославѣ, при исполненіи постановленій объ ономъ, всегда будетъ имѣть нужду въ покровительствѣ со стороны вашего сіятельства сему благотворному, начинающемуся дѣлу, и я, будучи увѣренъ, что вы не оставите принять участіе въ ономъ, долгомъ по-

ставляю препоручить г. Мизко въ благосклонное вниманіе ваше, какъ чиновника достойнаго и похвальнѣйшихъ качествъ, прося покорнѣйше оказывать ему защиту и пособіе въ дѣйствіяхъ, по должности на него возложенныхъ, и поставить также мѣстнымъ начальствамъ въ обязанность, дабы и оныя, по его ходатайству, въ случаяхъ, до нихъ относящихся, дѣлали законное удовлетвореніе, споспѣшествуя ему зависящимъ отъ нихъ содѣйствіемъ".

Графъ М. С. Воронцовъ отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ задачѣ новаго общества и пожелалъ, понятно, ближе познакомиться съ дѣятельностью этого учрежденія. Но на сдѣланный имъ по этому поводу запросъ екатеринославскій гражданскій губернаторъ донесъ 14 августа 1823 года, „что на Высочайше пожалованномъ обществу израильскихъ христіанъ участкѣ земли, по недавнему еще отмежеванію таковаго, населеніе не начато и что по распоряженію учрежденнаго въ С.-Петербургѣ комитета опекунства приглашаются окрещенные евреи къ добровольному поселенію, о тѣхъ же, кои изъявили къ сему желаніе, собираются надлежащія справки, равнымъ образомъ и другія нужныя къ тому принимаются мѣры".

Эти „справки" и „мѣры", сопряженныя съ неизбѣжнымъ формализмомъ, затормозили въ значительной степени дѣло и привели къ тому, что въ 1833 году самъ комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ прекратилъ свое существованіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отчасти начатое 9 сентября 1823 года въ канцеляріи Новороссійскаго генералъ-губернатора производство по ходатайству 38 семействъ израильскихъ христіанъ, изъ коихъ 37 проживало въ Одессѣ, а одно въ Тирасполѣ, о заселеніи ихъ на отведенной обществу землѣ. Характерно, что большинство прозелитовъ носило фамиліи Добровольскихъ и Крыжановскихъ. Свѣдѣнія о просителяхъ собирались въ теченіе двухъ лѣтъ. У многихъ

не оказалось не только видовъ на жительство, но даже свидѣтельствъ о крещеніи, хотя мѣстной полиціей было удостовѣрено, что всѣ они открыто исповѣдуютъ православную вѣру, и одинъ изъ нихъ, житель г. Тирасполя Антонъ Крыжановскій, домогался даже утвержденія его въ званіи шляхтича на основаніи польскихъ узаконеній. Въ концѣ концовъ просьба ихъ была отклонена въ виду недоказанности непосредственнаго перехода ихъ изъ еврейства въ христіанство.

ОГЛАВЛЕНІЕ.